

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

На пути к нооэкономике: построение многополярного мира на основе ценностно-ориентированного подхода и опыта китайской модернизации * Суверенитет через кооперацию: императивы индустриального развития БРИКС и российский вектор технологической рефункционализации * Парадигма устойчивости промышленных экосистем в условиях новой реальности * Экономическая политика и институциональный статус центрального банка * Коллективный технологический суверенитет: возможности для России * Воспроизводство человеческого потенциала: в погоне за технологической волной *

№1 (87)

2026

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
№ 1 (87) 2026**

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией

ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опублико-
ваны основные научные результаты диссертаций на соискание
учёных степеней доктора и кандидата наук (Решение
Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включён в базу данных «Российский индекс на-
учного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 03.03.2026 г.
Дата выхода в свет 11.03.2026 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 12,75. Усл. печ. л. 21,42.
Тираж 1000 экз. Заказ 7.

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью
«Медиа Гранд», 152900, Ярославская область,
г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, 57

© ИНИР им. С. Ю. Витте:
составление, редакционная подготовка, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук,
профессор, чл.-корр. РАН;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд.
экон. наук;
С. С. Бодрунова, д-р полит. наук, профессор;
А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством
Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержа-
щихся в настоящем издании, допускается с письменного разре-
шения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Р. Бахтизин, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, иностранный член РАН,
профессор Техасского университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некителов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Я. П. Силин, д-р экон. наук, профессор

ECONOMIC REVIVAL OF RUSSIA № 1 (87) 2026

Academic periodical publication

Originally established in 1915 by the Economic Revival of Russia Society; current founder – S. D. Bodrunov

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Mass Media Registration Certificate PI No. FS77-50990 of 27.08.2012).

Published by S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID)

in cooperation with St. Petersburg Regional Division
of National Public Organization Free Economic
Society of Russia

Included in the List of Top Peer-Reviewed Academic Journals and Publications recommended for publishing main research findings from prospective doctoral dissertations (*Resolution of the Presidium of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia of February 2, 2012 No. 8/13*).

The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and posted on the Scientific Electronic Library (SEL) website.

Editor's office and publisher address:
16 Bolshaya Monetnaya St. 197101 St. Petersburg, Russia
Tel.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru

Signed to print on 03.03.2026.
Date of publication 11.03.2026
Paper size 33.1 x 46.8 in. Offset paper.
Printer's sheets: 12,75. Conventional printer's sheets: 21,42.
Circulation: 1000 copies. Order No 7.

Free pricing

Limited Liability Company
«Media Grand» 152900, Yaroslavl Oblast,
Rybinsk, ul. Ordzhonikidze 57

© S.Y. Witte INID:
compilation, editing, 2026

EDITORIAL BOARD

S. D. Bodrunov, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor;
A. A. Zolotarev, Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in Economics;
S. S. Bodrunova, Doctor of Political Sciences, Professor;
A. I. Kolganov, Doctor of Economics, Professor;
V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor

S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) is operating under the research and methodological direction of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.
INID Director – S. D. Bodrunov

Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Economic Revival or Russia* journal.

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
A. R. Bakhtizin, Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfiriev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Y. P. Silin, Doctor of Economics, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

По пути к возрождению

<i>Бодрунов С. Д.</i> На пути к ноономике: построение многополярного мира на основе ценностно-ориентированного нооподхода и опыта китайской модернизации	5
--	---

Проблемы развития экономики

<i>Шматко А. Д., Шамина Л. К., Полунин В. А.</i> Транспортно-логистическая инфраструктура как детерминанта развития ресурсного потенциала регионов России	13
<i>Дмитриев Н. Д.</i> Суверенитет через кооперацию: императивы индустриального развития БРИКС и российский вектор технологической рефункционализации	23
<i>Бабкин А. В., Кирильчук С. П., Наливайченко Е. В.</i> Парадигма устойчивости промышленных экосистем в условиях новой реальности	48
<i>Ткаченко Е. А., Ларионов Е. Е.</i> Технологии шестого уклада и будущее труда: марксистский анализ рисков депролетаризации и возможностей для роста благосостояния в условиях роботизации	65
<i>Бирюков В. В.</i> Экономическая политика и институциональный статус центрального банка	82
<i>Пьянкова С. Г., Тимакова Р. Т.</i> Промышленный код региона в формировании туристской идентичности: ретроспектива, патриотика, ноономика	95
<i>Безруков А. О., Байдаров Д. Ю., Файков Д. Ю.</i> Коллективный технологический суверенитет: возможности для России	105

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Быков А. И., Цацулин А. Н.</i> Офсетные соглашения в системе мер по газификации промышленности Российской Федерации в условиях санкционного давления	120
<i>Шумская Е. И.</i> Воспроизводство человеческого потенциала: в погоне за технологической волной	140
<i>Литвиненко А. Н., Гузикова Л. А.</i> Проблемы и противоречия системы противодействия кибермошенничеству в условиях цифровизации экономики	153
<i>Бабич Л. В., Секушина И. А.</i> Особенности и факторы развития креативных индустрий в малых и средних городах России	176

CONTENTS

On The Way To Revival

Bodrunov S. D. On the Path Towards Noonomy: Building a Multipolar World Based on a Value-Oriented Nooapproach and the Experience of Chinese Modernization 5

Problems of the Economy Development

Shmatko A. D., Shamina L. K., Polunin V. A. Transport and Logistics Infrastructure as a Determinant of Resource Potential Development in Regions of Russia13

Dmitriev N. D. Sovereignty Through Cooperation: Imperatives of BRICS Industrial Development and the Russian Vector of Technological Refunctionalization23

Babkin A. V., Kirilchuk S. P., Nalivaychenko E. V. The Paradigm of Industrial Ecosystems Sustainability in the New Reality.....48

Tkachenko E. A., Larionov E. E. Technologies of the Sixth Mode and the Future of Labor: A Marxist Analysis of Deproletarianization Risks and Opportunities for Welfare Growth Under Robotization.....65

Biryukov V. V. Economic Policy and Institutional Status of the Central Bank82

Pyankova S. G., Timakova R. T. The Industrial Code of the Region in the Formation of Tourist Identity: Retrospect, Patriotics, Noonomy95

Bezrukov A. O., Baydarov D. Y., Faikov D. Y. Collective Technological Sovereignty: Opportunities for Russia105

Business Economics and Innovation

Bykov A. I., Tsatsulin A. N. Offset Agreements in the System of Measures for Gasification of Industry in the Russian Federation Under the Pressure of Sanctions120

Shumskaya E. I. Reproduction of Human Potential: Chasing the Technological Wave140

Litvinenko A. N., Guzikova L. A. Problems and Contradictions of the System for Countering Cyber Fraud in the Context of Economy Digitalization153

Babich L. V., Sekushina I. A. Features and Factors of the Development of Creative Industries in Small and Medium-Sized Cities in Russia176

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-5-12

С. Д. Бодрунов¹

НА ПУТИ К НООНОМИКЕ: ПОСТРОЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА НА ОСНОВЕ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО НООПОДХОДА И ОПЫТА КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ²

Современный мир стремительно трансформируется, что требует не только теоретического осмысления, уже выполненного в рамках теории ноономики, но и практических шагов, направленных на встраивание в новые тенденции развития. Сформировавшаяся в предшествующие десятилетия западо-центричная модель глобального управления, построенная на рыночной парадигме, требует пересмотра, учета в ней интересов новых центров силы XXI века и вовлечения в процессы глобального управления новых ресурсов и новых акторов. Практические шаги на пути к многополярному мироустройству предлагается строить на основе интеграции усилий развивающихся стран, представляющих «Глобальный Юг», с опорой на теорию ноономики и творческое осмысление накопленного Китаем, как одним из успешных глобальных лидеров, опыта социально-экономической модернизации.

Ключевые слова: Глобализация, глобальные проблемы, глобальное управление, китайский опыт модернизации, миропорядок, многополярный мир, ноономика, нооценности.

УДК 330.352

Проблема построения многополярного мира в настоящее время предельно актуальна. Она обостряется глобальными вызовами, нарастающими год от года и усугубляющимися тем, что однополярная модель мироустройства и развитие экономической глобализации полностью исчерпали себя.

В теории ноономики, предложенной Институтом Нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, и активно распространяемой в мире, в т.ч., что особо важно – в КНР, этой проблеме уделяется особое внимание, поскольку качество и скорость трансформации социально-экономической системы и мирового порядка определяют будущее человеческой цивилизации [2]).

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, 16), д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: inir@inir.ru.

² Подготовлено по материалам пленарного доклада на XXV Шанхайском экономическом форуме (КНР, Шанхай, 12–13 декабря 2025 г.).

Данная проблематика находит отражение в нашей концепции *глобального нооперехода*, выделяющей, во-первых, конкретные этапы движения к гармоничному и прогрессивному ноо-обществу, во-вторых, выявляющей условия социальной эффективности системной трансформации, и, в-третьих, основанной на принципе преемственности развития научного знания [5].

Последнее особенно важно, поскольку невозможно не заметить, что практически все происходящие глобальные изменения – текущие и длящиеся уже несколько десятилетий – объясняются концепцией классического марксизма: преобразуются базис и надстройка глобального масштаба, перестраиваются институты и модифицируются социальные отношения. В контексте развития данных тенденций с позиции теории ноономики эти изменения объяснены – они обуславливаются, главным образом, ростом знаниеинтенсивности производства и превращением знания в его базовый фактор. (рис. 1)

Рисунок 1

В современных условиях «ускорения ускорения» НТП существенно *трансформируется структура производительных сил*, определяя картину грядущего мироустройства и образ общества будущего [1]. Из их состава с нарастанием знаниевой и творческой компоненты постепенно редуцируется труд, раскрывая при этом широчайшие горизонты для социальной эволюции [8]. (рис. 2)

Однако внутреннее содержание и пути глобальной трансформации и развития различаются – в зависимости от закладываемых в их основу базовых ценностей.

Длительное время в XX веке, особенно к концу века, приоритетными были ценности неолиберализма, что проявлялось в соответствующих моделях национального социально-экономического развития. С крушением СССР эти ценности стали превалирующими в мире.

Однако следование этим ценностям отнюдь не привело глобальный мир к успеху. В последние десятилетия неолиберальные ценности поставлены под сомнение, и преимущественно потому, что привели к существенным проблемам, вызвавшим глобальный

миросистемный кризис – фактически кризис всех аспектов развития человеческой цивилизации.

Рисунок 2

К наиболее острым и опасным из подобных вызовов следует отнести, прежде всего, неравномерное распределение знаний и технологий, ограниченный доступ к качественному образованию, ведущие к формированию информационно отстраненных групп населения и способствующие созданию т.н. «цифровых концлагерей», ресурсное истощение, процессы деиндустриализации и финансовализации экономики, дисбаланс между рыночной логикой капитала и новой когнитивной реальностью, социальный кризис [6].

При полном отказе от другой, отличной от неолиберальной, ценностной составляющей прогресс современного базиса, более того, неотвратимо ведет к глобальной катастрофе, т.к. мощность современных технологий, как каркаса производительных сил, достигла величин, когда их неразумное использование может привести к уничтожению условий прогрессивного развития, а то – и к глобальной гибели.

Таким образом, в ходе современной «переоценки ценностей» неизбежно возникает вопрос о том, какие вообще ценности необходимы для преодоления современного системного кризиса нынешнего экономического общества и устойчивого, сбалансированного и гармоничного социального развития.

Ответ на этот вопрос, как правило, обуславливается интересами дающей его стороны. Например, нетрудно практически безошибочно определить позицию и соответствующие рекомендации ряда международных организаций по той или иной ситуации, контролируемых западными странами во главе с США, исходя из их целей и приоритетов сохранения гегемонии и мирового контроля, рыночных принципов и капиталистических основ, выращивания общества неограниченного потребления, ориентации на личное обогащение, закрепление и преумножение собственности.

Однако сейчас формируется и принципиально иной ценностный подход, характеристики и особенности которого обозначены в рамках теории ноономики. Его привер-

женцами выступают преимущественно развивающиеся страны, испытавшие на себе негативные последствия западной, приоритизации глобальной экономики и в настоящее время объединяющие свои усилия путем создания интеграционных групп – таких, как БРИКС, ШОС, ЕАЭС и т.п. В рамках таких объединений страны готовы к раскрытию своего потенциала и созданию для этого собственных институтов. Отметим, что для реализации этой идейной концепции за основу взят богатый опыт китайской модернизации, затрагивающей не только экономику, но и всю социальную структуру, институты, систему управления и т.д.

Выделенные в теории ноономики нооценности – ориентирующие на социальную эволюцию и духовное возрастание личности на базе разумного развития технологий и их контроля [4] – находят достаточно большое отражение в китайской концепции «общества единой судьбы человечества».

Не удивительно, что КПК КНР удалось так тонко прочувствовать и оценить значимость правильной ценностной ориентации общества, ведь именно Китаю в современном мире отводится роль «ядра» и нового центра мирового развития, который совместно с Россией, Индией и другими странами будет осуществлять качественный ноопереход, в течение которого необходимо обеспечить трансляцию духовных и культурных нооценностей в этико- и морально нейтральный по своей природе технологический прогресс.

Однако этот процесс невозможен в условиях хаотичного состояния мировой экономики, в которой она находится вследствие приоритизации неолиберальной модели.

Для реализации этой цели необходима концепция развернутого и согласованного глобального управления. С такой инициативой на расширенном заседании «ШОС+» выступил Председатель КНР Си Цзиньпин³.

Он уделил внимание пяти основным пунктам своей идеи, подчеркнув приоритет «суверенного равенства» и принципа многосторонности и социальной ориентированности, важность соблюдения норм международного права и отказа от так называемых «двойных стандартов» (т.е. учета прав и интересов всех), необходимость обеспечения реализуемости и равного доступа к участию в глобальном управлении для каждой страны – вне зависимости от ее географических, экономических, политических и иных характеристик.

Нам, с позиций теории ноономики, представляется, что благодаря реализации такого подхода (в том числе, посредством использования опыта модернизации Китая, а также соответствующего процесса «стратегирования», о чем мы писали в одной из своих монографий [9] *возможна* подлинная интеллектуально-креативная ноотрансформация общественного производства, обеспечивающего не только жизнедеятельность социума, но и возвращение творческой и ценностно-гармоничной личности. Таким образом, «в основе движения к ноономике остается человек как высшая ценность, его духовное и интеллектуальное совершенствование – на которое будет работать вся система социально-экономических институтов». Заметим, что в рамках модернизации по-китайски а) именно человек, «народ» – базовая ценность; б) вопрос сочетания «плана» и «рынка» в новую эпоху трансформируется в сочетание «управления» и «рынка», где под управлением социальным и экономическим строительством понимается комплекс

³ См.: <https://ria.ru/20250901/kitay-2038853574.html?ysclid=mi75jaw6q708406096>.

задач, описанных, в т.ч., в концепции стратегирования трансформации общества [9, 10]), и где «план» позиционируется как «вспомогательный» инструмент стратегирования. Именно в такой трактовке на указанной выше ценностной основе проясняется не только идейная, но и практическая суть инициативы по глобальному управлению, выдвинутую лидером КНР.

Важно отметить, что новый центр мирового развития, формирующий нооценностное «ядро», выстраивающий трансформационный путь и реализующий новые принципы социального развития, уже испытывает и продолжит ощущать многоликое и разноуровневое негативное воздействие со стороны Западного полюса, имеющего иное видение о мироустройстве и мировом порядке, а также свои проекты по осуществлению глобального управления и ценностной ориентации. Мы помним знаменитую идею британского классика Р. Киплинга о «бремени белого человека», имевшего ввиду известную негативную коннотацию колониализма.

Укрепление нового формирующегося центра мирового развития и совместное выстраивание гармоничного пути перехода к ноо-обществу, при всех оттенках его дефиницирования – это основная цель для стран этого полюса.

Уже сегодня наблюдаются позитивные тенденции – ускорение и углубление НТП его участников, элементы т.н. «диффузии собственности», всплеск идей солидаризма и практик солидарности и, в совокупности обозначенные нами посредством терминов «квадрига ноономики» [3] или «четыре вектора ноопарадигмы» – которые объективно свидетельствуют о правильном выборе траектории развития этих стран, как и средств для реализации поставленной цели. А также соответственно и предельно важно – о ее достижимости на основе нооценностной базы (рис. 3).

Рисунок 3

Как было отмечено на специальной сессии Вольного экономического общества России⁴ «На пути к многополярному миру и устойчивому развитию», которая посвящалась 80-летию ООН, «только переход к инклюзивному сотрудничеству между странами, где во главу угла будут поставлены принципы равноправия, взаимоуважения, открытости и солидаризма [7], позволит преодолеть актуальные вызовы устойчивому развитию»⁵. Эти простые для понимания ценности формируют основу самосохранения и дальнейшей эволюции общества и мира.

Они известны давно, и в той или иной форме они отражены в мировых религиозно-философских концепциях, к примеру, правилах воспитания «благородного мужа» (обращаясь как к Конфуцию, так и древнегреческим мыслителям). Они также отражены в понятиях и представлениях о человеческих добродетелях. Именно такой нооценностный фундамент, составляющий цели глобального развития как человеко-ориентированный, позволит выйти из кризиса человеческой цивилизации, солидарно справиться с глобальными цивилизационными угрозами, сформировать новый базис общественного воспроизводства и осуществить качественный переход к ноономике как к будущему материальному базису общества – постэкономической социальной формации, в которой творческая смыслообразующая деятельность человека, использующего безграничные и доступные ресурсы знания, станет основой эволюции способа удовлетворения общественных потребностей.

Именно такой ноо-ценностно ориентированный подход, по нашему мнению, использующий, в т.ч., в качестве практической компоненты опыт китайской модели модернизации, должен лежать в основе формирования нового плюса много полярного мироустройства XXI века.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 312 с.
2. Бодрунов, С. Д. Ноономика / Монография / – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. Бодрунов, С. Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 1 (67). – С. 5–14.
4. Бодрунов, С. Д. От экономических интересов – к нооценностям / С. Д. Бодрунов // Вопросы философии. – 2022. – №7. – С. 15–26.

⁴ Вольное экономическое общество России (ВЭО России) – первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира – основано указом Екатерины Великой 11 ноября 1765 года. Объединяет ученых-экономистов и специалистов в области управления, финансов, образования, банковской и других сфер с целью развития и укрепления экономики России и её регионов, всех отраслей народного хозяйства. В его состав входят 65 региональных организаций. Ежегодно ВЭО России и его региональные организации проводят более 1000 разноформатных (научно-экспертных, просветительских, деловых) мероприятий, в которых принимают участие более 300 000 экспертов и специалистов из всех регионов России. См.: <https://www.veorus.ru/>

⁵ См. цитату: <https://veorus.ru/%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%B8%D1%8F/%D1%85%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B9/spetsialnaya-sessiya-veo-rossii-na-puti-k-mnogopolyarnomu-miru-i-ustoychivomu-razvitiyu-k-80-letiyu-oon/>.

5. Бодрунов, С. Д. Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. – 2024. – №2 (80). – С. 5-11.
6. Бодрунов, С. Д. От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально-креативного аспекта (ноо) трансформации общества) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2025а. – №1 (83). – С. 5-31.
7. Бодрунов, С. Д. «На пути к многополярному миру и устойчивому развитию» к 80-летию ООН / С. Д. Бодрунов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2025б. – Т. 4, № 3. – С. 80-81.
8. Бодрунов, С. Д. Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, ноономика / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2025с. – № 2(84). – С. 5-20.
9. Kvint V., Bodrunov S. (2022) *Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy*. Oakville, MO: Apple Academic Press. – 206 p.
10. 谢尔盖·博德鲁诺夫·弗拉基米尔·昆特 (2025)。《智慧型经济驱动下的社会转型战略》。北京：中国金融出版社

References

1. Bodrunov S. D. (2016) *Gryadushcheye. Novoye industrialnoye obshchestvo: perezagruzka* [The Coming New Industrial Society: Reloaded]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 352 p.
2. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomika* [Noonomy]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. 432 p.
3. Bodrunov S. D. (2021) *Genezis noonomiki: NTP, diffuziya sobstvennosti, sotsializatsiya obshchestva, solidarizm* [Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Socialization of Society, Solidarity]. *Economic Revival of Russia*, 1 (67), pp. 5-14.
4. Bodrunov S. D. (2022) *Ot ekonomicheskikh interesov – k nootsennostyam* [From Economic Interests to Noovalues]. *Questions of Philosophy*, 7, pp. 15-26.
5. Bodrunov S. D. (2024) *Integratsiya kak faktor global'noy transformatsii obshchestvennogo ustroystva* [Integration as a Factor of Global Transformation of Social Structure]. *Economic Revival of Russia*, 2 (80), pp. 5-11.
6. Bodrunov S. D. (2025a) *Ot ekonomiki – k noonomike (tezisy k voprosu o strategirovanii intellektual'no-kreativnogo aspekta (noo) transformatsii obshchestva)* [From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of the Intellectual-Creative Aspect Strategy of the Societal (Noo) Transformation)]. *Economic Revival of Russia*, 1 (83), pp. 5-31.
7. Bodrunov S. D. (2025b) «Na puti k mnogopolyarnomu miru i ustoychivomu razvitiyu» k 80-letiyu OON [«Towards a Multipolar World and Sustainable Development» for the 80th Anniversary of the UN]. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, 3 (4), pp. 80-81.
8. Bodrunov S. D. (2025c) *Aromorfoz kategorii «trud» v ramkakh global'noy transformatsii obshchestva: znaniye, tvorchestvo, noonomika* [Aromorphosis of the «Labor» Category as Part of the Global Societal Transformation: Knowledge, Creativity, Noonomy]. *Economic Revival of Russia*, 2 (84), pp. 5-20.
9. Kvint V., Bodrunov S. (2022) *Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy*. Oakville, MO: Apple Academic Press. 206 p.
10. 谢尔盖·博德鲁诺夫·弗拉基米尔·昆特 (2025)。《智慧型经济驱动下的社会转型战略》。北京：中国金融出版社

S. D. Bodrunov⁶. On the Path Towards Noonomy: Building a Multipolar World Based on a Value-Oriented Nooapproach and the Experience of Chinese Modernization. The modern world is undergoing a rapid transformation, which demands not only a theoretical analysis, which can already be provided within the framework of the noonomy theory, but also a series of practical actions aimed at integrating new development trends. The Western-centric model of global governance that has developed over the past decades, based on the market paradigm, needs to be revised to incorporate the interests of the new power centers of the 21st century as well as new resources and new actors in the processes of global governance. Practical steps towards a multipolar world order could be based on the integration of the efforts of developing countries representing the Global South, with reference to the theory of noonomy and a creative understanding of the socio-economic experience of modernization accumulated by China as one of the successful global leaders.

Keywords: globalization, global problems, global governance, Chinese modernization experience, world order, multipolar world, noonomy, noovalues.

⁶ *Sergey D. Bodrunov*, Director of S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya St., St. Petersburg, 197101, Russia), Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, e-mail: inir@inir.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-13-22

А. Д. Шматко¹, Л. К. Шамина², В. А. Полунин³

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА РАЗВИТИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье исследуется взаимосвязь между развитием транспортно-логистической инфраструктуры и реализацией ресурсного потенциала регионов Российской Федерации. Обоснована концептуальная модель инфраструктурного детерминизма регионального развития, основанная на положениях теории новой экономической географии и институциональной экономики. На основе панельных данных по 15 депрессивным регионам России за период 2015–2022 гг. выявлены ключевые барьеры инфраструктурного характера, препятствующие капитализации природно-ресурсных, производственных и человеческих активов периферийных территорий. Предложена авторская методика оценки мультипликативного эффекта инфраструктурных инвестиций на основе модифицированной производственной функции с учетом пространственных экстерналий. С использованием инструментария регрессионного анализа доказано, что устранение инфраструктурных разрывов способствует снижению транзакционных издержек на 18-34%, формированию агломерационных эффектов и интеграции локальных экономик в национальные цепочки создания стоимости.

Ключевые слова: региональная экономика, транспортно-логистическая инфраструктура, ресурсный потенциал, депрессивные регионы, пространственное развитие, агломерационные эффекты, транзакционные издержки, инфраструктурные разрывы.

УДК 338

¹ *Алексей Дмитриевич Шматко*, профессор кафедры Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», (190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1), д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАО, e-mail: shmatko_ad@voenmeh.ru

² *Любовь Константиновна Шамина*, профессор кафедры Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1), д-р экон. наук, профессор, e-mail: shamina_lk@voenmeh.ru

³ *Виктор Андреевич Полунин*, аспирант ФГБУН Институт проблем региональной экономики РАН, (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38), e-mail: syg_@mail.ru

С.Д. Бодрунов указывает в [1], что основные задачи, стоящие перед нашей страной, – это прежде всего обеспечение технологического прорыва; развитие знаниеёмкого производства; формирование социально-экономических отношений, стимулирующих приоритетное развитие высокотехнологического производства. Особое внимание уделяется созданию государственной системы планирования, институализации стратегического планирования промышленной политики, основанной на новом технологическом укладе (VI-ой, согласно академику С. Ю. Глазьеву [цит. по 2]). При этом под технологическим укладом понимаются группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления [3 с. 38]. С.Ю. Глазьев обосновывает необходимость структурных изменений, перехода к цифровой экономике и самостоятельной финансовой политики для обеспечения конкурентоспособности страны.

Проблематика пространственной дифференциации социально-экономического развития регионов России приобретает особую актуальность в условиях необходимости обеспечения устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности национальной экономики. Несмотря на значительный природно-ресурсный, производственный и человеческий потенциал ряда территорий, их экономическое развитие сдерживается комплексом структурных ограничений, среди которых инфраструктурная недостаточность выступает ключевым фактором, определяющим невозможность эффективной капитализации имеющихся активов.

Транспортно-логистическая инфраструктура представляет собой базовый элемент экономического каркаса региона, обеспечивающий пространственную связность хозяйствующих субъектов, интеграцию локальных рынков в единое экономическое пространство и снижение издержек на перемещение товаров, услуг и факторов производства [4]. Инфраструктурная обеспеченность территории во многом предопределяет возможности привлечения инвестиций, размещения производительных сил, формирования устойчивых экономических связей и реализации конкурентных преимуществ региона.

Согласно данным Росстата, по состоянию на 2024 год доля автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности дорог в отдельных депрессивных регионах составляет лишь 42-58% против среднероссийского показателя 67%. Плотность железнодорожных путей общего пользования в ряде периферийных территорий не превышает 35-78 км на 10 тыс. кв. км территории при среднем значении по России 50 км, что создает критические барьеры для экономического развития [5].

Целью статьи является выявление количественных закономерностей влияния транспортно-логистической инфраструктуры на развитие ресурсного потенциала депрессивных регионов и обоснование концептуальных подходов к формированию эффективной инфраструктурной политики пространственного развития.

Новизна исследования заключается в разработке эконометрической модели оценки влияния инфраструктурных параметров на эффективность использования ресурсного

потенциала депрессивных регионов с учетом пространственных лагов и институциональных факторов; обосновании авторской типологии инфраструктурных разрывов и их дифференцированного воздействия на траектории регионального развития.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретическое осмысление роли инфраструктуры в региональном развитии базируется на концептуальных положениях новой экономической географии, институциональной экономической теории и теории эндогенного роста. Согласно фундаментальным работам П. Кругмана и М. Фудзиты, пространственная концентрация экономической активности определяется взаимодействием центростремительных сил, генерирующих агломерационные эффекты, и центробежных сил, связанных с ростом издержек концентрации [6, с. 15]. Транспортная инфраструктура в данной парадигме выступает критическим фактором, модифицирующим баланс этих сил через изменение транспортных издержек и доступности рынков.

Проведенный анализ инфраструктурной обеспеченности исследуемых депрессивных регионов выявил существенные различия в уровне развития транспортно-логистической инфраструктуры (табл. 1).

Таблица 1

Показатели транспортно-логистической инфраструктуры депрессивных регионов (2024 г.)

Регион	Плотность автодорог с твердым покрытием, км/1000 км ²	Плотность ж/д путей, км/10000 км ²	Доля дорог в нормативном состоянии, %	Количество логистических центров	Интегральный индекс ИИО
Псковская обл.	187	89	43,2	2	0,48
Ивановская обл.	312	156	38,7	3	0,52
Костромская обл.	156	71	41,5	1	0,43
Курганская обл.	134	68	36,8	2	0,41
Республика Алтай	67	0	29,4	0	0,28
Республика Тыва	45	0	22,1	0	0,22
Кировская обл.	178	94	44,6	2	0,49
Среднее по выборке	154	68	36,6	1,4	0,40
Среднее по РФ	238	50	58,4	-	0,63

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата [5]

Как видно из таблицы 1, депрессивные регионы демонстрируют существенное отставание по ключевым инфраструктурным параметрам. Особенно критическая ситуация наблюдается в республиках Алтай и Тыва, где интегральный индекс инфраструктурной обеспеченности составляет лишь 0,28 и 0,22 соответственно против среднероссийского значения 0,63. При этом доля автомобильных дорог в нормативном состоянии в Республике Тыва не превышает 22,1%, что создает критические препятствия для экономической деятельности.

Анализ динамики показателей экономического развития исследуемых регионов в сопоставлении с инфраструктурными характеристиками представлен в таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь инфраструктурной обеспеченности и экономического развития регионов

Регион	Индекс ИИО	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Темп роста ВРП 2015–2022, %	Уровень безработицы, %	Коэффициент использования ресурсного потенциала*
Псковская обл.	0,48	387,4	112,3	5,8	0,54
Ивановская обл.	0,52	343,2	108,7	4,9	0,58
Костромская обл.	0,43	398,5	115,6	5,2	0,51
Курганская обл.	0,41	329,8	106,4	6,7	0,47
Республика Алтай	0,28	276,3	103,2	9,8	0,35
Республика Тыва	0,22	241,7	98,4	14,2	0,28
Кировская обл.	0,49	411,2	118,9	4,6	0,56
Среднее по РФ	0,63	721,3	128,4	3,9	0,68

*Коэффициент использования ресурсного потенциала рассчитан методом DEA [10]

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата [5]

Данные таблицы 2 демонстрируют наличие устойчивой положительной связи между уровнем инфраструктурной обеспеченности и показателями экономического развития региона. Регионы с более высоким значением индекса ИИО характеризуются большим ВРП на душу населения, более высокими темпами экономического роста и более эффективным использованием ресурсного потенциала.

Для количественной оценки влияния инфраструктурных факторов на экономическое развитие депрессивных регионов была построена панельная регрессионная модель с фиксированными эффектами. Результаты оценивания представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты оценки панельной регрессии (зависимая переменная – ln ВРП)

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-value
ln(Основной капитал)	0,342***	0,048	7,125	0,000
ln(Труд)	0,286***	0,067	4,269	0,000
ln(ИИО)	0,418***	0,089	4,697	0,000
ln(Человеческий капитал)	0,234**	0,094	2,489	0,015
Константа	2,847***	0,523	5,444	0,000
R ² within	0,724			
Количество наблюдений	120 (15 регионов × 8 лет)			
F-статистика	78,34***			

*Примечание: ***, **, * – значимость на уровне 1%, 5%, 10% соответственно

Источник: расчеты авторов

Результаты регрессионного анализа подтверждают статистически значимое положительное влияние инфраструктурной обеспеченности на валовой региональный продукт. Эластичность ВРП по индексу инфраструктурной обеспеченности составляет 0,418, что означает, что увеличение ИИО на 10% приводит к росту ВРП на 4,18% при прочих равных условиях. Данный эффект превышает влияние человеческого капитала (эластичность 0,234) и сопоставим с эффектом накопления основного капитала.

Для выявления специфики влияния различных компонентов инфраструктуры была построена расширенная модель с дезагрегированием индекса ИИО на составляющие (табл. 4).

Таблица 4

Декомпозиция эффекта инфраструктурных факторов

Компонент инфраструктуры	Эластичность ВРП	Вклад в общий эффект, %	Приоритетность для депрессивных регионов
Плотность транспортной сети	0,168***	35,2	Высокая
Качество дорожного покрытия	0,206***	43,1	Критическая
Логистическая инфраструктура	0,089**	18,6	Средняя
Цифровая связность	0,015	3,1	Низкая
Общий эффект	0,478	100,0	-

Источник: расчеты авторов

Полученные результаты свидетельствуют, что для депрессивных регионов критическое значение имеет качество существующих дорог (вклад 43,1%), а не только их количество. Это объясняется тем, что низкое качество дорожного покрытия существенно увеличивает транспортные издержки, сокращает срок службы транспортных средств и снижает скорость доставки грузов.

Особый интерес представляет анализ мультипликативного эффекта инфраструктурных инвестиций. На основе межотраслевых балансов исследуемых регионов были рассчитаны мультипликаторы инфраструктурных инвестиций (табл. 5) [7].

Таблица 5

Мультипликативный эффект инфраструктурных инвестиций в депрессивных регионах

Тип инфраструктурного проекта	Прямой эффект на ВРП, руб/руб инвестиций	Косвенный эффект, руб/руб	Общий мультипликатор	Срок проявления эффекта, лет
Строительство автодорог	1,18	1,34	2,52	3-5
Модернизация дорожного покрытия	0,87	0,96	1,83	2-3
Логистические центры	1,42	1,76	3,18	4-6
Мультимодальные терминалы	1,65	2,08	3,73	5-7

Источник: расчеты авторов на основе межотраслевых балансов [7].

Наиболее высокий мультипликативный эффект (3,73 руб. прироста ВРП на 1 руб. инвестиций) наблюдается при создании мультимодальных терминалов, обеспечивающих интеграцию различных видов транспорта. Однако срок проявления эффекта для таких проектов составляет 5-7 лет. Для регионов с критически низким уровнем инфраструктуры приоритетным является строительство и модернизация автодорог с более быстрым сроком окупаемости.

Институциональный анализ позволил выявить, что транзакционные издержки предприятий в депрессивных регионах с низким уровнем инфраструктурной обеспеченности (ИИО <0,35) на 27-34% превышают аналогичные издержки предприятий в регионах с развитой инфраструктурой. Структура дополнительных транзакционных издержек включает: издержки поиска альтернативных поставщиков и каналов сбыта (38%), издержки создания избыточных запасов (29%), логистические издержки (21%), издержки контроля качества при длительной транспортировке (12%) [4, с. 50].

Пространственный эконометрический анализ выявил наличие значимых эффектов [3, с. 80]: улучшение инфраструктурной обеспеченности региона на 10% приводит к росту ВРП соседних регионов на 1,8-2,3% благодаря расширению рынков сбыта, интеграции производственных цепочек и миграции трудовых ресурсов. Подобные межрегиональные «перетоки» или спилловер-эффекты являются важной характеристикой инфраструктурных проектов [8, с. 7].

Кейс 1. Влияние реконструкции автодороги на экономику Псковской области
Реконструкция автодороги М-20 «Санкт-Петербург – Псков – Пустошка» (2018–2020 гг.) с инвестициями 14,7 млрд руб. привела к следующим эффектам: сокращение времени доставки грузов в Санкт-Петербург на 32%; рост товарооборота с соседними регионами на 18,4%; увеличение турпотока на 23%; создание 1 240 новых рабочих мест в транспортно-логистическом секторе; прирост ВРП региона на 4,8% за три года. Расчетный мультипликатор проекта составил 2,67.

Кейс 2. Инфраструктурная изоляция Республики Тыва

Отсутствие железнодорожного сообщения и низкое качество автодорог в Республике Тыва (ИИО = 0,22) приводит к тому, что себестоимость продукции местных производителей на 35-48% выше, чем у конкурентов из более доступных регионов. Издержки на доставку угля из Улуг-Хемского месторождения (запасы 20 млрд тонн) делают его добычу нерентабельной. Реализация проекта строительства железной дороги Кызыл – Курагино (стоимость 165 млрд руб.) может увеличить ВРП региона в 2,8 раза за 10 лет.

Анализ эффективности использования ресурсного потенциала методом ДЕА показал, что регионы с индексом ИИО выше 0,50 демонстрируют коэффициент технической эффективности 0,71-0,84, в то время как регионы с ИИО ниже 0,30 имеют коэффициент эффективности лишь 0,28-0,42. Это означает, что инфраструктурные ограничения приводят к потере 58-72% потенциального выпуска.

Построенная типология инфраструктурных разрывов включает: критические разрывы (отсутствие базовых транспортных коммуникаций) – характерны для Республик Алтай и Тыва; качественные разрывы (низкое качество при наличии сети) – Курганская, Псковская области; структурные разрывы (несбалансированность видов транспорта) – Еврейская АО; логистические разрывы (отсутствие современной логистической инфраструктуры) – большинство исследуемых регионов [9, с. 38].

Корреляционный анализ выявил сильную отрицательную связь между индексом инфраструктурной обеспеченности и миграционным оттоком населения ($r = -0,78$, $p < 0,01$). Регионы с ИИО ниже 0,35 теряют ежегодно 0,8-1,4% населения трудоспособного возраста, что усугубляет деградацию человеческого капитала и формирует порочный круг депрессивности [10, с. 2110].

Таким образом, для регионов с критическими инфраструктурными разрывами (ИИО < 0,30) приоритетом должно быть создание базовой транспортной сети с использованием механизмов федерального финансирования и концессионных соглашений. Для регионов с качественными разрывами (0,30 < ИИО < 0,50) – модернизация существующей сети и развитие логистической инфраструктуры. Для регионов со структурными разрывами – формирование мультимодальных транспортных узлов.

Необходимо внедрение механизма оценки инфраструктурных проектов с учетом мультипликативных эффектов и пространственных экстерналий, что позволит обосновать целесообразность реализации проектов с длительным сроком окупаемости в депрессивных регионах.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на анализ синергетических эффектов развития физической и цифровой инфраструктуры, оценку влияния институционального качества управления инфраструктурными проектами на их эффективность,

а также разработку механизмов государственно-частного партнерства, адаптированных к специфике депрессивных территорий.

Проведенное исследование подтверждает определяющую роль транспортно-логистической инфраструктуры в развитии ресурсного потенциала депрессивных регионов России. Инфраструктурная недостаточность выступает критическим барьером, препятствующим капитализации природно-ресурсных, производственных и человеческих активов периферийных территорий.

Основные результаты исследования:

- Эластичность ВРП депрессивных регионов по индексу инфраструктурной обеспеченности составляет 0,418, что подтверждает высокую чувствительность экономики проблемных территорий к инфраструктурным улучшениям.

- Мультипликативный эффект инфраструктурных инвестиций в депрессивных регионах составляет 1,83-3,73 руб. прироста ВРП на 1 руб. инвестиций в зависимости от типа проекта, что существенно выше, чем в развитых регионах (1,2-1,8).

- Инфраструктурные ограничения генерируют дополнительные транзакционные издержки предприятий на уровне 27-34% и приводят к потере 58-72% потенциального выпуска в наиболее проблемных регионах.

- Для депрессивных регионов критическое значение имеет качество транспортной инфраструктуры (вклад в ВРП 43,1%), превышающее по значимости количественные параметры сети.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2(76). – С. 5-12. – DOI 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.

2. Творческий потенциал населения - ключевой фактор перехода к ноономике / С. Д. Бодрунов, А. А. Шабунова, Л. В. Бабич, Г. В. Леонидова // Экономическое возрождение России. – 2025. – № 3(85). – С. 5-25. – DOI 10.37930/1990-9780-2025-3-85-5-25. – EDN TKFOCL.

3. Глазьев, С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – Москва: Книжный мир, 2018. – 768 с. – ISBN 978-5-6041071-1-9. – EDN VQDBYV.

4. Заколюкина Е. С. Транспортная инфраструктура региона как фактор развития территорий // Проблемы развития территории. – 2023. – № 5(27). – С. 79-95.

5. Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2023. – 950 с.

6. Кругман П. География и торговля. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 232 с.

7. Пономарев Ю. Ю. Оценка расширенных мультипликативных социально-экономических эффектов инфраструктурных проектов на основе модели межотраслевого баланса // Региональная наука России. – 2020. – № 4. – С. 426-440.

8. Федорова Е. А. Спилловер-эффекты в российской экономике: теоретические аспекты и эмпирические оценки // Вопросы экономики. – 2016. – № 8. – С. 5-22.

9. *Бережных М. А.* Экономическое развитие регионов России: инфраструктурные диспропорции и пути их преодоления // Региональная экономика: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 34-48.

10. *Никулина Н. Л.* Роль региональной транспортно-логистической инфраструктуры в формировании единого экономического пространства // Мир транспорта. – 2021. – № 3 (9). – С. 34-44.

References

1. Bodrunov S. D. (2023) Promyshlennaya politika Rossii v usloviyakh vyzovov global'noy transformatsii: zadachi teorii i praktiki perekhoda k novomu etapu industrial'nogo razvitiya (NIO.2) [Industrial Policy of Russia in the Context of the Challenges of Global Transformation: Tasks of Theory and Practice of Transition to a New Stage of Industrial Development (NIS.2)]. *Economic Revival of Russia*, 2 (76), pp. 5-12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2 (76) -5-12.

2. Bodrunov S. D., Shabunova A. A., Babich L. V., Leonidova G. V. (2025) Tvorcheskiy potentsial naseleniya – klyuchevoy faktor perekhoda k noonomike [Creative Potential of the Population is the Key Factor in the Transition to Noonomy]. *Economic Revival of Russia*, 3 (85), pp. 5-25. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-3-85-5-25.

3. Glazyev S. Y. (2018) Ryvok v budushcheye. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozaystvennom ukladakh [A Leap into the Future. Russia in the New Technological and Global Economic Modes]. Moscow: Knizhny Mir. 768 p. ISBN: 978-5-6041071-1-9.

4. Zakolyukina E. S. (2023) Transportnaya infrastruktura regiona kak faktor razvitiya territoriy [Regional Transport Infrastructure as a Factor in Territorial Development]. *Problems of Territory's Development*, 5 (27), pp. 79-95.

5. Rosstat (2023) Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators]. Moscow: Rosstat. 950 p.

6. Krugman P. (2027) Geografiya i trgovlya [Geography and Trade]. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics. 232 p.

7. Ponomarev Y. Y. (2020) Otsenka rasshirenykh mul'tiplikativnykh sotsial'no-ekonomicheskikh effektov infrastrukturykh proyektov na osnove modeli mezhotraslevogo balansa [Assessment of Extended Multiplier Socioeconomic Effects of Infrastructure Projects Based on the Input-Output Model]. *Regional Science of Russia*, 4, pp. 426-440.

8. Fedorova E. A. (2016) Spillover-effekty v rossiyskoy ekonomike: teoreticheskiye aspekty i empiricheskiye otsenki [Spillover Effects in the Russian Economy: Theoretical Aspects and Empirical Estimates]. *Problems in Economics*, 8, pp. 5-22.

9. Berezhnykh M. A. (2024) Ekonomicheskoye razvitiye regionov Rossii: infrastrukturnyye disproportsii i puti ikh preodoleniya [Economic Development of Russian Regions: Infrastructure Disparities and Ways to Overcome Them]. *Regional Economy: Theory and Practice*, 2, pp. 34-48.

10. Nikulina N. L., Averina L. M. (2021) Rol' regional'noy transportno-logisticheskoy infrastruktury v formirovaniy yedinogo ekonomicheskogo prostranstva [The Role of Regional Transport and Logistics Infrastructure in Development of a Single Economic Space]. *World of Transport and Transportation*, 3 (19), pp. 34-44.

A. D. Shmatko⁴, L. K. Shamina⁵, V. A. Polunin⁶. Transport and Logistics Infrastructure as a Determinant of Resource Potential Development in Regions of Russia. The article examines the relationship between the development of transport and logistics infrastructure and the realization of resource potential in regions of the Russian Federation. A conceptual model of infrastructural determinism of regional development is substantiated, based on the provisions of the theory of new economic geography and institutional economics. Based on panel data for 15 depressed regions of Russia for the period 2015–2022, the authors identified key infrastructure barriers that prevent the capitalization of natural resource, production and human assets of peripheral territories. The authors propose an original methodology for assessing the multiplicative effect of infrastructure investments based on a modified production function taking into account spatial externalities. Using regression analysis tools, it was proved that the elimination of infrastructure gaps contributes to a reduction in transaction costs by 18-34%, the formation of agglomeration effects and the integration of local economies into national value chains.

Keywords: regional economy, transport and logistics infrastructure, resource potential, depressed regions, spatial development, agglomeration effects, transaction costs, infrastructure gaps.

⁴ *Aleksey D. Shmatko*, Professor of the Department of Strategic Management of High-Tech Enterprises at the D. F. Ustinov Baltic State Technical University «VOENMEH» (1-ya Krasnoarmeyskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russia), Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, e-mail: smatko_ad@voenmeh.ru

⁵ *Liubov K. Shamina*, Professor of the Department of Strategic Management of High-Tech Enterprises at the D. F. Ustinov Baltic State Technical University «VOENMEH» (1-ya Krasnoarmeyskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: shamina_lk@voenmeh.ru

⁶ *Viktor A. Polunin*, Post-graduate Student of the Federal State Budgetary Institution of Science, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, (38 Serpukhovskaya ul., 190013, St. Petersburg, Serpukhovskaya St., 38), e-mail: syr_@mail.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-23-47

Н. Д. Дмитриев¹

**СУВЕРЕНИТЕТ ЧЕРЕЗ КООПЕРАЦИЮ:
ИМПЕРАТИВЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БРИКС
И РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФУНКЦИОНАЛИЗАЦИИ²**

В статье исследуется диалектическая взаимосвязь между формированием технологического суверенитета и углублением промышленной кооперации в рамках объединения БРИКС. Суверенитет смещается из пространства формального государственного атрибута в плоскость технологического доминирования и распределённых цепочек создания стоимости, где индустриальная субъектность детерминирована контролем над узловыми точками – критическими звеньями производственных циклов и доступом к альтернативным каналам технологических возможностей. Обосновывается концепция технологической рефункционализации как стратегического магистрального вектора промышленной политики России в условиях расширения кооперационного пространства БРИКС. Исследование опирается на данные UNCTAD о динамике торговли внутри объединения, аналитику МВФ по доле объединения в глобальном ВВП (ППС), параметры финансово-институциональной архитектуры (портфель НБР, альтернативные клиринговые механизмы). В результате было выявлено, что импортозамещение 2022–2025 гг. создаёт восстановительную траекторию, но обнажает структурные пределы компенсаторной стратегии в сегментах высокоинтегрированных производств микроэлектроники и цифровой инфраструктуры. Предложена трёхосевая архитектура рефункционализации: отраслевая переспециализация – инкорпорация в трансграничные технологические циклы знаниеёмкого производства – институциональная гармонизация. Сформулирован императив «суверенитет через кооперацию» как диалектическое снятие противоречия между автономией и взаимозависимостью. Выявлен риск новой периферизации при моноконцентрации партнёрских связей, что выдвигает на передний план задачу диверсификации полисубъектного взаимодействия внутри объединения и преодоления технологической зависимости нового типа. Сделан вывод о необходимости перехода от реактивного импортозамещения к проактивной рефункционализации производственно-технологических цепочек на основе кооперационной комплементарности экономик БРИКС, обеспечивающей эмерджентный синергетический эффект индустриального развития и разрывающей воспроизводственный цикл асимметричных зависимостей.

Ключевые слова: БРИКС, технологический суверенитет, технологическая рефункционализация, промышленная кооперация, импортозамещение, знаниеёмкое производство, неоиндустриальное развитие, индустриальная субъектность.

УДК 338.24:339.92

¹ *Дмитриев Николай Дмитриевич*, кандидат экономических наук, доцент Высшей инженерно-экономической школы, Заведующий лабораторией «Моделирование и цифровизация социально-экономических систем», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, РФ, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29)

² Результаты получены при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства науки и высшего образования в процессе реализации проекта «Управление устойчивым развитием промышленных структур в рамках концепции вода-энергия-продовольствие» (соглашение № 075-15-2024-673).

Введение

Архитектоника глобального экономического порядка претерпевает сегодня сдвиги, масштаб которых сопоставим с трансформациями середины XX столетия, когда распад колониальных империй породил волну деколонизации и формирование движения неприсоединения. Однако нынешняя реконфигурация мирохозяйственных связей обладает принципиально иной качественной характеристикой: она разворачивается не столько в плоскости политического самоопределения, сколько в пространстве технологических режимов контроля, где вопрос суверенитета определяется не границами территорий, а конфигурациями цепочек добавленной стоимости.

Эмпирически эта реконфигурация выражается в ускоренном росте торгово-производственной связности стран Глобального Юга. По оценке UNCTAD, внутренняя торговля товарами между странами БРИКС (по экспортной стороне) выросла более чем в 13 раз – с 84,2 млрд долл. в 2003 г. до 1,17 трлн долл. в 2024 г., при среднегодовом темпе 13,3%, что существенно выше темпов мировой торговли (5,7%) за тот же период [1]. Это означает, что «кооперационный контур» становится самостоятельным экономическим фактом, а не политической декларацией.

Мировая экономическая динамика вступила в фазу структурной турбулентности, отмеченную эрозией привычных координат глобального порядка. Гегемониальные конфигурации позднеиндустриальной эпохи, веками удерживавшие монополию на нормотворчество и распределение производственных ролей, утрачивают былую непрерываемость. Производственные цепочки, некогда выстроенные по принципу жёсткой иерархической субординации и безальтернативной привязки периферии к метрополиям, переживают кардинальное перераспределение центров притяжения. Возникают новые узлы концентрации индустриальных возможностей, формируются альтернативные полюса технологической гравитации, складываются непривычные траектории движения капитала, знаний и производственной мощи.

Турбулентность усиливается на фоне общего роста объёмов мировой торговли при одновременном усилении неопределённости правил. По данным UNCTAD, мировая торговля достигла рекордных 33 трлн долл. в 2024 г., увеличившись на 3,7% (+1,2 трлн долл.), причём ключевым драйвером стали услуги (+9% за год) [2]. Такая динамика указывает на «двойной режим» мировой экономики: расширение оборота соседствует с перестройкой логистики, финансовых каналов и технологических сетей.

В подобной среде, насыщенной противоречиями и разрывами преемственности, категория суверенитета перестаёт быть исключительно политико-правовым понятием, замкнутым в рамках юридической догматики. Она выходит за пределы классических вестфальских определений и приобретает многомерность, недостижимую для традиционных дисциплинарных границ. Суверенитет обретает технологическое измерение, производственное наполнение и когнитивное содержание. Иными словами, подлинная самостоятельность государства сегодня определяется не только формальной независимостью в принятии решений, но и реальной способностью воплощать эти решения в материальные структуры – заводы, научно-исследовательские лаборатории, алгорит-

мические платформы и системы обработки данных, передовые инженерные системы и т.д.

Тема технологического суверенитета, ставшая лейтмотивом российской промышленной политики после 2022 г., зачастую интерпретируется исключительно сквозь призму импортозамещения – то есть как задача субституции вышедших западных поставщиков отечественными аналогами. Между тем подобная трактовка отражает лишь реактивную фазу структурной адаптации и не исчерпывает всей полноты стратегических возможностей, которые открывает российской экономике участие в кооперационном пространстве БРИКС. Настоящая статья вводит в научный оборот понятие технологической рефункционализации, понимаемой как целенаправленное перепрофилирование места национальной промышленности в глобальных цепочках создания стоимости – переход от позиции зависимого импортёра критических технологий к роли сопроизводителя и сосоздателя технологических решений внутри кооперационных объединений Глобального Юга.

Суверенитет в индустриальном смысле выражается в способности общества контролировать критические звенья создания добавленной стоимости, управлять научно-техническими траекториями развития и удерживать интеллектуальную ренту внутри национального экономического периметра. При отсутствии собственных производственных возможностей, при утрате контроля над ключевыми технологическими процессами политическая автономия неизбежно приобретает декларативный, симулятивный характер. Она превращается в риторическую оболочку, лишённую материального каркаса. Следовательно, индустриализация нового типа – углублённая, интеллектуализированная, знаниеёмкая – становится не столько инструментом экономического роста, сколько фундаментальным условием субъектности, предпосылкой исторического присутствия страны на мировой арене.

Сдвиг суверенитета в сторону технологических пространств влияния подкрепляется изменением «веса» коалиций в мировой экономике. Согласно данным МВФ, совокупная доля БРИКС в мировой экономике по паритету покупательной способности составила около 40% в 2024 г. и прогнозируется на уровне порядка 41% в 2025 г. [3]. При таком масштабе рынка и производства способность формировать собственные стандарты, технологические траектории и институты расчётов перестаёт быть периферийной задачей и превращается в системный фактор.

На данном этапе именно объединение стран БРИКС формирует альтернативный полюс индустриальной эволюции, представляющий вызов устоявшейся архитектуре глобального производства. В ядро группы входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика – страны, разнородные по своим культурным матрицам, историческим траекториям и экономическим укладам. Их объединяет не идеологическая унификация, не навязанная извне доктринальная общность, а стратегическое совпадение интересов в сфере индустриального обновления, технологической автономии и радикального перераспределения глобальных производственных ролей. Это союз, скреплённый общностью производственных вызовов, схожестью исторических задач и пересечением долгосрочных национальных стратегий.

Актуальность постановки проблемы подкрепляется стремительной институциональной динамикой самого объединения БРИКС. Фактор расширения усиливает мате-

риальную комплементарность объединения: расширяются ресурсная база, финансовые и логистические узлы, демографические и промышленные профили участников. В 2024 г. к первоначальной «пятерке» присоединились Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия; в январе 2025 г. полноправным членом стала Индонезия, доведя численный состав до десяти государств [4].

Параллельно на казанском саммите (октябрь 2024 г.) учреждена категория государств-партнёров, статус в рамках которой получили Белоруссия, Боливия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда, Узбекистан и Нигерия. Подобное расширение не сводится к формальному «наращиванию периметра»: оно преобразует комплементарную структуру объединения, добавляя к традиционной конфигурации «энергетика – промышленность – человеческий капитал» новые звенья в лице стратегически значимых минеральных ресурсов Индонезии (никель, кобальт), растущего трудового потенциала африканских стран и финансовых хабов Персидского залива.

Институционализация кооперации проявляется не только в торговых потоках, но и в наращивании «длинных денег» под инфраструктурные и промышленные проекты. Новый банк развития (НБР) в 2024 г. одобрил 15 новых займов на 4,511 млрд долл., а совокупный портфель одобренных проектов (за вычетом отменённых и полностью погашенных) достиг 35,152 млрд долл. [5]. Такой инвестиционный механизм важен для технологического суверенитета – он снижает зависимость от внешних финансовых каналов и даёт ресурсную базу для промышленной модернизации.

Целью исследования выступает обоснование концепции технологической рефункционализации как стратегического вектора российской промышленной политики в условиях расширения промышленной кооперации в рамках БРИКС.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении стратегического вектора, позволяющего России преодолеть структурные ограничения реактивного импортозамещения и перейти к проактивному встраиванию в кооперационное пространство БРИКС – от позиции потребителя готовых решений к роли равноправного со-работчика в сегментах высокопередельного знаниеёмкого производства, удерживающего долю добавленной стоимости и интеллектуальной ренты внутри национальной хозяйственной системы.

Теоретическая значимость состоит в обосновании концепции технологической рефункционализации как особого механизма неоиндустриальной трансформации, диалектически сочетающего национальный суверенитет с транснациональной кооперацией – снятия противоречия между автономией и взаимозависимостью в условиях, когда промышленная субъектность определяется не размером территории или объёмом ресурсов, а контролем над узловыми точками технологических циклов и способностью генерировать, удерживать и капитализировать производственное знание.

Комплементарность как промышленный фундамент: структурная анатомия кооперационной сети БРИКС

Совокупный промышленный потенциал стран БРИКС охватывает значительную и постоянно растущую долю мирового выпуска в обрабатывающем секторе, металлургии, энергетическом машиностроении, цифровой инфраструктуре, химической про-

мышленности, фармацевтике. Фактически формируется полицентрическая индустриальная матрица, где каждая экономика специализируется на собственных, исторически сложившихся компетенциях, одновременно участвуя в трансграничных производственных кооперациях, наращивая взаимодополняемость и синхронизируя научно-технические программы. Примечательно, что кооперация в данном случае не противоречит суверенитету и не ведёт к растворению национальных приоритетов. Напротив, она становится его институциональной предпосылкой, механизмом укрепления, инструментом коллективного накопления индустриальной мощи.

Количественные параметры объединения БРИКС к 2025 г. приобрели масштаб, делающий невозможной его интерпретацию как «клуба по интересам» незападных экономик или сугубо политической коалиции. По данным МВФ, расширенный БРИКС концентрирует свыше 45% населения Земли и контролирует до 43,6% мировой нефтедобычи. По оценке UNCTAD, доля стран БРИКС в мировом экспорте товаров в 2024 г. достигла порядка 24%. При этом совокупный экспорт товаров стран БРИКС в мир вырос до 5,9 трлн долл. (против 906 млрд долл. в 2003 г.), что отражает устойчивое расширение их роли в глобальном распределении производственных и торговых функций [1; 3]. Однако за этими агрегированными показателями скрывается структурная неоднородность, которая представляет не столько слабость, сколько системное преимущество – основу комплементарности, без которой промышленная кооперация невозможна.

Структурная комплементарность стран БРИКС прослеживается в сопоставимых рядах международных статистических баз и образует триадную архитектуру функциональной специализации: индустриально-технологическое ядро, динамический полюс роста и спроса, ресурсно-энергетический узел.

- Китай выступает крупнейшим индустриальным ядром группы, формируя более половины совокупного экономического объёма «пятерки» по ППС. Одновременно экспортная модель Китая носит выраженно промышленный характер – доля продукции обрабатывающих отраслей в товарном экспорте в последние годы держится выше 90%, что статистически согласуется со специализацией на выпуске и поставках машин и оборудования, электроники и иной высоко- и среднетехнологичной продукции. Индустриальная концентрация превращает Китай в глобальную «фабрику промежуточных и конечных изделий», способную обеспечить технологическую насыщенность кооперационных сетей БРИКС [6].

- Индия выполняет роль быстрорастущего спросо- и сервизоориентированного полюса, фиксируя прогноз темпа роста реального ВВП на уровне 6,2% в среднесрочной перспективе, что делает её главным источником расширения внутреннего рынка в рамках объединения БРИКС и усиливает позицию как глобального поставщика интеллектуальных ресурсов – прежде всего в сфере услуг, цифровой экономики, программирования и инженерного аутсорсинга. Растущий трудовой потенциал Индии (более 1,4 млрд человек, медианный возраст около 28 лет) создаёт долгосрочную основу для наращивания человеческого капитала и абсорбции технологий [7].

- Россия занимает позицию ресурсно-энергетического и промежуточно-индустриального узла с развитыми научно-техническими заделами в ядерных технологиях, космосе, оборонной промышленности, фундаментальной науке (математика, физика,

материаловедение) и высокопередельной металлургии. По структуре экспорта по стадиям переработки за 2021 г. значимую долю формируют сырьевые товары (33,16% экспорта) и промежуточные товары (26,34%), что количественно подтверждает её роль поставщика ресурсов и энергоёмких промежуточных продуктов для производственных цепочек. Однако подлинная уникальность российской позиции заключается не в сырьевом экспорте как таковом, а в сочетании ресурсной базы с высокими технологическими возможностями в узких, но критически значимых сегментах – атомная энергетика, аэрокосмическая отрасль, криогенные технологии, лазерная физика [8].

В сумме эти параметры обнаруживают функциональное разделение ролей, образующее эмерджентную производственную систему: китайская индустриальная база и экспорт готовых изделий, индийская динамика роста и расширение рынка услуг, российская ресурсно-энергетическая платформа и научно-технический потенциал формируют взаимодополняемую структуру, повышающую потенциал кооперации не через механическое суммирование, а через синергетическое наложение асимметричных преимуществ.

Новые члены расширяют эту триаду дополнительными измерениями. ОАЭ привносят финансовые ресурсы и инфраструктуру суверенных фондов, создавая канал «длинных денег» для индустриальных проектов. Индонезия обеспечивает доступ к стратегическим минеральным ресурсам – никель, кобальт, олово, редкоземельные элементы, критически значимые для производства батарей электромобилей и цифровой электроники. Эфиопия и другие партнёры добавляют растущий трудовой потенциал и возможности размещения трудоёмких производств в странах с низкими издержками, замыкая кооперационную систему в полный технологический цикл – от разработки и финансирования до массового производства и сбыта.

Представленная на рис. 1 функциональная конфигурация БРИКС позволяет определять российский вектор технологической рефункционализации как переформатирование позиции: от сырьевой периферии – к узловому участнику генерации технологических решений в полицентрической системе взаимодополняющих экономик.

Эмпирическим индикатором нарастающей «экономической гравитации» БРИКС выступает динамика российско-китайского товарооборота, демонстрирующая как впечатляющий масштаб, так и структурные вызовы. По данным Главного таможенного управления КНР (GACC), в 2024 г. двусторонняя торговля достигла 244,8 млрд долл. [9]. Однако уже в 2025 г. динамика обнаружила признаки уязвимости: торговля Китая с Россией снизилась на 6,5% до 1,63 трлн юаней (≈ 234 млрд долл.), что указывает на хрупкость платёжно-финансовой инфраструктуры и критическую важность институциональных решений внутри объединения [10]. Подобный контраст – рекордный объём при снижении темпов роста – свидетельствует о том, что «разворот на Восток» представляет собой структурный тренд, устойчивость которого определяется не политической волей, а качеством механизмов расчётов, логистической инфраструктуры и промышленного наполнения торговли.

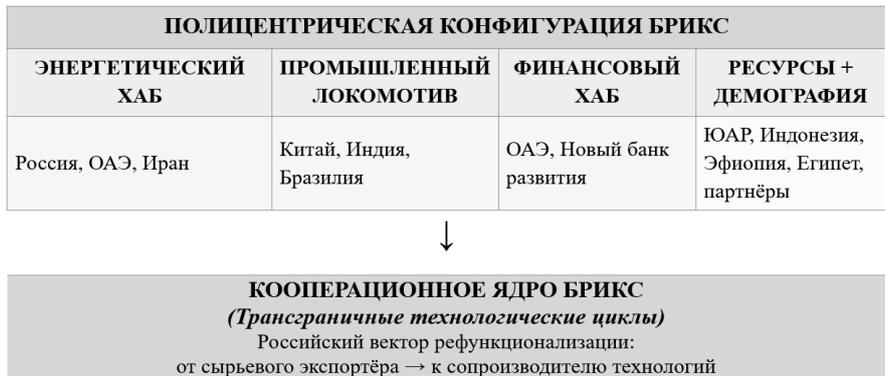

Рис. 1. Индустриально-финансовая схема распределения функций в БРИКС

Технологический суверенитет в этом контексте утрачивает характер изоляционистской автаркии и обретает форму кооперативной стратегии с элементами институционального контроля – подхода, который позволяет снижать риски экстерриториального влияния в долгосрочной перспективе, сохраняя преимущества международной специализации. Обеспечение технологического суверенитета носит вынужденный характер и связано с потерей экономической эффективности в краткосрочном периоде, однако создаёт предпосылки для формирования альтернативных технологических платформ и распределённого контроля над критическими звеньями производственных циклов [11].

Классическая модель зависимого развития, унаследованная от колониальной эпохи и воспроизведённая в постколониальных формах, предполагала безальтернативную интеграцию периферии в глобальные цепочки с низкой добавленной стоимостью. Страны Глобального Юга оказывались встроенными в производственные структуры на уровне добычи сырья, простейшей сборки, рутинных операций, не требующих высокой квалификации. Индустриальный ренессанс БРИКС демонстрирует принципиально иную стратегию, основанную на переворачивании прежней логики подчинения. Формируются собственные исследовательские центры мирового уровня, расширяется сектор высокотехнологичного машиностроения, усиливается внутренняя научная кооперация, разворачиваются программы по созданию критических технологий. Интеграция строится не на принципе сырьевой комплементарности и пассивного дополнения, а на активном обмене инженерными, цифровыми и организационными возможностями, на совместном преодолении технологических барьеров, на выстраивании равноправных производственных альянсов.

Глобальный промышленный фон показывает, что перестройка цепочек стоимости происходит не на фоне «затухания индустрии», а в условиях её адаптивного расширения: по данным UNIDO, добавленная стоимость обрабатывающей промышленности (MVA) в 2024 г. выросла на 2,9%, при этом обрабатывающий сектор сохраняет статус доминирующего компонента индустриальной системы и формирует около 80% совокупной добавленной стоимости промышленности [12]. На этом фоне асимметрия российской внешней торговли в направлении БРИКС проявляется особенно отчётливо: в материалах Российско-китайского энергетического бизнес-форума зафиксировано, что минеральное

топливо в структуре поставок России в Китай составляет порядка 95 млрд долл. (оценка на основе данных Главного таможенного управления КНР) [13]. Следовательно, ключевая задача «рефункционализации» состоит не в механическом увеличении оборота, а в качественном усложнении экспортной корзины – повышении доли продукции более глубоких переделов и технологически насыщенных сегментов, что требует настройки расчётно-платёжных механизмов, логистики и инструментов промышленной политики.

Расширение БРИКС открывает перед Россией возможность масштабирования высокотехнологичного производства и освоения перспективных рынков стран объединения – траекторию, критически значимую для достижения технологического лидерства как одной из национальных стратегических целей. Однако реализация этого потенциала требует не фрагментарных инициатив, а системного межотраслевого подхода, способного интегрировать отечественные разработки в трансграничные кооперационные цепочки и обеспечить устойчивое присутствие российских технологий на зарубежных рынках в условиях формирующегося многополярного миропорядка [14].

Параллельно формируется альтернативная концепция цифрового суверенитета с позиции стран Глобального Юга: страны БРИКС выстраивают собственные нарративы и институциональные механизмы, противопоставляя их доминированию западных технологических корпораций и экстерриториальному контролю над цифровыми платформами. Этот процесс охватывает широкий спектр – от исторических представлений о суверенитете до практических решений в области электронных платежей, цифровой инфраструктуры умных городов, правового регулирования и геополитической архитектуры, – формируя видение мира, где технологическая власть распределена горизонтально, а не сосредоточена в руках узкой группы корпораций [15]. Подобная логика напрямую резонирует с концепцией технологической рефункционализации – суверенитет достигается не через изоляцию, а через паритетную кооперацию внутри БРИКС, где контроль над критическими узлами производственных и цифровых циклов становится коллективным достоянием объединения, а не монополией отдельных центров влияния.

Философский аспект проблемы связан с радикальным сломом понимания самой сути индустриализации, с трансформацией её онтологического статуса. Индустриальное развитие больше не сводится к количественному приросту числа заводов, увеличению тоннажа выплавляемой стали, наращиванию парка станков и оборудования. Оно обретает качественно новое, когнитивное измерение, где центром тяжести становится не физическая мощь машин, а интеллектуальная насыщенность процессов. Центр гравитации смещается в сторону знаниеёмкого производства, где стоимость кристаллизуется в алгоритмах, инженерных решениях, цифровых моделях, уникальных компетенциях специалистов. Интеллектуальный капитал формирует новую форму ренты – когнитивную, информационную, технологическую, – присвоение которой определяет позицию страны в мировой иерархии, её способность извлекать плоды глобального научно-технического прогресса.

Сдвиг в сторону когнитивной индустриализации фиксируется через динамику глобальной патентной активности. В отчёте WIPO зафиксировано, что в 2024 г. в мире подано рекордное количество патентных заявок – 3,7 млн, что означает прирост на 4,9% по сравнению с 2023 г. [16]. Этот количественный маркер свидетельствует: конкуренция мигрирует в пространство формализованного знания – инженерных решений, технологий

и прав на результаты интеллектуальной деятельности. Интеллектуальная рента обретает измеримость через институциональные следы инноваций: патентные портфели, лицензионные потоки, барьеры входа в высокотехнологичные ниши. Владение критическими технологиями трансформируется в механизм глобального перераспределения добавленной стоимости, где периферия производит, а центр присваивает когнитивную ренту через контроль над стандартами, интеллектуальной собственностью, узловыми звеньями цепочек создания стоимости.

В этой логике технологический суверенитет выступает многослойной категорией, охватывающей обладание критическими, сквозными и перспективными технологиями, что невозможно без развития науки. Общепринятая трактовка технологического суверенитета упускает его политическое ядро – способность страны не просто создавать технологии, но диктовать правила их распространения, присвоения результатов, институционального закрепления [17]. Однако реальная практика формирования материального базиса когнитивной индустриализации в пространстве БРИКС обнажает глубинное структурное противоречие. Финансово-распределительная политика ведущих индустриальных корпораций объединения характеризуется гипертрофией рентного извлечения над реинвестированием в технологическое развитие, что консервирует сырьевую специализацию и блокирует восхождение к знаниеёмким звеньям цепочек создания стоимости [18]. Симптоматично, что параллельно интенсификация отдельных секторов – в частности, аграрного сектора России, – демонстрирует устойчивый тренд повышения продуктивности при кратном увеличении ресурсных затрат, что сигнализирует о достижении пределов экстенсивной модели. Пространственная архитектура индустриального развития всё более детерминируется балансом ресурсной триады «вода–энергия–продовольствие», где пропускная способность водно-энергетических систем и конфликтогенность ресурсных зон задают жёсткие границы территориальной устойчивости промышленных кластеров [19; 20].

Таблица 1 фиксирует многоуровневую концентрическую модель технологической рефункционализации в кооперационном пространстве БРИКС. Переход от периферийного торгового обмена к ядру рефункционализации описывает последовательное наращивание сложности взаимодействий: от контрактной торговли – к инвестиционной интеграции, далее – к трансграничным технологическим циклам и, наконец, к захвату критических позиций в цепочках создания стоимости через экспорт наукоёмкой продукции и максимизацию научно-технологического выхода. Данная траектория интерпретируется как механизм переноса суверенитета из плоскости номинальной автономии в плоскость контролируемых технологических узлов и институционально обеспеченной кооперации, где прирост субъектности детерминируется не объёмом оборота, а структурой участия в производстве знаний и правами на их капитализацию.

В рамках предложенной модели восхождение от уровня I к уровню IV корреспондирует усилению плотности кооперационных связей и обретению технологической самостоятельности. Следовательно, критерием успешности рефункционализации выступает не экспансия торговли как таковой, а повышение доли участия в совместных разработках, лицензировании и производстве высокотехнологичной продукции в составе распределённых цепочек БРИКС.

**Концентрическая модель технологической рефункционализации
в кооперационном пространстве БРИКС**

Уровень	Контур	Содержание	Характер зависимости
I	ПЕРИФЕРИЯ Торговый обмен	Контрактные поставки товаров и услуг в двустороннем и внутриблоковом формате. Доминирование сырьевых и промежуточных позиций. Ограниченная диффузия технологий. Высокая чувствительность к внешним стандартам, логистике и расчётно-платёжным ограничениям.	Структурная зависимость: импорт правил игры
II	ИНТЕГРАЦИЯ Инвестиционные проекты	Проектное финансирование и промышленная координация. Развитие расчётов в национальных валютах и платёжной инфраструктуры. Инфраструктурные и промышленные программы. Снижение транзакционных рисков и внешней уязвимости.	Финансовая автономизация: «de-dollarization»
III	КООПЕРАЦИЯ Трансграничные технологические циклы	Совместные предприятия. Кросс-лицензирование. Сонаправленные НИОКР. Реверс-инжиниринг. Совместная стандартизация. Рост локализации критических компетенций. Формирование распределённых цепочек создания стоимости внутри БРИКС.	Технологическая комплементарность: взаимное обучение
IV	ЯДРО Рефункционализация	Захват критических позиций в кооперационных цепочках создания стоимости. Экспорт наукоёмкой продукции и технологических решений. Удержание прав на результаты интеллектуальной деятельности. Формирование собственных стандартов и технологических траекторий. Максимизация научно-технологического выхода и капитализация интеллектуальной ренты в национальном периметре.	Суверенитет через кооперацию: контроль узловых звеньев

В подобных условиях кооперация внутри БРИКС может и должна интерпретироваться как процесс коллективного накопления технологического суверенитета, как совместное наращивание промышленной субъектности. Объединение рынков расширяет масштаб внедрения инноваций, снижает порог рентабельности для сложных технологических проектов и создаёт критическую массу спроса, необходимую для окупаемости наукоёмких разработок. Совместная разработка стандартов формирует альтернативную нормативную среду, создаёт правила игры, независимые от западных регуляторов, и закрепляет институциональный контроль над результатами технологического развития.

Инвестиции в инфраструктуру взаимных расчётов, в национальные платёжные системы, в альтернативные каналы финансирования снижают зависимость от внешних финансовых механизмов, от произвола глобальных банковских систем и санкционного шантажа. Синергия промышленных компетенций – соединение китайского производственного опыта, индийского программирования, российской фундаментальной науки, бразильского агропрома – увеличивает общую адаптивность системы, её устойчивость к внешним шокам, её способность к самоорганизации и воспроизводству на собственной основе.

Отраслевая конфигурация кооперационных возможностей демонстрирует неравномерность потенциала рефункционализации (табл. 2). Критическими направлениями выступают микроэлектроника, ИТ-инфраструктура и гражданская авиация, где высокий кооперационный потенциал сочетается со структурными барьерами, требующими институционального снятия через трансфер компетенций, совместную сертификацию и формирование автономных технологических циклов.

Таблица 2

Матрица «Возможности – Барьеры» кооперационной рефункционализации в разрезе отраслей

Отрасль / ниша	Кооперационные возможности	Барьеры рефункционализации	Приоритетные партнёры
Ядерная энергетика	Высокие: экспорт и локализация проектов АЭС; совместное проектирование отдельных узлов и сервис (топливный цикл, обслуживание, обучение); кооперация в добыче и обогащении урана	Низкие: барьеры в основном финансово-регуляторные (долгие циклы, требования локализации, комплаенс, санкционные риски по цепочкам поставок), а не технологические	Индия, Египет, КНР
Микро-электроника	Высокие: кооперация по fables (дизайн, IP-модули, встраиваемые решения), корпусирование/тестирование, силовая электроника, зрелые техпроцессы; совместные отраслевые стандарты и кадры	Критические: ограничения/дефицит по ключевому оборудованию (литография и др.), EDA-инструментам и IP-библиотекам, материалам/химии; высокая зависимость от глобальных поставщиков и экспортного контроля	КНР (приоритет 1), Индия
ИТ-инфраструктура (серверы, облака, СУБД, middleware)	Средне-высокие: поставки серверного/сетевого оборудования, развитие облачных платформ и прикладного ПО; совместная разработка стеков для госсектора и промышленности; интеграция платформ хранения/аналитики	Средние: зависимость от компонентной базы (CPU/ускорители/сетевые компоненты), фрагментация программных стеков, дефицит совместимости и сертификации для критической инфраструктуры; риски в кибербезопасности и доверенных цепочках поставок	КНР, Индия

Отрасль / ниша	Кооперационные возможности	Барьеры рефункционализации	Приоритетные партнёры
АПК-технологии (точное земледелие, селекция, биотех)	Высокие: совместные НИОКР, обмен генетическими материалами и методиками, внедрение точного земледелия (датчики/аналитика), технологии хранения и переработки	Низкие-средние: регуляторика (биобезопасность, допуски), зависимость по отдельным компонентам (агрехимия/оборудование), разрыв между наукой и масштабированием в производстве	Бразилия, Индия
Гражданская авиация	Средние: кооперация по композитам, материалам, отдельным агрегатам, авионике «несанкционнного» типа, сервису и MRO; потенциал совместных программ по отдельным сегментам (региональные/спецверсии)	Критические: международная сертификация, санкционные ограничения по авионике/двигателям/материалам и цепочкам поставок; высокие барьеры входа и длительные циклы разработки	КНР (ключевой), Индия
БПЛА (гражданские и двойного назначения платформы)	Высокие: кооперация по платформам, полезным нагрузкам, навигации/связи, программному управлению; быстрый цикл модернизации и внедрения; совместные производственные линии в дружественных юрисдикциях	Средние-высокие: экспортный контроль и ограничения на компоненты (оптика, электроника, двигатели), стандартизация/сертификация гражданского применения, конкуренция с массовыми производителями	ОАЭ, Иран, Индия
Судостроение	Средние: кооперация «масштаб + специализация»: крупносерийные мощности (КНР) + компетенции РФ в ледовом классе/спецфлоте; совместные проекты по арктической логистике, навигации и безопасности судоходства	Средние: узкие места по судовым двигателям, электронике, отдельным типам оборудования; длинные инвестиционные циклы и требования локализации; санкционные риски по компонентам	КНР, Индия
Космические технологии	Высокие: прикладные программы (ДЗЗ, связь, навигационные сервисы), совместные спутники/полезные нагрузки, наземная инфраструктура, обмен данными и сервисами; кооперация в наукоёмких проектах	Низкие-средние: зависимость от электронной компонентной базы, ограничения на отдельные компоненты/материалы, необходимость совместимых стандартов и защищённых каналов обмена данными	Индия, Бразилия, КНР

Структурный анализ кооперационной сети БРИКС обнаруживает комплементарность как индустриальный ресурс структурного сдвига: переход от торгово-ресурсной взаимосвязанности к технологически насыщенной интеграции разворачивается как восхождение от контрактной торговли через проектную интеграцию и трансграничные технологические циклы к захвату критических звеньев цепочек создания стоимости с институциональным удержанием прав на результаты интеллектуальной деятельности. Отраслевая неоднородность порождает дифференцированный профиль реализуемости: в капиталоемких сегментах (микроэлектроника, авиация) кооперационный потенциал сталкивается с барьерами экстерриториального контроля, тогда как в секторах с устойчивыми компетенциями рефункционализация опирается на синергию инженерных, ресурсных и организационных преимуществ. Прирост индустриальной субъектности детерминирован не расширением товарооборота, а структурой участия в производстве инноваций, механизмами стандартизации и правовыми режимами капитализации технологических результатов – способностью не просто производить, но присваивать интеллектуальную ренту и диктовать правила технологического обмена.

От реактивного импортозамещения к проактивной рефункционализации

Санкционное давление 2022–2025 гг. стало мощным экзогенным импульсом для перестройки промышленного ландшафта России. По данным Центра исследований структурной политики НИУ ВШЭ, доля импорта в затратах на производство и реализацию продукции в 2021–2024 гг. сократилась почти вдвое – с 14% до 7,6%, что сигнализирует о масштабной структурной трансформации производственной базы [21]. Этот макроэкономический сдвиг находит подтверждение в отраслевой статистике выпуска: по данным Росстата, производство компьютеров, электронных и оптических изделий в январе–ноябре 2024 г. выросло на 33,3% год к году, что является верифицируемым индикатором ускорения в электронно-оптическом сегменте импортозамещения [22].

Вместе с тем реактивная модель импортозамещения обнаруживает системные ограничения, которые не свидетельствуют о провале промышленной политики, но маркируют пределы самой парадигмы – даже при заметном сокращении импортной составляющей в затратах и увеличении выпуска в ряде сегментов сохраняются «узкие горловины» в сложных технологических цепочках, где критичны доступ к оборудованию, компонентной базе, стандартам и институтам сертификации. Реализуя стратегию импортозамещения, необходимо учитывать риски эрозии конкурентоспособности индустрии из-за искусственного ограничения конкуренции с ведущими зарубежными поставщиками, повышения цен на продукцию, обусловленного низкой конкуренцией, и возможности технологического отставания при ограниченной вовлеченности в глобальные процессы технологического обмена. Глубина деиндустриализации предшествующих десятилетий и её инерционность такова, что одним только действием механизмов конкуренции не обойтись: требуется активная промышленная политика, направленная на качественное обновление технологической основы материального производства. Реактивная парадигма по определению ориентирована на воспроизведение утраченных компетенций, а не на генерацию принципиально новых. Технологический суверенитет не тождествен изоля-

ции – для России перспективна гибридная модель, сочетающая импортозамещение в критических технологиях с развитием экспортно ориентированных ниш и избирательным привлечением партнёров из стран Глобального Юга. Именно этот тезис образует концептуальное ядро рефункционализации: не консервация достигнутого, а переход к проактивной стратегии, где импортозамещение становится не конечной целью, а транзитной фазой на пути к обретению узловых позиций в трансграничных технологических циклах.

Концепция ноо-интеграции БРИКС, ориентированная на конкретный вектор, стадии и цели социально-экономического развития, предполагает сращивание хозяйственных систем не через механическое суммирование экономических потенциалов, а через синхронизацию траекторий технологической трансформации и диффузии собственности. Макрошоки последних лет – пандемический, затем санкционный, – придали этой трансформации необратимый характер, ускорив переориентацию цивилизационной траектории в направлении нового индустриального общества второго поколения, где обеспечение технологического суверенитета становится центральной задачей регионального и национального развития, требующей корректировки системы промышленной политики применительно к обновившимся условиям. Именно в этом контексте БРИКС выступает более чем политическим альянсом незападных экономик – это платформа для формирования основ ноо-интеграции, качественно нового типа взаимозависимости, где устойчивость обеспечивается совместным накоплением индустриальной субъектности, а не угрозой болезненного разрыва связей [23; 24].

Переход от реактивного импортозамещения к проактивной рефункционализации невозможен без опоры на институциональную инфраструктуру, обеспечивающую координацию, финансирование и нормативное сопровождение кооперационных проектов. В рамках БРИКС такая инфраструктура формируется по нескольким сопряжённым траекториям, ключевая из которых – развитие финансовых и организационных институтов промышленной кооперации.

Российская позиция 2024 г. локализуется на пограничье квадрантов «Стагнация» и «Зависимая интеграция», обнаруживая потенциальный вектор восхождения к целевому квадранту «Суверенитет через кооперацию» (табл. 3). Критический риск траектории – соскальзывание в квадрант «Зависимая интеграция» при монозависимости от КНР, где замена западной технологической зависимости восточной воспроизводит асимметричную структуру взаимодействия, лишь меняя географию периферизации, но не преодолевая её сущность.

Российская траектория в подобной квадрантной архитектуре имеет специфический, исторически обусловленный характер, отражающий противоречивость пути, пройденного страной за последнее столетие. Исторически российская экономика балансировала между высоким индустриальным потенциалом и высокой технологической зависимостью от внешних технологических платформ, импортного оборудования, зарубежных инженерных решений. Геополитические ограничения последних лет, резкое сужение доступа к западным рынкам технологий и компонентов, обрыв традиционных цепочек поставок ускорили болезненный, но неизбежный выбор: либо автаркия с её издержками, либо рефункционализация через кооперацию – глубинная перестройка отраслевых структур и производственных функций в направлении целевого квадранта.

Квадрантная модель технологической рефункционализации России в БРИКС

	Низкая кооперация в БРИКС	Глубокая кооперация в БРИКС
Высокий суверенитет	АВТАРКИЯ – Дорогостоящее дублирование – Технологическое отставание – Замкнутые цепочки △ Тупик изоляции	★ СУВЕРЕНИТЕТ ЧЕРЕЗ КООПЕРАЦИЮ – Контроль критических звеньев – Альтернативные каналы доступа – Высокая диверсификация партнёрств ✓ ЦЕЛЕВОЙ КВАДРАНТ
Низкий суверенитет	СТАГНАЦИЯ – Зависимость от всех – Отсутствие рычагов влияния – Отсутствие стратегии △ Наихудший сценарий	ЗАВИСИМАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ← Россия (2024–2026) около этой позиции – Замена западной зависимости на восточную – Монозависимость от КНР △ Риск «нового периферизма»

Технологическая рефункционализация как стратегия обретения индустриальной субъектности

Технологический суверенитет раскрывается как многоуровневая способность экономики воспроизводить критические технологические компетенции и управлять траекториями их обновления, а не как формально-правовая декларация. Санкционные ограничения выступают катализатором ускоренной переоценки импортозависимости и перенастройки организационно-институциональных условий, включая этапность достижения целей, развитие внутренней координации и настройку регуляторных механизмов. Проблематика обретает измеримость через набор индикаторов технологической зависимости и результативности импортозамещения, а также через параметры трансфера технологий в гражданские сферы, где отдельное место занимает перенос решений из оборонно-промышленного комплекса и роль диверсификации как механизма внедрения новаций. В кооперационной парадигме технологический суверенитет смещается к интеграционным механизмам внутри объединения: анализируется инфраструктура взаимодействия в высокотехнологичных отраслях, фиксируются барьеры согласования технологической политики и обозначаются перспективы сотрудничества России со странами объединения как ресурс снижения внешних ограничений при условии институциональной совместимости и устойчивых механизмов координации [25; 26].

Под рефункционализацией понимается не просто модернизация оборудования, не поверхностное обновление производственных линий и не импортозамещение в узком, формальном смысле – как механическая подстановка зарубежного продукта отечественным аналогом сомнительного качества. Речь идёт о переопределении функционального назначения целых отраслей, о смене производственной идентичности секторов экономики. Предприятия оборонного комплекса диверсифицируют продуктовую линейку,

осваивая гражданские рынки. Сырьевые корпорации инвестируют в глубокую переработку, переходя от экспорта полуфабрикатов к производству высокомаржинальных продуктов. Университеты трансформируются из механизмов воспроизводства бюрократической элиты в центры инженерного предпринимательства, инкубаторы стартапов, узлы технологического трансфера. Происходит постепенное, но при этом фундаментальное смещение от модели экспортера ресурсов и полуфабрикатов к модели носителя сложных производственных компетенций, обладателя критических технологий, генератора инженерных решений.

Причинно-следственная связь прослеживается достаточно отчётливо, образуя цепь взаимосвязанных трансформаций. Усиление внешних ограничений и санкционного давления снижает доступ к зарубежным технологическим экосистемам, отсекает привычные каналы импорта. Ограничение импорта критических компонентов – микроэлектроники, прецизионного оборудования, специализированного программного обеспечения, – повышает транзакционные издержки, усложняет производственные процессы. Увеличение издержек стимулирует внутренние инвестиции в собственные исследовательские и производственные мощности, подталкивает к созданию национальных заменителей. Инвестиции постепенно трансформируют отраслевую структуру, смещают центр тяжести экономики в сторону наукоёмких производств. Структурная трансформация укрепляет технологическую самостоятельность, формирует устойчивость к внешним шокам. Таким образом, внешнее давление, изначально воспринимавшееся как угроза и удар по экономическому благополучию, становится катализатором институциональной и производственной эволюции, запускает процессы, которые в нормальных условиях растянулись бы на десятилетия.

Однако автономизация в условиях полной изоляции, замыкание на собственных ресурсах без выхода на внешние рынки знаний и технологий неизбежно ведет к технологическому застою, к самодостаточности низкого уровня. Суверенитет без кооперации превращается в самодостаточность с пониженной инновационной динамикой, с угасающей способностью к обновлению, с истощением творческого потенциала. Следовательно, российская стратегия в рамках БРИКС сознательно ориентирована на комбинированную, двухуровневую модель развития. С одной стороны, форсированно формируются внутренние цепочки полного цикла – от фундаментальных исследований до серийного производства и послепродажного обслуживания. С другой стороны, активно развиваются горизонтальные, равноправные партнерства с индустриальными центрами Китая и Индии, ресурсными и аграрными кластерами Бразилии, минерально-сырьевыми и логистическими узлами Южной Африки. Формируется многослойная сеть взаимодействий, где суверенитет обеспечивается не изоляцией, а способностью выбирать партнёров, диктовать условия кооперации, контролировать ключевые элементы производственной цепочки.

Механизм взаимного усиления суверенитета и кооперации представляет собой самовоспроизводящуюся систему, где импортозамещение высвобождает ниши спроса для партнёров из объединения, повышая привлекательность российского рынка и катализируя встречные инвестиции и создание совместных предприятий. Формирование трансграничных производственных систем снижает концентрацию зависимости, диверсифицируя партнёрские связи, что в свою очередь активизирует совместные НИОКР

и локализацию технологий, наращивая высокотехнологичный экспорт. Усиление контроля над критическими звеньями и обретение альтернативных каналов доступа укрепляют технологический суверенитет, что расширяет переговорную позицию и запускает новый виток цикла на качественно более высоком уровне. Логика механизма такова: каждый этап порождает предпосылки для последующего, формируя самоподдерживающийся цикл взаимного усиления; разрыв последовательности на любой стадии ведёт к деградации в реактивную модель импортозамещения без структурной трансформации.

Содержательно рефункционализация предполагает движение по трём взаимосвязанным осям. Первая ось – отраслевая переспециализация: смещение экспортного предложения России в пространстве БРИКС от преимущественно сырьевых позиций к наукоёмким нишам, где отечественная промышленность располагает конкурентными преимуществами. К таким нишам относятся ядерная энергетика (контракты Росатома охватывают большинство стран объединения), космические технологии и навигационные системы (ГЛОНАСС), технологии кибербезопасности, а также ряд секторов оборонно-промышленного комплекса, где уровень локализации превышает 80%.

Парадигма технологического суверенитета в контексте оборонно-промышленного комплекса выступает фреймворком ускоренного внедрения технологических инноваций, нацеленных на обеспечение национальной безопасности и обороноспособности, где антироссийские санкции сыграли роль катализатора мобилизации собственного ресурсного потенциала и перехода к импортозамещению как компоненту технологического суверенитета. Институциональные механизмы БРИКС формируют предпосылки для создания альтернативной западным институтам системы глобального управления. Типология индустриальных моделей БРИКС обнаруживает полюса стратегий – от автономной модернизации до интероперабельной интеграции, где устойчивое развитие индустриальных систем требует синтеза ресурсной базы, технологической самодостаточности и институциональной пластичности; особенно значимым в этой конфигурации является формирование цифровых платформ и распределённых исследовательских пулов, способных нивелировать асимметрии и способствовать равномерному развитию научно-производственного потенциала [27; 28; 29].

Вторая ось, встраивание в трансграничные технологические циклы, предполагает переход от торговли готовой продукцией к формированию совместных предприятий, кросс-лицензированию, взаимному реверс-инжинирингу и сонаправленным НИОКР. Динамика российско-китайских промышленных инвестиционных проектов демонстрирует лидирующие позиции среди кооперационных связей внутри БРИКС. Масштабные государственные инвестиции в достижение технологического лидерства в сочетании с триллионными объёмами проектов технологического суверенитета интегрируются в кооперационную логику объединения, генерируя мультипликативный эффект, недостижимый в автаркической конфигурации.

Третья ось, институциональная гармонизация, фиксирует смещение от разрозненных двусторонних договорённостей к выработке общих позиций в многосторонних форматах. Консолидированная позиция стран БРИКС по вопросам ВТО укрепляет переговорную силу при отстаивании приоритетности национального промышленного развития перед лицом протекционистской политики западных экономик. Встраивание согласованной нормативной среды включает унификацию технических регламентов,

взаимное признание сертификации, гармонизацию таможенных процедур и режимов защиты интеллектуальной собственности. Это формирует «мягкую инфраструктуру», предопределяющую скорость и глубину промышленной кооперации не в меньшей степени, чем капитальные вложения. Без институциональной совместимости кооперационные проекты наталкиваются на непреодолимые транзакционные издержки, размывающие экономическую целесообразность совместных разработок. Общие правила игры становятся ключевым механизмом снижения неопределённости и обеспечения предсказуемости долгосрочных технологических партнёрств.

Императив «суверенитет через кооперацию» снимает мнимое противоречие между двумя целями российской экономической политики: обеспечением автономии и интеграцией в перспективные международные системы. Суверенитет в технологическом смысле определяется не степенью закрытости, а способностью контролировать критические звенья производственного процесса и обладать альтернативными каналами доступа к тем компетенциям, которые экономически нецелесообразно развивать внутри страны. БРИКС, с его беспрецедентной комплементарностью ресурсных, технологических и финансовых потенциалов десяти стран-участниц, предоставляет именно такое пространство альтернативных каналов. Технологическая самостоятельность в этой логике не равна изоляции, но предполагает диверсификацию зависимостей: замену монополии одного поставщика полицентричной сетью партнёрств, где разрыв отношений с любым из узлов не парализует систему, а лишь перераспределяет нагрузку на другие элементы кооперационной архитектуры. Критерием суверенитета становится не отсутствие взаимозависимости, а контроль над её структурой и способность оперативно переключаться между альтернативными источниками технологий, комплектующих, инженерных решений.

Заключение

Реализуемость сформулированного вектора технологической рефункционализации детерминирована совокупностью критических условий, соблюдение которых предопределяет траекторию эволюционного развития и качественные параметры её конечного состояния.

Первое из них – устойчивость и преемственность политической воли к углублению интеграции на уровне национальных правительств и элит, способная преодолевать краткосрочные конъюнктурные колебания и противостоять центробежным тенденциям.

Второе – непрерывность и интенсивность инвестиций в науку и промышленность, формирующая материальную базу технологического обновления и обеспечивающая критическую массу накопленных компетенций.

Третье – минимизация и институциональное купирование внутриблоковых конфликтов интересов, сохраняющая хрупкий баланс взаимовыгодности и предотвращающая деструктивную фрагментацию кооперационного пространства.

Нарушение или ослабление данных условий способно существенно замедлить кооперационную модель, редуцировать её динамику до формальных деклараций, лишённых производственного наполнения. Высокая волатильность мировой экономики, непредсказуемость геополитических сдвигов, турбулентность технологических траек-

торий и нестабильность регуляторных режимов сохраняют значительную степень неопределённости относительно темпов, глубины и направленности трансформации, что требует встроенной адаптивности стратегических решений.

Тем не менее совокупность наблюдаемых тенденций и структурных сдвигов убедительно свидетельствует о формировании качественно новой индустриальной конфигурации, о зарождении альтернативной модели глобального развития, противопоставленной традиционным иерархиям. Суверенитет в этой парадигме радикально переосмысливается – уже не как изоляция или самодостаточное замыкание в национальных границах, но как способность участвовать в кооперации на равных основаниях, диктовать условия сотрудничества, устанавливать нормативные рамки взаимодействия, владеть ключевыми компетенциями, делающими страну незаменимым партнёром в трансграничных производственных циклах. Индустриальная эволюция БРИКС наглядно демонстрирует, что коллективная субъектность, построенная на взаимном уважении, общности интересов и синергии асимметричных преимуществ, способна эффективно конкурировать с традиционными центрами накопления капитала, с устоявшимися полюсами технологической гегемонии, оспаривая их монополию на нормотворчество и распределение производственных ролей.

Российский вектор технологической рефункционализации в данной системе приобретает стратегический, поистине исторический характер, выходящий за рамки текущей экономической конъюнктуры. От его результативности, от глубины и необратимости структурных преобразований зависит не только конфигурация национальной экономики на ближайшие десятилетия, но и долгосрочное положение страны в формирующейся архитектуре нового производственного порядка, её способность влиять на правила игры в переформируемом индустриальном ландшафте. Успешная рефункционализация, ведущая к формированию устойчивых отраслевых экосистем, к созданию полноценных технологических платформ, к воспитанию поколения инженеров и учёных мирового уровня, способных генерировать прорывные решения, закрепит за Россией статус индустриального соавтора, равноправного участника глобального технологического творчества, субъекта, а не объекта индустриальных трансформаций. Напротив, ограничение трансформации фрагментарными адаптациями без смены качественной парадигмы создаст серьёзный риск закрепления в промежуточной периферийной позиции, воспроизводящей структуры зависимости при изменённой географии партнёрств – своего рода «новой периферизации» с восточным вектором.

Таким образом, императив «суверенитет через кооперацию» предстаёт осмысленной производственной стратегией, укоренённой в реальных процессах индустриальной трансформации и опирающейся на материальную комплементарность экономик БРИКС. Индустриальная политика, последовательно ориентированная на технологическую глубину, научную интеграцию и трансграничные альянсы, формирует материальные и институциональные предпосылки качественно нового этапа развития, выхода на траекторию устойчивого расширения и структурного усложнения. В этой исторической перспективе БРИКС выступает альтернативным пространством для проведения индустриализации, своеобразной наднациональной площадкой для апробации новых моделей взаимодействия на основе нетрадиционных форм кооперации, где проверяется жизнеспособность неиерархических производственных альянсов. А российская рефункцио-

нализация – её наиболее амбициозной, рискованной, но потенциально прорывной траекторией, критическим тестом гипотезы о возможности форсированного технологического суверенитета в условиях внешнего давления и внутренних структурных ограничений, о совместимости автономии и интеграции в рамках полицентричной кооперационной архитектуры.

Список литературы

1. UN Trade and Development (UNCTAD). Two decades of intra-BRICS trade: Trends, patterns and policies. Geneva: UN Trade and Development, 2026. URL: <https://unctad.org/publication/two-decades-intra-brics-trade-trends-patterns-and-policies> (дата обращения: 17.02.2026).
2. UN Trade and Development (UNCTAD). Global trade hits record \$33 trillion in 2024, driven by services and developing economies. 14 March 2025. URL: <https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-33-trillion-2024-driven-services-and-developing-economies> (дата обращения: 17.02.2026).
3. International Monetary Fund (IMF). GDP based on PPP, share of world. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 17.02.2026).
4. European Parliament Research Service. BRICS: Background and Latest Developments. 2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760368/EPRS_BRI\(2024\)760368_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760368/EPRS_BRI(2024)760368_EN.pdf) (дата обращения: 17.02.2026).
5. New Development Bank. Annual Report 2024 – NDB in Numbers. URL: https://www.ndb.int/annual-report/2024/overview/data_pdf/2024_NDB_in_Numbers_Data.pdf (дата обращения: 17.02.2026).
6. Всемирный банк. World Development Indicators: Manufactures exports (% of merchandise exports) – China. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MANF.ZS.UN?locations=CN> (дата обращения: 17.02.2026).
7. International Monetary Fund. IMF DataMapper (World Economic Outlook): India – Real GDP growth (annual percent change). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IND> (дата обращения: 17.02.2026).
8. World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS): RUSSIA Trade Summary 2021 (Exports and Imports of Product Groups – stages of processing). URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUSSIA/Year/2021/Summarytext> (дата обращения: 17.02.2026).
9. General Administration of Customs of the People’s Republic of China (GACC). China’s Total Export & Import Values by Country/Region, December 2024 (in USD). Beijing: China Customs, 2025.
10. General Administration of Customs of the People’s Republic of China (GACC). China’s Total Export & Import Values by Country/Region, Dec 2025 (in CNY). Beijing: China Customs, 2026.
11. *Гареев Т.Р.* Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // Terra Economicus. 2023. Т. 21, № 4. С. 38-54. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54.
12. UNIDO. UNIDO Industrial Statistics: Global Highlights 2025. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2025. URL: https://stat.unido.org/portal/storage/file/publications/yb/2025/UNIDO_IndustrialStatistics_Global_Highlights_2025.pdf (дата обращения: 17.02.2026).
13. Rosneft. RCEBF report 2024 (Russian-Chinese Energy Business Forum report). 2024. URL: https://www.rosneft.com/upload/site2/attach/0/20/RCEBF_report_2024_en.pdf (дата обращения: 17.02.2026).

14. Федулова Е.А. Расширение технологического сотрудничества России с БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 6. С. 77-105. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-6-77-105.
15. Jiang M., Belli L. Digital Sovereignty in the BRICS Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. DOI: 10.1017/9781009531085.
16. WIPO. World Intellectual Property Indicators 2025. Geneva: World Intellectual Property Organization, 2025. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-941-17-2025-en-world-intellectual-property-indicators-2025.pdf> (дата обращения: 17.02.2026).
17. Капогузов Е.А., Пахалов А.М. Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 244-250.
18. Малышев М.К. Сравнительный анализ финансово-распределительной политики крупнейших корпораций цветной металлургии на пространстве БРИКС // Международная экономика. 2025. Т. 22, № 1. С. 50-66. DOI: 10.33920/vne-04-2501-04.
19. Дмитриев Н.Д., Родионов Д.Г., Агузарова Л.А. Динамика сельскохозяйственного потенциала России в условиях повышения интенсивности производства: статистический анализ // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. № 3 (405). С. 322-328. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_3_322.
20. Дмитриев Н.Д. Пространственная специфика формирования сбалансированных моделей развития промышленных структур с опорой на ресурсную триаду «вода-энергия-продовольствие» // Национальные экономики в условиях глобальных и локальных трансформаций: Сборник статей международной научно-практической конференции. Тбилиси, 2025. С. 34-39.
21. НИУ ВШЭ. От импортозамещения к прорыву: как Россия движется к технологическому суверенитету. 27.11.2025. URL: <https://www.hse.ru/news/development/1105802132.html> (дата обращения: 17.02.2026).
22. Росстат. Динамика промышленного производства в январе–ноябре 2024 года. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/313/document/251194> (дата обращения: 17.02.2026).
23. Бодрунов С.Д., Архипова В.В. Построение нооинтеграции на примере БРИКС: теория и практическая реализация // Экономическое возрождение России. 2024. № 4 (82). С. 5-18. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18.
24. Бодрунов С.Д., Золотарев А.А. Переход к нооэкономике, проблемы технологического суверенитета и региональное развитие // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1 (76). С. 75-79. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-75-79.
25. Пономаренко Е.В. Технологический суверенитет России: вопросы теории и практики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248, № 4. С. 580-590. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-580-590.
26. Пономаренко Е.В., Дрожжин Д.И. Потенциал сотрудничества России со странами БРИКС+: проблемы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 253, № 3. С. 276-289. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-276-289.
27. Родина И.Б. Технологический суверенитет отраслей оборонно-промышленного комплекса: национальная идея и фактор технологического лидерства // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 4. С. 899-914. DOI: 10.18334/lm.12.4.123102.
28. Михаелян И.Э. БРИКС как институциональная альтернатива западоцентричной модели международного экономического порядка: анализ потенциала многополярной архитектуры глобального управления через призму создания параллельных финансовых институтов и механизмов торгово-экономического сотрудничества // Отходы и ресурсы. 2025. Т. 12, № S1. DOI: 10.15862/02FAOR125.

29. Дмитриев Н.Д., Сорокожердьев В.В. Диалектика технологического суверенитета и индустриального развития в условиях устойчивых преобразований стран БРИКС // Национальные экономики в условиях глобальных и локальных трансформаций: Сборник статей международной научно-практической конференции. Тбилиси, 2025. С. 39-46.

References

1. UN Trade and Development (UNCTAD) (2026) Two Decades of Intra-BRICS Trade: Trends, Patterns and Policies. Geneva: UN Trade and Development. Available at: <https://unctad.org/publication/two-decades-intra-brics-trade-trends-patterns-and-policies> (accessed 17 February 2026).
2. UN Trade and Development (UNCTAD) (2025) Global Trade Hits Record \$33 Trillion in 2024, Driven by Services and Developing Economies. 14 March. Available at: <https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-33-trillion-2024-driven-services-and-developing-economies> (accessed 17 February 2026).
3. International Monetary Fund (IMF). GDP Based on PPP, Share of World. Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (accessed 17 February 2026).
4. European Parliament Research Service (2024) BRICS: Background and Latest Developments. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760368/EPRS_BRI\(2024\)760368_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760368/EPRS_BRI(2024)760368_EN.pdf) (accessed 17 February 2026).
5. New Development Bank (2024) Annual Report 2024 – NDB in Numbers. Available at: https://www.ndb.int/annual-report/2024/overview/data_pdf/2024_NDB_in_Numbers_Data.pdf (accessed 17 February 2026).
6. World Bank. World Development Indicators: Manufactures Exports (% of Merchandise Exports) – China. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MANF.ZS.UN?locations=CN> (accessed 17 February 2026).
7. International Monetary Fund. IMF DataMapper (World Economic Outlook): India – Real GDP Growth (Annual Percent Change). Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IND> (accessed 17 February 2026).
8. World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS): RUSSIA Trade Summary 2021 (Exports and Imports of Product Groups – Stages of Processing). Available at: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUSSIA/Year/2021/Summarytext> (accessed 17 February 2026).
9. General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC) (2025) China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2024 (in USD). Beijing: China Customs.
10. General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC) (2026) China's Total Export & Import Values by Country/Region, Dec 2025 (in CNY). Beijing: China Customs.
11. Gareev T.R. (2023) Tekhnologicheskij suverenitet: ot konceptual'nyh protivorechij k prakticheskoj realizacii [Technological Sovereignty: From Conceptual Contradictions to Practical Implementation]. *Terra Economicus*, 21(4), pp. 38-54. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54.
12. UNIDO (2025) UNIDO Industrial Statistics: Global Highlights 2025. Vienna: United Nations Industrial Development Organization. Available at: https://stat.unido.org/portal/storage/file/publications/yb/2025/UNIDO_IndustrialStatistics_Global_Highlights_2025.pdf (accessed 17 February 2026).
13. Rosneft (2024) RCEBF Report 2024 (Russian-Chinese Energy Business Forum Report). Available at: https://www.rosneft.com/upload/site2/attach/0/20/RCEBF_report_2024_en.pdf (accessed 17 February 2026).

14. Fedulova E.A. (2025) *Rasshirenie tekhnologicheskogo sotrudnichestva Rossii s BRIKS [Expanding Technological Cooperation Between Russia and BRICS]*. Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Journal], 6, pp. 77-105. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-6-77-105.
15. Jiang M., Belli L. (2025) *Digital Sovereignty in the BRICS Countries*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781009531085.
16. WIPO (2025) *World Intellectual Property Indicators 2025*. Geneva: World Intellectual Property Organization. Available at: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-941-17-2025-en-world-intellectual-property-indicators-2025.pdf> (accessed 17 February 2026).
17. Kapoguzov E.A., Pahalov A.M. (2024) *Tekhnologicheskij suverenitet: konceptual'nye podhody i vospriyatie rossijskimi akademicheskimi ekspertami [Technological Sovereignty: Conceptual Approaches and Perception by Russian Academic Experts]*. Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii [Journal of the New Economic Association], 3(64), pp. 244-250.
18. Malyshev M.K. (2025) *Sravnitel'nyj analiz finansovo-raspredelitel'noj politiki krupnejshih korporacij cvetnoj metallurgii na prostranstve BRIKS [Comparative Analysis of Financial and Distribution Policy of the Largest Non-Ferrous Metallurgy Corporations in the BRICS Space]*. Mezhdunarodnaya ekonomika [World Economics], 22(1), pp. 50-66. DOI: 10.33920/vne-04-2501-04.
19. Dmitriev N.D., Rodionov D.G., Aguzarova L.A. (2025) *Dinamika sel'skohozyajstvennogo potenciala Rossii v usloviyah povysheniya intensivnosti proizvodstva: statisticheskij analiz [Dynamics of Russia's Agricultural Potential in Conditions of Increased Production Intensity: Statistical Analysis]*. Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal [International Agricultural Journal], 3(405), pp. 322-328. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_3_322.
20. Dmitriev N.D. (2025) *Prostranstvennaya specifika formirovaniya sbalansirovannyh modelej razvitiya promyshlennyh struktur s oporoy na resursnuyu triadu «voda-energiya-prodovol'stvie» [Spatial Specificity of Forming Balanced Development Models of Industrial Structures Based on the Resource Triad «Water-Energy-Food»]*. Nacional'nye ekonomiki v usloviyah global'nyh i lokal'nyh transformacij: Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [National Economies in the Context of Global and Local Transformations: Collection of Articles from the International Scientific-Practical Conference]. Tbilisi, pp. 34-39.
21. NRU HSE (2025) *Ot importozameshcheniya k proryvu: kak Rossiya dvizhetsya k tekhnologicheskomu suverenitetu [From Import Substitution to Breakthrough: How Russia Is Moving Towards Technological Sovereignty]*. 27 November. Available at: <https://www.hse.ru/news/development/1105802132.html> (accessed 17 February 2026).
22. Rosstat. *Dinamika promyshlennogo proizvodstva v yanvare–noyabre 2024 goda [Dynamics of Industrial Production in January–November 2024]*. Available at: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/313/document/251194> (accessed 17 February 2026).
23. Bodrunov S.D., Arhipova V.V. (2024) *Postroenie noointegratsii na primere BRIKS: teoriya i prakticheskaya realizatsiya [Building Noo-Integration on the Example of BRICS: Theory and Practical Implementation]*. Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia], 4(82), pp. 5-18. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18.
24. Bodrunov S.D., Zolotarev A.A. (2024) *Perekhod k noonomike, problemy tekhnologicheskogo suvereniteta i regional'noe razvitie [Transition to Noonomy, Problems of Technological Sovereignty and Regional Development]*. Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya [Economy of the Northwest: Problems and Prospects of Development], 1(76), pp. 75-79. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-75-79.
25. Ponomarenko E.V. (2024) *Tekhnologicheskij suverenitet Rossii: voprosy teorii i praktiki [Technological Sovereignty of Russia: Issues of Theory and Practice]*. Nauchnye trudy Vol'nogo

ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 248(4), pp. 580–590. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-580-590.

26. Ponomarenko E.V., Drozhzhin D.I. (2025) Potencial sotrudnichestva Rossii so stranami BRIKS+: problemy i perspektivy [Potential of Russia's Cooperation with BRICS+ Countries: Problems and Prospects]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 253(3), pp. 276-289. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-276-289.

27. Rodina I.B. (2025) Tekhnologicheskij suverenitet otraslej oboronno-promyshlennogo kompleksa: nacional'naya ideya i faktor tekhnologicheskogo liderstva [Technological Sovereignty of Defense-Industrial Complex Sectors: National Idea and Factor of Technological Leadership]. Liderstvo i menedzhment [Leadership and Management], 12(4), pp. 899-914. DOI: 10.18334/lim.12.4.123102.

28. Mihaelyan I.E. (2025) BRIKS kak institucional'naya al'ternativa zapadocentrichnoj modeli mezhdunarodnogo ekonomicheskogo poryadka: analiz potentsiala mnogopolyarnoj arhitektury global'nogo upravleniya cherez prizmu sozdaniya parallel'nyh finansovyh institutov i mekhanizmov torгово-ekonomicheskogo sotrudnichestva [BRICS as an Institutional Alternative to the Western-Centric Model of International Economic Order: Analysis of the Potential of Multipolar Architecture of Global Governance Through the Prism of Creating Parallel Financial Institutions and Mechanisms of Trade and Economic Cooperation]. Othody i resursy [Waste and Resources], 12(S1). DOI: 10.15862/02FAOR125.

29. Dmitriev N.D., Sorokozherd'ev V.V. (2025) Dialektika tekhnologicheskogo suvereniteta i industrial'nogo razvitiya v usloviyah ustojchivykh preobrazovanij stran BRIKS [Dialectics of Technological Sovereignty and Industrial Development in the Context of Sustainable Transformations of BRICS Countries]. Nacional'nye ekonomiki v usloviyah global'nyh i lokal'nyh transformacij: Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [National Economies in the Context of Global and Local Transformations: Collection of Articles from the International Scientific-Practical Conference]. Tbilisi, pp. 39-46.

N. D. Dmitriev³. Sovereignty Through Cooperation: Imperatives of BRICS Industrial Development and the Russian Vector of Technological Refunctionalization⁴. The article examines the dialectical relationship between the formation of technological sovereignty and the deepening of industrial cooperation within the BRICS framework. Sovereignty is shifting from the domain of formal state attributes to the plane of technological dominance and distributed value chains, where industrial subjectivity is determined by control over nodal points-critical links in production cycles-and access to alternative channels of technological capabilities. The concept of technological refunctionalization is substantiated as a strategic vector of Russia's industrial policy in the context of expanding BRICS cooperation space. The study draws on UNCTAD data on intra-bloc trade dynamics, IMF analytics on the bloc's share in global GDP (PPP), and parameters of financial-institutional architecture (NDB portfolio, alternative clearing mechanisms). The findings reveal that import substitution in 2022–2025 creates a restorative trajectory but exposes structural limits of the compensatory strategy in highly integrated segments of microelectronics and digital infrastructure. A three-axis architecture of refunctionalization is proposed: sectoral respecialization-incorporation into transboundary technological

³ *Nikolay D. Dmitriev*, PhD in Economics, Associate Professor, Graduate School of Industrial Economics, Head of the Laboratory “Modeling and Digitalization of Socio-Economic Systems”, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (Polytechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, 195251, Russia)

⁴ The article is based on the results of a study conducted with the financial support of the Russian Federation represented by the Ministry of Science and Higher Education of Russia in the process of implementing the project “Management of Sustainable Development of Industrial Structures within the Concept of Water-Energy-Food” (Agreement no. 075-15-2024-673).

cycles of knowledge-intensive production-institutional harmonization. The imperative of «sovereignty through cooperation» is formulated as a dialectical resolution of the contradiction between autonomy and interdependence. The risk of new peripheralization under monoconcentration of partnerships is identified, foregrounding the challenge of diversifying polysubject interaction within the bloc and overcoming a new type of technological dependence. The conclusion emphasizes the necessity of transitioning from reactive import substitution to proactive refunctionalization of production-technological chains based on the cooperative complementarity of BRICS economies, ensuring an emergent synergistic effect of industrial development and breaking the reproductive cycle of asymmetric dependencies.

Keywords: BRICS, technological sovereignty, technological refunctionalization, industrial cooperation, import substitution, knowledge-intensive production, neo-industrial development, industrial subjectivity.

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-48-64

А. В. Бабкин¹, С. П. Кирильчук², Е. В. Наливайченко³

ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ⁴

Статья посвящена анализу механизмов обеспечения устойчивости промышленных экосистем Российской Федерации в период действия масштабных экономических и технологических санкций 2022–2025 годов. На основе ретроспективного обзора кризисов 2008 и 2014–2015 годов выявляются унаследованные системные уязвимости отечественной промышленности: сырьевая зависимость, технологическая зависимость от импорта, слабость долгосрочного финансирования. В фокусе исследования – качественно новая санкционная реальность, характеризующаяся шоками: логистическими разрывами, ограничениями доступа к критическим технологиям и финансовым рынкам. В статье систематизируются адаптационные стратегии предприятий, включая активное импортозамещение, релокацию цепочек поставок, ускоренную цифровизацию и переориентацию на рынки дружественных стран. Особое внимание уделяется эволюции институциональной поддержки со стороны государства: от точечных антикризисных мер к формированию комплексной системы, включающей льготное финансирование, специальные инвестиционные контракты (СПИК 2.0), меры налогово-бюджетного стимулирования и развитие механизмов обратной связи (Прямая линия с бизнесом, бизнес-омбудсмен). На основе данных Росстата, Банка России и отраслевых ассоциаций за 2020–2025 гг. представлены тенденции, иллюстрирующие динамику промышленного производства, инвестиций и структурные сдвиги, выполнен анализ долгосрочных трендов, включая эмпирическую оценку перехода от цифровизации к технологическому суверенитету. Делается вывод о формировании и предлагается новая парадигма устойчивости, основанная на суверенизации критических производств, гибкости бизнес-моделей и углубленной кооперации между государством и промышленным бизнесом в условиях длительного санкционного давления.

Ключевые слова: промышленные экосистемы, экономические санкции, устойчивое развитие, импортозамещение, адаптационные стратегии, институциональная поддержка, технологический суверенитет, цепочки поставок.

¹ Александр Васильевич Бабкин, профессор Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29), д-р экон. наук, профессор, e-mail: al-vas@mail.ru

² Светлана Петровна Кирильчук, заведующий кафедрой экономики предприятия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (297007, Российская Федерация, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4), д-р экон. наук, профессор, e-mail: skir12@yandex.ru.

³ Екатерина Владимировна Наливайченко, профессор кафедры экономики предприятия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (297007, Российская Федерация, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4), д-р экон. наук, профессор, e-mail: katnaliv@yandex.ru.

⁴ Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ № 25-18-00978. «Стратегическое управление интеллектуальной зрелостью промышленных экосистем в условиях экономики данных: методология, фреймворк, инструментарий».

УДК 338.45:339.727.22(470)

Введение

Устойчивость промышленных экосистем к внешним шокам является фундаментальным условием национальной экономической безопасности⁵. Исторический опыт России демонстрирует череду серьезных испытаний: финансовый кризис 2008–2009 гг., кризис 2014–2015 гг., вызванный падением цен на нефть и первыми санкциями, пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. Каждый из этих периодов выявлял системные слабости: высокую зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков, уязвимость финансовой системы, технологическую зависимость и структурные диспропорции [3; 5].

Однако санкционное давление, радикально усилившееся в 2022 году, носит беспрецедентный по масштабам, скоординированности и глубине характер. Оно перешло от точечных финансовых и технологических ограничений к попытке тотальной экономической изоляции, затрагивающей логистику, поставки комплектующих, доступ к программному обеспечению и сервисам, расчеты и кадровый потенциал [8, с. 5-23; 12]. В этих условиях традиционные антикризисные меры, опиравшиеся на использование золотовалютных резервов и поддержку ликвидности, оказались недостаточными. Возникла необходимость в глубокой трансформации бизнес-моделей промышленных предприятий и качественном пересмотре роли государства как стратегического партнера в обеспечении устойчивого развития.

Цель исследования – сформулировать концептуальные основы новой парадигмы устойчивости на основе анализа адаптационных механизмов и институциональных инструментов обеспечения устойчивости промышленных экосистем России в условиях санкций 2022–2025 гг., выявив преемственность и новизну подходов по сравнению с предыдущими кризисами.

1. Унаследованные уязвимости и новая санкционная реальность (2020–2025 гг.).

Пандемия COVID-19 (2020–2021 гг.) стала стресс-тестом для глобальных цепочек создания стоимости и выявила риски чрезмерной зависимости от удаленных поставщиков. Российская промышленность, еще не полностью оправившаяся от шоков 2014–2015 гг., столкнулась с нарушением поставок компонентов, падением спроса и ростом логистических издержек [1; 10, с. 5-8]. Государственная поддержка в этот период носила в основном компенсационный характер: льготные кредиты на зарплату, налоговые отсрочки, целевые субсидии пострадавшим отраслям (туризм, авиаперевозки, гостинично-ресторанный бизнес)⁶. Эти меры помогли сохранить занятость и избежать волны банкротств, но не решали структурных проблем.

С февраля 2022 года начался принципиально новый этап, характеризующийся комплексными ограничениями:

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 02.02.2026).

⁶ О мерах поддержки граждан и бизнеса в условиях коронавируса: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 15. – Ст. 2291. <https://base.garant.ru/73846630/> (дата обращения: 02.02.2026).

– технологические и логистические санкции, выразившиеся в запретах на поставки высокотехнологичного оборудования, комплектующих, программного обеспечения (САПР, ERP, EDA), а также ограничениях на обслуживание ранее поставленного оборудования;

– финансовые санкции, такие как отключение ключевых банков от системы SWIFT, заморозка активов ЦБ РФ и золотовалютных резервов, ограничения на привлечение капитала;

– персональные санкции и уход иностранных компаний, проявившиеся в давлении на владельцев и топ-менеджмент, приостановке деятельности или уходе с рынка сотен иностранных производителей и сервисных компаний [13].

Это привело к возникновению «разорванных» цепочек поставок, необходимости срочной замены критических импортных компонентов и технологий, а также перестройки всей системы внешнеэкономических связей.

Характер кризисных воздействий на промышленность в период 2008–2022 гг. см. в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика кризисных воздействий на промышленность (2008, 2014, 2020, 2022 гг.)

Критерий	2008–2009 гг.	2014–2015 гг.	2020–2021 гг. (Ковид)	2022–2025 гг. (Санкции)
Природа шока	Глобальный финансовый кризис	Падение цен на нефть, первые секторальные санкции	Пандемия, локдаун, разрыв логистики	Полно-масштабные координированные санкции, логистическая блокада
Ключевой канал воздействия	Кредитное сжатие, падение спроса, обвал фондового рынка	Девальвация рубля, ограничение доступа к дешевым иностранным кредитам	Падение конечного спроса, карантинные ограничения, рост издержек	Разрыв цепочек поставок, технологическая блокада, изоляция от финансовых рынков
Ответ бизнеса	Сокращение издержек, инвестиционных программ, оптимизация запасов	Импорто-замещение в АПК, локализация отдельных производств на волне девальвации	Ускоренная цифровизация, удаленный формат работы, перестройка логистики	Активная релокация поставок, форсированное R&D, переориентация на Азию, создание параллельного импорта
Фокус господдержки	Спасение системо-образующих предприятий и банков (ликвидность)	Девальвационная адаптация, поддержка АПК, создание ИПК (импорто-замещающих проектов)	Компенсация выпадающих доходов МСП, кредитные каникулы, медицина	Стратегическое планирование, льготное финансирование критических отраслей, создание новых институтов развития (ФРП, Корпорация МСП)

Источник: разработано авторами на основе [12;13].

2. Адаптационные стратегии промышленных экосистем (2022-2025гг.)

В ответ на вызовы у промышленных экосистем сформировался комплекс адаптационных стратегий [6, с. 27-32; 9, с. 53-62; 16].

2.1. Релокация цепочек поставок и «параллельный импорт». Предприятия оперативно наладили альтернативные логистические маршруты через Турцию, Казахстан, Кыргызстан, ОАЭ, Китай и другие «дружественные» страны⁷. Возникли целые экосистемы компаний-трейдеров, специализирующихся на параллельном импорте станков, электронных компонентов, химической продукции⁸. Это позволило в кратчайшие сроки смягчить дефицит, но привело к существенному росту издержек и удлинению сроков поставок.

2.2. Активное импортозамещение и технологическая адаптация. Если до 2022 года импортозамещение во многих отраслях носило декларативный характер, то после введения санкций оно стало вопросом выживания. Резко вырос спрос на российские аналоги станков с ЧПУ, промышленной автоматики, программного обеспечения, элементов радиоэлектроники. Запущены масштабные программы по разработке и производству собственных средств производства (станкостроение, приборостроение).

2.3. Переориентация на новые рынки сбыта. Происходит активная диверсификация внешнеэкономической деятельности. Доля стран «недружественного» круга в товарообороте РФ снижается при стремительном росте доли Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Промышленный экспорт переориентируется с полуфабрикатов на продукцию с более высокой добавленной стоимостью, адаптированную под требования новых рынков.

2.4. Ускоренная цифровизация и развитие программного суверенитета. Санкции со стороны крупнейших вендоров программного обеспечения (ПО) стимулировали массовый переход на отечественное или ПО с открытым программным кодом. Развиваются российские экосистемы CAD/CAM/CAE, ERP, офисных пакетов. Цифровизация внутренних процессов (управление, логистика, обслуживание) стала ключевым инструментом повышения операционной эффективности в условиях роста издержек.

3. Эмпирический анализ трансформации промышленных экосистем: от адаптации к суверенитету.

Оценка эффективности адаптационных стратегий и глубины перехода к новой парадигме требует обращения к объективным статистическим индикаторам. Анализ долгосрочной динамики обобщающих показателей, отражающих зрелость промышленности в контексте концепций цифровизации и технологического суверенитета, выявляет устойчивые тренды, особенно показательные в период после 2020 года (таблица 2, рисунок 1).

⁷ World Economic Outlook, October 2023: Navigating Global Divergences. <https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023>

⁸ Russia's Foreign Trade. – URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Russia%60s_Foreign_Trade (дата обращения: 03.02.2026).

Таблица 2

Динамика ключевых показателей технологического развития российской промышленности^{9,10}

Год	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности в РФ, млрд руб.	Динамика инвестиций в основной капитал в РФ в сопоставимых ценах, %	Индексы промышленного производства, %	Удельный вес организаций, использующих цифровые технологии, по РФ, %	Использование объектов интеллектуальной собственности по видам экономической деятельности в РФ, ед.
1999	4381,78	108,5	100	Нет данных	Нет данных
2000	4 763,00	117,4	108,70	Нет данных	Нет данных
2001	5 881,00	111,7	102,90	Нет данных	Нет данных
2002	6 868,00	102,9	103,10	Нет данных	Нет данных
2003	8 498,00	112,7	108,90	84,6	Нет данных
2004	11 209,00	116,8	108,00	87,6	Нет данных
2005	13 625,10	110,2	105,10	91,1	13942
2006	17 068,50	117,8	106,30	93,3	15010
2007	20 612,40	123,8	106,80	93,3	15986
2008	24 708,30	109,5	100,60	93,7	17944
2009	22 473,10	86,5	89,30	93,7	18475
2010	28 764,00	106,3	107,30	93,8	19601
2011	35 052,60	110,8	105,00	94,1	20758
2012	38 220,80	106,8	103,40	94	22960
2013	40 545,10	100,8	100,40	94	24926
2014	44 064,20	98,5	102,50	93,8	26731
2015	51 267,60	89,9	99,20	92,3	29143
2016	52 660,75	99,8	102,20	92,4	32756
2017	59 030,81	104,8	102,10	93,1	34498
2018	69 620,89	105,4	102,90	94,0	43916
2019	71988	102,1	103,4	93,5	52653
2020	70476,25	99,9	97,9	80,7	59897
2021	74986,73	108,6	106,4	81,8	67694
2022	75511,64	106,7	100,7	79,6	70836
2023	78154,55	109,8	103,5	79,8	70794

⁹ Промышленное производство в России: 1992–2025. URL: <http://global-finances.ru/promyshlennoe-proizvodstvo-v-rossii/> (дата обращения: 04.02.2026).

¹⁰ Статистическая информация об использовании объектов интеллектуальной собственности. URL: <https://new.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/statisticheskaya-informatsiya-ob-ispolzovanii-intellektualnoy-sobstvennosti.php> (дата обращения: 04.02.2026).

Год	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности в РФ, млрд руб.	Динамика инвестиций в основной капитал в РФ в сопоставимых ценах, %	Индексы промышленного производства, %	Удельный вес организаций, использовавших цифровые технологии, по РФ, %	Использование объектов интеллектуальной собственности по видам экономической деятельности в РФ, ед.
2024	81749,66	108,4	104,6	95,97	75648
2025	82403,66	100,5*	100,8*	96,0*	75672*

Примечание: *по данным Минэкономразвития на ноябрь 2025 г.

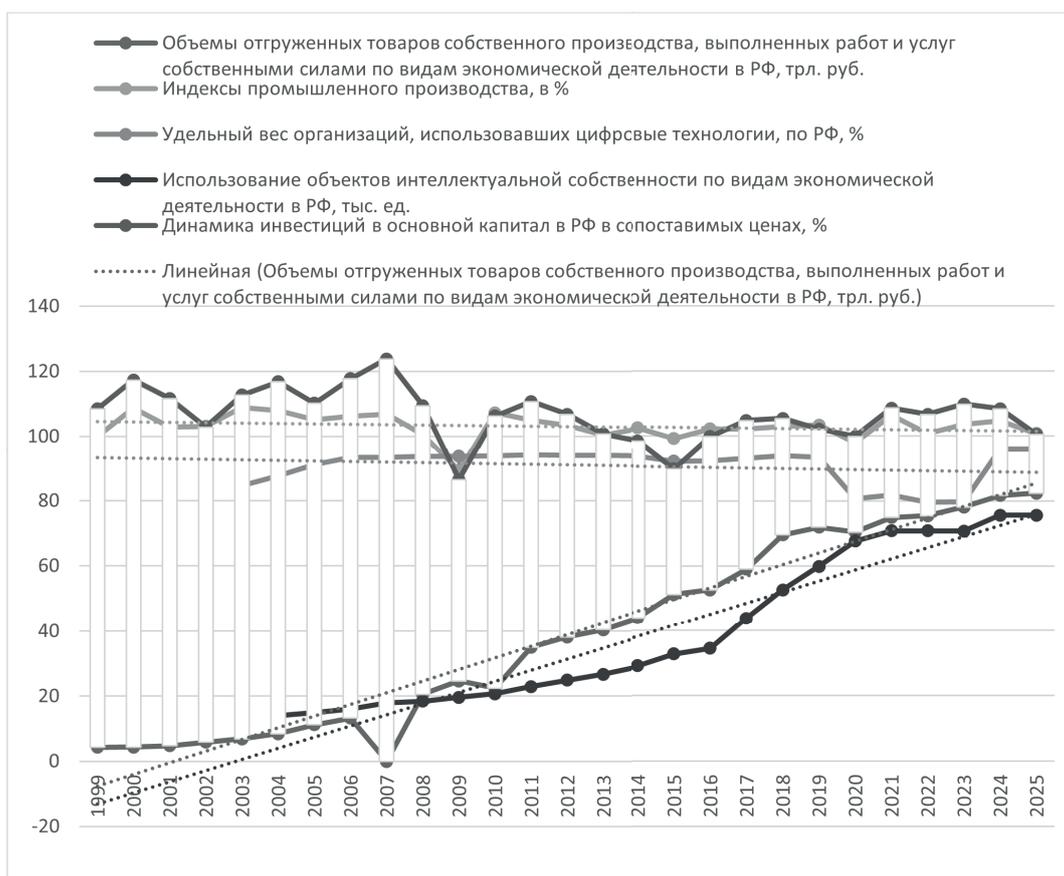

Рисунок 1. Тренды ключевых показателей промышленности в РФ^{5,6}

Статистический анализ подтверждает курс на технологический суверенитет. Анализ долгосрочной динамики ключевых индикаторов позволяет дать утвердительный ответ.

Во-первых, объем отгруженных товаров собственного производства и индекс промпроизводства показывают устойчивость реального сектора. После спада 2020 года, вызванного пандемией (-2.1%), уже в 2021 году следует восстановительный рост (+6.4%), а в 2022–2023 гг. экономика демонстрирует положительную, хоть и умеренную, динамику (+0.7% и +3.5% соответственно) даже в условиях беспрецедентного внешнего давления. Динамика инвестиций в основной капитал в РФ в сопоставимых ценах в этот период показала среднегодовой прирост в 6,8%.

Во-вторых, что наиболее показательно для новой парадигмы, динамика показателей использования интеллектуальной собственности (индикатор Индустрии 5.0, связанный с инновациями и суверенитетом) имеет выраженный восходящий тренд, лишь ускоряющийся в последние годы (59,897 ед. в 2020 г., 70,836 ед. в 2022 г.). Это свидетельствует о смещении фокуса от простой цифровизации процессов (Индустрия 4.0) к созданию и присвоению собственных технологических решений.

При этом удельный вес организаций, использовавших цифровые технологии (индикатор Индустрии 4.0), действительно испытал спад в 2020–2022 гг. (с 93.5% в 2019 г. до 79.6% в 2022 г.), что может объясняться как трудностями адаптации к иностранным платформам в условиях санкций, так и процессом «перезагрузки» цифрового ландшафта – переходом на отечественные аналоги, требующий времени. Таким образом, спад по цифровым технологиям связан не только с пандемией, но и с санкционными ограничениями на ПО/оборудование и последующим переходом на отечественные платформы.

Восходящий тренд использования объектов интеллектуальной собственности, не прерванный в 2022 году, прямо свидетельствует об активизации внутренних инновационных процессов как реакции на технологические санкции.

Динамика индекса промышленного производства в России в 2019–2024 гг. (рисунок 2), показывает следующее:

- 2020 год: -2.8% (шок пандемии);
- 2021 год: +5.3% (восстановление);
- 2022 год: -0.6% (шок санкций);
- 2023 год: +3.6% (адаптация, рост в ОПК и смежных отраслях);
- 2024 год: +8.2% (продолжение положительной динамики).

4. Эволюция институциональной поддержки государства.

Государство перешло от точечно поддерживающей роли к роли стратегического инвестора и координатора в условиях «новой нормальности». Институциональная поддержка государства проявляется в следующих механизмах [2; 13].

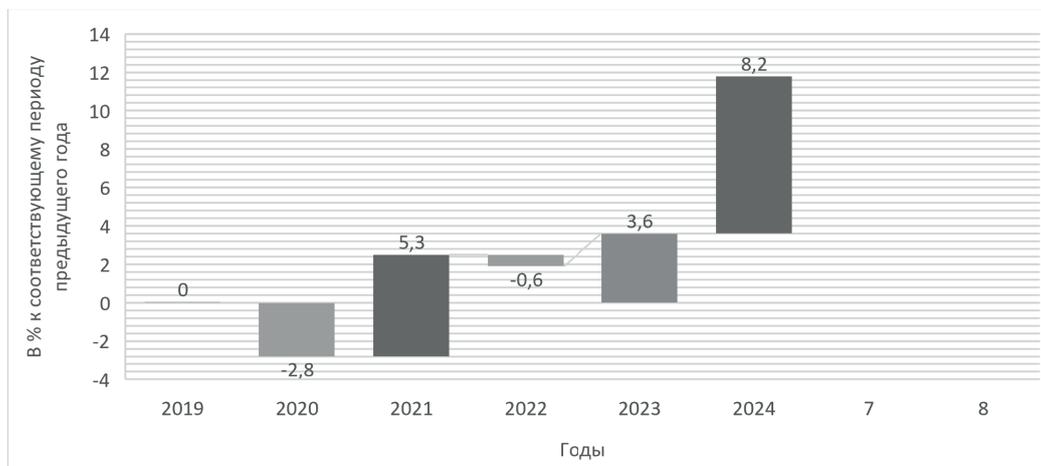

Рисунок 2. Динамика индекса промышленного производства в России, 2019–2024 гг. (в % к соответствующему периоду предыдущего года)¹¹

4.1. Финансовые и инвестиционные механизмы:

– льготное кредитование, через Программы Промышленной ипотеки (ставка от 1% до 5%), проектного финансирования под 3-5% для импортозамещающих и инфраструктурных проектов;

– гарантийная поддержка, посредством расширения программ Корпорации МСП и Фонда развития промышленности (ФРП) по предоставлению гарантий по кредитам и лизингу¹²;

– специальные инвестиционные контракты (СПИК 2.0), как инструмент, связывающий обязательства инвестора по созданию производства с гарантиями государства по стабильности налоговых и регуляторных условий, активно используемый для локализации высокотехнологичных производств.

4.2. Налогово-бюджетные и регуляторные меры:

– налоговый маневр для IT-сектора, устанавливающий льготные ставки страховых взносов (7,6%) и налога на прибыль (3%) для стимулирования разработки отечественного ПО и оборудования;

– повышенные вычеты по НДС для промышленности по стимулированию инвестиций в производственные активы;

– упрощение административных процедур, как ускоренное подключение к инфраструктуре, введение моратория на плановые проверки малого бизнеса, регуляторные «песочницы».

¹¹ По данным Росстата, 2024 / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2026).

¹² Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019–2023 гг. / Министерство экономического развития Российской Федерации / 28 ноября 2024 г. https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_sostoyanii_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_20192023_gg.html (дата обращения: 02.02.2026).

4.3. Прямая поддержка критических отраслей и кооперации:

– формирование промышленных кластеров и кооперационных сетей. При этом государство выступает интегратором, создавая площадки для взаимодействия крупных госкомпаний, частного бизнеса и научных организаций (например, в радиоэлектронике, станкостроении, фармацевтике);

– госзаказ как драйвер развития. Определяет обязательства госкомпаний на закупку отечественной продукции, преференции по 223-ФЗ и 44-ФЗ для российских товаров;

– поддержка несырьевого экспорта. Подкрепляется усилением роли Российского экспортного центра (РЭЦ) в страховании и финансировании поставок в новые страны.

Рисунок 3 представляет структуру инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (обрабатывающие производства), по 2024 году.

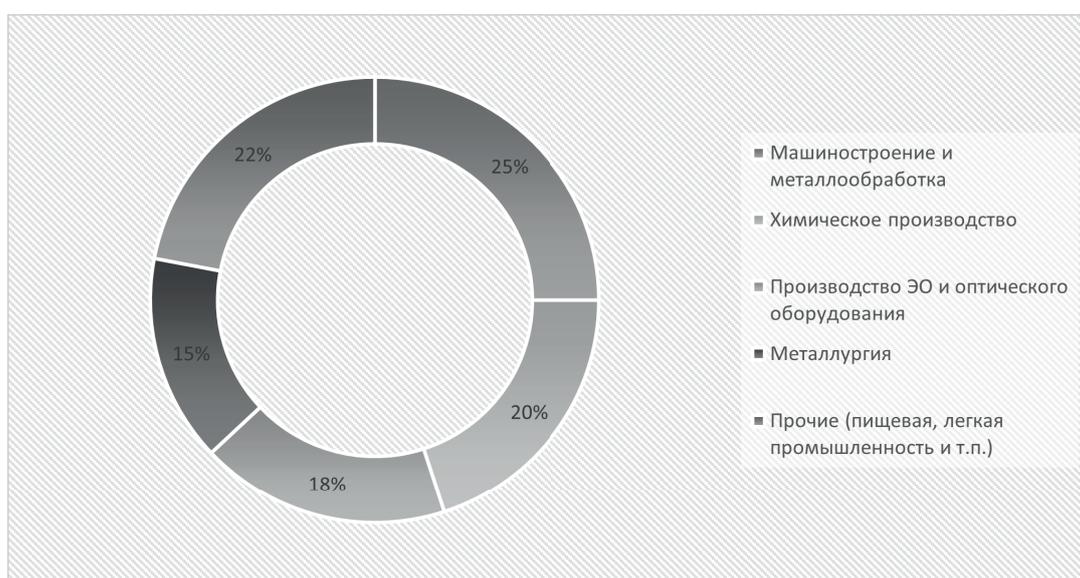

Рисунок 3. Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (обрабатывающие производства), 2024 г.¹³

На рисунке 3 наблюдается явное смещение инвестиционных потоков в сторону высокотехнологичных и импортозамещающих сегментов обрабатывающей промышленности, что соответствует стратегическим планам Российской Федерации¹⁴.

4.4. Проблемы и риски устойчивого развития.

Несмотря на успехи адаптации, сохраняются серьезные вызовы и шоки [4, с. 100-130; 15; 17, с.5221]:

¹³ Инвестиции в России. 2025: Стат. сб./ Росстат. – М., 2025. – 163 с. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2025.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

¹⁴ Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 06.06.2020 №1512-р (ред. от 21.10.2024). <http://government.ru/docs/all/128331/> (дата обращения: 02.02.2026).

1) Кадровый дефицит, проявляющийся в острой нехватке инженеров, IT-специалистов, высококвалифицированных рабочих и технологов, способных работать на новом оборудовании и с новыми технологиями.

2) Технологическое отставание в «узких» местах, показывающее сохранение критической зависимости в области производства современных микрочипов, высокоточных подшипников, специальных материалов и программных «стержней» для промышленности.

3) Высокие издержки и инфляционное давление, определяющееся параллельным импортом, ростом логистических расходов и дефицитом компонентов, и продолжающие оказывать давление на себестоимость, ограничивая инвестиционные возможности.

4) Риски избыточного государственного вмешательства. Возрастающая роль государства может в долгосрочной перспективе подавлять частную инициативу и гибкость, создавая риски неэффективного распределения ресурсов.

5. Формирование новой парадигмы устойчивости промышленных экосистем в условиях санкций.

Проведенный анализ адаптационных стратегий, институциональных мер и эмпирических трендов позволяет синтезировать новую парадигму устойчивости промышленных экосистем в санкционной реальности, ключевыми концептуальными блоками которой являются:

5.1. От внешней зависимости к технологическому и логистическому суверенитету [11, с. 6-29].

Цель: формирование замкнутых (или контролируемых) технологических циклов в критических отраслях. Устойчивость перестает означать лишь надежность поставок извне; теперь она определяется способностью создавать, воспроизводить и развивать ключевые технологии, компоненты и средства производства внутри страны или в рамках надежных альянсов.

Ключевой сдвиг: от отношения к импорту как к «оптимальному решению» к отношению как к «временному и рискованному источнику». Стратегические инвестиции направляются не только в производственные мощности, но и в собственные НИОКР, инжиниринговые центры и подготовку кадров.

5.2. От жестких цепочек поставок к адаптивным сетевым экосистемам [7, с. 105-123].

Цель: замена линейных, глобально оптимизированных цепочек создания стоимости на гетерогенные, многосвязные и гибкие сетевые структуры. Устойчивость обеспечивается избыточностью каналов поставок, наличием альтернативных партнеров и возможностью быстрой реконфигурации логистики.

Ключевой сдвиг: от принципа «точно в срок» к принципу «на всякий случай + точно в срок». Параллельный импорт, локализация второго и третьего уровней (поставщики компонентов для поставщиков), создание промышленных кластеров и кооперационных сетей становятся нормой.

5.3. От реактивной защиты к проактивной стратегической гибкости (устойчивости конструкции по проекту) [14, с. 31-40].

Цель: встраивание устойчивости в саму ДНК бизнес-модели и систему управления. Это предполагает стресс-тестирование стратегий, сценарное планирование под различ-

ные режимы санкций, создание финансовых и материальных буферов, а также диверсификацию портфелей продуктов и рынков сбыта.

Ключевой сдвиг: кризисное управление перестает быть отдельной функцией и становится интегральной частью стратегического управления. Фокус смещается с ликвидации последствий шока на предварительное создание возможностей для быстрого восстановления и трансформации.

5.4. От изолированного предприятия к интегрированной кооперации «Государство – Большой Бизнес – МСП – Наука» [4, с. 100-130].

Цель: формирование синергетических связей, где государство задает стратегические приоритеты и создает институциональные условия, крупные компании выступают ядрами спроса и интеграторами технологий, МСП обеспечивают гибкость и инновационность, а научные организации поставляют прорывные разработки. Устойчивость отдельной структуры неразрывно связана с устойчивостью всей экосистемы.

Ключевой сдвиг: конкуренция дополняется и отчасти замещается кооперацией на стратегических направлениях. Инструменты вроде СПИК, промышленных кластеров и технологических консорциумов становятся основными драйверами развития.

5.5. От человеческого капитала как ресурса к человеческому капиталу как основе суверенитета [7, с. 105-123].

Цель: признание того, что конечным барьером для устойчивого развития является не только доступ к станкам или чипам, но и к компетенциям. Формирование самообновляющейся системы подготовки инженеров, технологов, рабочих и менеджеров, способных работать с новыми технологиями и в новых условиях.

Ключевой сдвиг: инвестиции в образование, корпоративные университеты и создание привлекательной среды становятся не статьей расходов, а ключевой стратегической инвестицией в устойчивость.

5.6. От цифровизации процессов к цифровому суверенитету данных и алгоритмов [6, с. 27-32].

Цель: обеспечение контроля над критическими данными и алгоритмами управления производством, логистикой, разработкой. Устойчивость цифровой инфраструктуры (отечественное ПО, защищенные каналы связи) становится обязательным условием устойчивости физического производства.

Ключевой сдвиг: цифровая трансформация рассматривается не только через призму эффективности, но и через призму безопасности и независимости. Развитие отечественных ИТ-экосистем – обязательный элемент парадигмы.

Современные вызовы, связанные с беспрецедентным санкционным давлением на экономику России, требуют переосмысления самого понятия «устойчивость» для промышленных экосистем. Выходя за рамки традиционных трактовок финансовой стабильности и операционной непрерывности, новая парадигма формируется вокруг принципов суверенитета, гибкости, адаптивности и экосистемной кооперации (рисунок 4). Ключевые связи и динамика парадигмы:

1. Центростремительное движение – все элементы работают на достижение технологического суверенитета.

2. Обратные связи – результаты реализации влияют на корректировку инструментов.

3. Итерационный характер – постоянное совершенствование в условиях меняющихся санкций.
 4. Системность – изменение одного элемента требует корректировки других.

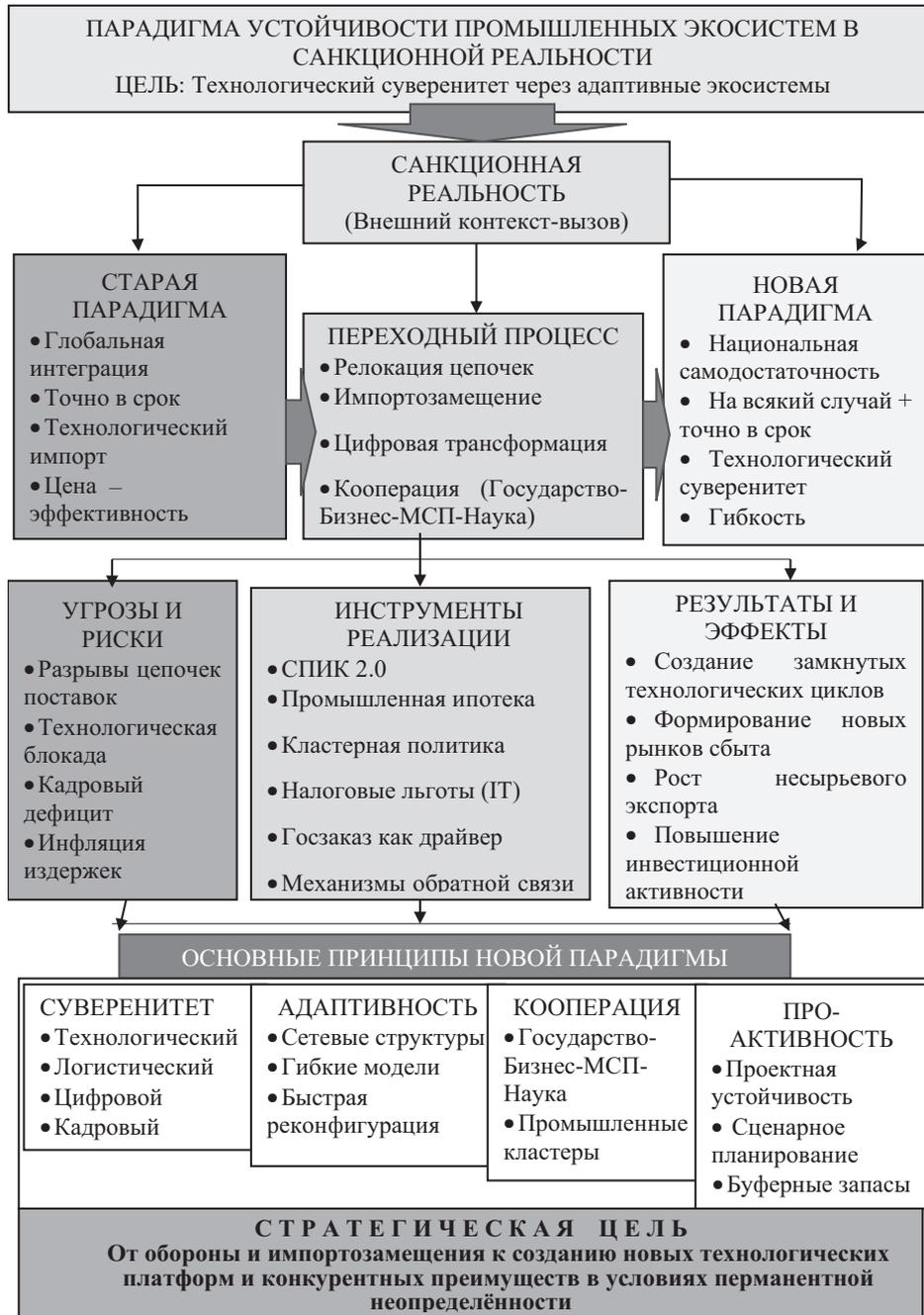

Рисунок 4. Структура парадигмы устойчивости промышленных экосистем в санкционной реальности

Эта парадигма предполагает переход от обороны и импортозамещения к стратегическому наступлению и созданию новых технологических платформ, что позволит не только выживать под санкциями, но и формировать новые конкурентные преимущества в меняющемся мире.

Выводы

Эмпирический вывод. Эмпирические данные подтвердили, что санкции 2022 года стали катализатором качественного сдвига: темпы роста показателей, связанных с созданием интеллектуальной собственности, не замедлились, в то время как показатели использования заимствованных цифровых технологий скорректировались, что свидетельствует о процессе глубокой технологической перестройки. Период 2020–2025 годов стал для промышленных экосистем России временем последовательных и накладывающихся друг на друга испытаний. Ответ на вызовы санкций 2022 года показал, что накопленный ранее (в том числе неоднозначный) опыт кризисов 2008 и 2014 годов позволил сформировать более резилентные бизнес-модели и оперативные механизмы адаптации.

Институциональный вывод. Институциональный ответ государства эволюционировал от компенсации ущерба к стратегическому инвестиционному партнерству, что наиболее ярко проявилось в механизмах СПИК 2.0 и промышленной ипотеки, ориентированных на создание новых, а не сохранение старых мощностей. Ключевым отличием текущего этапа является переход от импортозамещения как тактической задачи к построению технологического суверенитета как стратегической цели. Устойчивость развития в новых условиях обеспечивается не просто заменой иностранных поставщиков, а созданием замкнутых технологических циклов, развитием собственной научно-производственной базы и формированием глубоких кооперационных связей внутри национальной и дружественной экономической экосистемы.

Концептуальный вывод. Итоговая формулировка парадигмы устойчивости промышленных экосистем в санкционной реальности такова:

«Парадигма устойчивости промышленных экосистем в санкционной реальности – это стратегическая модель долгосрочного развития, основанная на принципах технологического и логистического суверенитета, реализуемая через адаптивные сетевые экосистемы и проактивную организационную гибкость. Её ядром является синергетическая кооперация государства, бизнеса и науки, направленная на формирование замкнутых критических компетенций, где человеческий и цифровой капитал признаются главными источниками конкурентоспособности и устойчивости в условиях перманентной внешней неопределенности».

Сформулированная парадигма представляет собой не просто описание трендов, а новую систему координат для стратегического планирования как на уровне государства, так и на уровне отдельных промышленных экосистем:

– рост показателя использования интеллектуальной собственности – это количественное свидетельство работы принципа «технологического суверенитета» из приведенной парадигмы:

- роль государства для промышленных экосистем трансформировалась в сторону более тесного и сложного партнерства с бизнесом, где поддержка увязывается с конкретными производственными результатами и стратегическими приоритетами:
- успех дальнейшего устойчивого развития будет зависеть от сбалансированности приведенной модели, способности стимулировать частную инициативу и инновации, а также от системных инвестиций в человеческий капитал и фундаментальную науку.

Список литературы

1. Аганбегян, А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-ot-stagnatsii-k-ustoychivomu-sotsialno-ekonomicheskomu-rostu> (дата обращения: 02.02.2026).
2. Андрушин, С. А. Денежно-кредитная политика Банка России в 2022–2026 гг.: системные риски, антикризисные меры и механизмы развития / Банковское дело, 2023. – №9. <https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/9238>
3. Ахапкин, Н. Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-ekonomika-v-usloviyah-sanktsionnyh-ogranicheniy-dinamika-i-strukturnye-izmeneniya> (дата обращения: 02.02.2026).
4. Бабкин, А. В. Парадокс экономики потребления как источника финансирования инвестиций развития Индустрии 4.0/5.0 / А. В. Бабкин, С. П. Кирильчук, Е. В. Наливайченко // *π-Economy*. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 100-130. – DOI 10.18721/JE.17206. – EDN IVPXAF. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67224938>
5. Бодрунов, С. Д. Ноономика: Монография / С. Д. Бодрунов. – Москва-Санкт-Петербург-Лондон: Культурная революция, 2018. – 432 с. – ISBN 978-5-6040343-1-6. – EDN XQTTJZ. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35116289>
6. Глазьев, С. Ю. Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2(76). – С. 27-32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.
7. Глухов, В. В. Концептуальный фреймворк для оценки и управления интеллектуальной зрелостью промышленных экосистем / В. В. Глухов, А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета // *Journal of New Economy*. – 2025. – Т. 26, № 3. – С. 105-123. – DOI 10.29141/2658-5081-2025-26-3-6. – EDN QMXRKU. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82998393>
8. Ершов, М. В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики, 2022. – с. 5-23. https://fief.ru/files/news2017/Ершов%20М.В._Публикация_Вопросы%20экономики_Российская%20экономика%20в%20условиях%20санкционных%20вызовов.pdf
9. Клейнер, Г. Б. Промышленные экосистемы: взгляд в будущее // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2. – с. 53-62. <https://kleiner.ru/pubs/promyshlennye-ekosistemy-vzglyad-v-budushhee/>
10. Мау, В. А. Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2021–2022 гг. Вопросы экономики. 2022;(3):5-8. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-3-5-28>
11. Силуанов, А. Роль бюджетной политики в обеспечении финансового и технологического суверенитета страны / А. Силуанов // Экономическая политика. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 6-29. – DOI 10.18288/1994-5124-2024-5-6-29. – EDN KFTYBN. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=73887561>
12. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 132 с.

13. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту [Текст]: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Н. В. Акиндинова, Д. А. Авдеева, В. А. Бессонов и др.; под ред. Н. В. Акиндиновой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 63 с. – ISBN 978-5-7598-2786-3(в обл.). — ISBN 978-5- 7598-2852-5 (e-book). <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/858720112.pdf>

14. *Inshakova E.I., Inshakova A.O., Kachalov R.M.* (2020) Russian and Eurasian technology platforms: Progress and challenges in accelerating the neo-industrialization processes. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 110, 31-40. DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_4 EDN: KUNXEV

15. *Kirilchuk S.P., Nalivaichenko E.V., Kaminskaya A.O., Dementiev M.Yu.* (2023) Economic Assessment of Regional Investment Activities. *Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East (AFE-2022) AFE 2023*. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 706-715. DOI: 10.1007/978-3-031-36960-5_80 EDN: XDVAYS

16. *Shkarupeta, E.* Eco-Innovative Development of Industrial Ecosystems Based on the Quintuple Helix / *E. Shkarupeta, A. Babkin // International Journal of Innovation Studies*. – 2024. – DOI 10.1016/j.ijis.2024.04.002. – EDN XZWUKR. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67230747>

17. *Zizic M.C., Mladineo M., Gjeldum N., Celent L.* (2022). From Industry 4.0 towards Industry 5.0: A Review and Analysis of Paradigm Shift for the People, Organization and Technology. *Energies*, 15 (14), 5221. DOI: 10.3390/en15145221 EDN: YFWIUI

References

1. Aganbegyan A. G. (2022) Rossiya: ot stagnatsii k ustoychivomu sotsial'no-ekonomicheskomu rostu [Russia: From Stagnation to Sustainable Socio-Economic Growth]. *Scientific Works of the Free Economic Society*, 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-ot-stagnatsii-k-ustoychivomu-sotsialno-ekonomicheskomu-rostu> (Access date: 02.02.2026).

2. Andryushin S. A. (2023) Denezhno-kreditnaya politika Banka Rossii v 2022–2026 gg.: sistemnye riski, antikrizisnye mery i mekhanizmy razvitiya [Monetary Policy of the Bank of Russia in 2022-2026: Systemic Risks, Anti-Crisis Measures and Development Mechanisms]. *Banking*, 9. URL: <https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/9238> (Access date: 02.02.2026).

3. Akhupkin N. Y. (2023) Rossiyskaya ekonomika v usloviyakh sanktsionnykh ogranicheniy: dinamika i strukturnye izmeneniya [The Russian Economy under Sanctions: Dynamics and Structural Changes]. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-ekonomika-v-usloviyah-sanktsionnyh-ogranicheniy-dinamika-i-strukturnye-izmeneniya> (Access date: 02.02.2026).

4. Babkin A. V., Kirilchuk S. P., Nalivaichenko E. V. (2024) Paradoks ekonomiki potrebleniya kak istochnika finansirovaniya investitsiy razvitiya Industrii 4.0/5.0 [The Paradox of the Consumption Economy as a Source of Financing Development Investments of Industry 4.0/5.0]. *π-Economy*, 2 (17), pp. 100-130. DOI: 10.18721/J E.17206.

5. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomika [Noonomy]*. Moscow-Saint-Petersburg-London: Kul'turnaya revolyutsiya. 432 p.

6. Glazyev S. Y. (2023) Perspektivy razvitiya Rossii na dlinoy volne rosta novogo tekhnologicheskogo uklada [Prospects for Russia's Development on the Long Wave of Growth of the New Technological Order]. *Economic Revival of Russia*, 2 (76), pp. 27-32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.

7. Glukhov V. V., Babkin A. V., Shkarupeta E. V. (2025) Kontseptual'nyy freymvork dlya otsenki i upravleniya intellektual'noy zrelost'yu promyshlennykh ekosistem [A Conceptual Framework for

Assessing and Managing the Intellectual Maturity of Industrial Ecosystems]. *Journal of New Economy*, 3 (26), pp. 105-123. DOI: 10.29141/2658-5081-2025-26-3-6.

8. Ershov M. V. (2022) Rossiyskaya ekonomika v usloviyakh novykh sanktsionnykh vyzovov [The Russian Economy in the Face of New Sanction Challenges]. *Problems in Economy*, 12, pp. 5-23.

9. Kleyner G. B. (2018) Promyshlennye ekosistemy: vzglyad v budushchee [Industrial Ecosystems: A Look into the Future]. *Economic Revival of Russia*, 2, pp. 53-62.

10. Mau V. A. (2022) Ekonomicheskaya politika v usloviyakh pandemii: opyt 2021—2022 gg. [Economic Policy during the Pandemic: The Experience of 2021-2022]. *Problems in Economy*, 3, pp. 5-28. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-3-5-28.

11. Siluanov A. (2024) Rol' byudzhетной политики v obespechenii finansovogo i tekhnologicheskogo suvereniteta strany [The Role of Budget Policy in Ensuring the Financial and Technological Sovereignty of the Country]. *Economic Policy*, 5 (19), pp. 6-29. DOI 10.18288/1994-5124-2024-5-6-29.

12. Golovnin M. Y., Lenchuk E. B. (Eds.) (2023) Ekonomika Rossii v usloviyakh novykh vyzovov: ot adaptatsii k razvitiyu: Doklad [The Russian Economy under New Challenges: From Adaptation to Development: Report]. Moscow: Institute of Economics, RAS. 132 p.

13. Akindinova N. V. (Ed.) (2023) Ekonomika Rossii pod sanktsiyami: ot adaptatsii k ustoychivomu rostu: dokl. k XXIV Yasinskoy (Aprel'skoy) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [Russian Economy Under Sanctions: From Adaptation to Sustainable Growth: Report for the 24th Yassinsky (April) International Scientific Conference on Economic and Social Development]. Moscow: HSE Publ. 63 p.

14. Inshakova E. I., Inshakova A. O., Kachalov R. M. (2020) Russian and Eurasian Technology Platforms: Progress and Challenges in Accelerating the Neo-industrialization Processes. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 110, pp. 31-40. DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_4.

15. Kirilchuk S. P., Nalivaichenko E. V., Kaminskaya A. O., Dementiev M. Y. (2023) Economic Assessment of Regional Investment Activities. *Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East (AFE-2022) AFE 2023. Lecture Notes in Networks and Systems*, pp. 706-715. DOI: 10.1007/978-3-031-36960-5_80.

16. Shkarupeta E., Babkin A. (2024) Eco-Innovative Development of Industrial Ecosystems Based on the Quintuple Helix. *International Journal of Innovation Studies*, 3 (8), p. 273-286. DOI 10.1016/j.ijis.2024.04.002.

17. Zizic M. C., Mladineo M., Gjeldum N., Celent L. (2022) From Industry 4.0 towards Industry 5.0: A Review and Analysis of Paradigm Shift for the People, Organization and Technology. *Energies*, 15 (14), 5221. DOI: 10.3390/en15145221.

A. V. Babkin¹⁵, S. P. Kirilchuk¹⁶, E. V. Nalivaychenko¹⁷. The Paradigm of Industrial Ecosystems Sustainability in the New Reality. The authors analyze the mechanisms for ensuring the sustainability of industrial ecosystems in the Russian Federation during the period of large-scale economic and technological sanctions in 2022–2025. Based on a retrospective review of the crises of 2008 and 2014–2015, the inherited systemic vulnerabilities of the domestic industry are revealed: dependence on raw materials, technological dependence on imports, and weakness in long-term financing. The research focuses on a qualitatively new sanctions reality characterized by shocks: logistical gaps, restrictions on access to critical technologies and financial markets. The authors systematize adaptation strategies of enterprises, including active import substitution, relocation of supply chains, accelerated digitalization and reorientation to the markets of friendly countries. Special attention is paid to the evolution of institutional support from the state: from targeted anti-crisis measures to formation of a comprehensive system, including concessional financing, special investment contracts (SPIC 2.0), fiscal incentive measures and the development of feedback mechanisms (establishing a direct exchange line for business entrepreneurs, appointing a business ombudsman). Based on data from Rosstat, the Bank of Russia, and industry associations for 2020–2025, trends illustrating the dynamics of industrial production, investment, and structural shifts are presented, and long-term trends are analyzed, including an empirical assessment of the transition from digitalization to technological sovereignty. The authors make conclusions about the definition and development of a new paradigm of sustainability based on the sovereignty of critical industries, flexibility of business models and in-depth cooperation between the state and industrial business in the face of prolonged sanctions pressure.

Keywords: industrial ecosystems, economic sanctions, sustainable development, import substitution, adaptation strategies, institutional support, technological sovereignty, supply chains.

¹⁵ *Aleksandr V. Babkin*, Professor of the Higher School of Engineering and Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Politechnicheskaya ul., St. Petersburg, 190000, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: al-vas@mail.ru

¹⁶ *Svetlana P. Kirilchuk*, Head of the Department of Enterprise Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Akademika Vernadskogo pr., Simferopol, 297007, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: skir12@yandex.ru

¹⁷ *Ekaterina V. Nalivaychenko*, Professor of the Department of Enterprise Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Akademika Vernadskogo pr., Simferopol, 297007, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: katnaliv@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-65-81

Е. А. Ткаченко¹, Е. Е. Ларионов²

**ТЕХНОЛОГИИ ШЕСТОГО УКЛАДА И БУДУЩЕЕ ТРУДА:
МАРКСИСТСКИЙ АНАЛИЗ РИСКОВ ДЕПРОЛЕТАРИЗАЦИИ
И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ РОСТА БЛАГОСОСТОЯНИЯ
В УСЛОВИЯХ РОБОТИЗАЦИИ**

Шестой технологический уклад (ШТУ) кардинальным образом изменит ключевые сферы социально-экономической жизни общества – на смену человеческому труду со всеми вытекающими рисками будет осуществляться переход к частичному, а затем и полному автоматизированному производству. В таком ключе ШТУ будет являться ключевым фактором фундаментальной трансформации рынка труда. Необходимость оценить все связанные с этим риски и возможности встаёт наиболее остро: будущие социально-экономические сдвиги и их последствия будут напрямую ставить вопрос о действиях по их преодолению, которые, в свою очередь, будут зависеть от заранее спрогнозированных сценариев развития социально-экономической ситуации в стране и мире. Наиболее важным вопросом будет являться вопрос о принадлежности, возросшей в результате технологического прогресса, богатстве – будет ли новая технологическая ступень в развитии производительных сил новым инструментом еще большей эксплуатации трудящихся, или же она будет кардинальным образом менять социально-экономические связи во благо большинства? В статье проанализированы риски социально-экономической трансформации с позиций марксистской диалектики и дана оценка роли креативных индустрий в адаптации рынка труда к реалиям ШТУ. Методология исследования: диалектический метод, методы структурного и сравнительного анализа, опора на теоретический аппарат марксистской политэкономии и теории ноономики.

Ключевые слова: шестой технологический уклад, рост производительности труда, роботизация, креативные индустрии, промышленность, безработица, прекариат, социально-экономические отношения.

УДК 330.352

1. Введение

Ключевым противоречием современного этапа развития развитых стран является противоречие между техническим прогрессом, высвобождающим человека из процесса

¹ Елена Анатольевна Ткаченко, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, (191023, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова 30-31), д.э.н., профессор, email: eletkachenko@ya.ru

² Евгений Евгеньевич Ларионов, аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, (191023, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова 30-31), email: larionov.eugene@gmail.com

производства, и капиталистическими производственными отношениями, требующими от большинства трудящихся продажи рабочей силы для выживания. а также в рамках которых не ставится вопрос о всеобщей трудовой занятости ради реализации потребности человека во всеобъемлющем творческом развитии, а также в созидательном труде.

Начало 20-х годов XXI века ознаменовано стремительным становлением Шестого технологического уклада (ШТУ) во всех сферах жизни общества, ядро которого составляют искусственный интеллект, роботизация, интернет вещей, а также био- и нанотехнологии. Данный переход носит не просто эволюционный, а революционный характер, кардинально трансформируя основы социально-экономического устройства глобального общества. Ключевым полем этой трансформации становится рынок труда, где на смену человеческому труду в рутинных и алгоритмизируемых сферах приходит частичное, а в перспективе – и полное автоматизированное производство. Данный процесс несёт в себе не только беспрецедентные возможности роста эффективности, но и системные риски, связанные с массовым вытеснением работников, обострением социального неравенства и пересмотром самой природы труда.

В этой связи наиболее остро встаёт вопрос о необходимости заблаговременной оценки последствий данной фундаментальной трансформации и поиска адаптационных моделей. В данном контексте особая роль отводится креативному кластеру экономики, основанному на интеллектуальной и творческой деятельности, уникальных навыках и эмоциональном интеллекте. Данный сектор, включающий в себя науку, искусство, дизайн, медиа, IT-сферу и другие креативные индустрии, рассматривается как один из ключевых механизмов смягчения социальных рисков ШТУ. Он потенциально способен стать новой точкой приложения сил для работников, вытесняемых из традиционных отраслей, трансформируя угрозу безработицы в возможность перераспределения человеческого капитала в сферу создания уникальных ценностей и смыслов.

Таким образом, будущие социально-экономические сдвиги потребуют выверенных действий по их регулированию, которые должны основываться на точных прогнозах и сценариях развития.

Центральным же вопросом, определяющим вектор этого развития, является вопрос распределения богатства, создаваемого передовой мыслью науки – технологическим прогрессом, а также условия доступа к возможностям, предоставляемым новым укладом.

Станет ли новая технологическая ступень в развитии производительных сил общества инструментом дальнейшей концентрации капитала и эксплуатации, или же она послужит основой для построения более справедливых социально-экономических отношений, где креативная экономика выступит драйвером инклюзивного роста в интересах большинства?

Целью данной статьи является анализ существующих рисков и возможностей, а также моделирование потенциальных сценариев развития ситуации с акцентом на роль креативных индустрий в преодолении вызовов автоматизации в рамках адаптационного этапа становления – технологического уклада.

2. Состояние разработанности исследуемой проблемы

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что проблематика трансформации рынка труда под влиянием технологических сдвигов является предметом активных междисциплинарных исследований. Теоретической и методологической основой для понимания данных процессов служит теория технологических укладов (парадигм), разработанная Карлоттой Перес, основанная на изучении идей Й. Шумпетера и Н.Д. Кондратьева, и получившая свое развитие в трудах С.Ю. Глазьева и Д. С. Львова, которая идентифицирует и описывает долгосрочные циклические закономерности экономического развития, связанные с обновлением технологической базы общества [1].

Основные положения данной теории сводятся к доказанной цикличности развития глобальной социально-экономической системы, вызванной сменой технологических укладов. Как указывала К. Перес [2], каждые 50-60 лет происходят крупные технологические перемены (парадигматические сдвиги) как результат технологической революции, которые радикально меняют экономический и социальный порядок. Для каждого сдвига характерны два этапа адаптации: период установки («*installation period*»), когда внедряются новые технологии, создающие инфраструктуру и новые модели бизнеса, и период развертывания («*deployment period*»), когда рыночные структуры и государственные регуляторы адаптируются к новым технологиям.

В контексте данной теории Шестой технологический уклад рассматривается как качественный скачок вперёд, ведущий к смене технико-экономической парадигмы.

Проблема автоматизации труда и её социально-экономических последствий глубоко исследуется в западной научной традиции. Неошумпетерианцы выражали свои опасения относительно изменения рынка труда под воздействием новых технологий. В частности, Кристофер Фриман и Люк Соете еще в 1994 году поставил вопрос о взаимосвязи роботизации и рисков массовой безработицы [3], фундаментальный вклад в понимание рисков массовой технологической безработицы внесли такие авторы, как Эрик Бриньюльфсон и Эндрю Макафри («Второй век машин»), которые аргументируют тезис о том, что современный технологический процесс, в отличие от предыдущих волн, приводит не к созданию новых видов труда в равном объёме, а к их чистому сокращению [4].

Критическая теория цифрового труда и классов, разработанная Кристианом Фуком, вносит существенный вклад в понимание социальной стратификации в условиях цифровой экономики. Опираясь на марксистскую традицию, Фукс анализирует, как платформенный капитализм и автоматизация способствуют формированию нового «прекариата» – широкого социального слоя, характеризующегося нестабильной, временной занятостью, отсутствием социальных гарантий и отчуждением от результатов труда, который всё в большей степени опосредуется цифровыми платформами. Фукс аргументирует, что цифровая эксплуатация не отменяет эксплуатацию, а трансформирует её, создавая новые формы неустойчивости и зависимости работников [5, 6].

Непосредственно проблема распределения богатства, генерируемого технологиями, является центральной для современных дискуссий о безусловном базовом доходе (ББД). Первые работы в этой области, такие как исследования Филиппа Ван Парайса и Янника Вандерборхта [7] доказывают, что ББД может стать институциональным механизмом,

позволяющим справедливо распределять ренту от использования роботов и алгоритмов, которые являются продуктом коллективного интеллектуального труда общества.

Теория ноономики, разработанная профессором С. Д. Бодруновым, подчеркивает важность знаний и технологий в современной экономике. По С.Д. Бодрунову [8,9], развитие новых технологий ведет к изменению структуры экономики и роли человеческого труда. Ключевыми положениями теории являются: рост знаниеемкости производства; увеличение доли знаний в производстве товаров и услуг; автоматизация и роботизация; замещение ручного труда машинами и алгоритмами, диффузия собственности; распространение владения ресурсами среди широких слоев населения; прогресс отношений солидарности: формирование новых форм социальной организации и взаимодействия. Теория ноономики Бодрунова представляет собой важный вклад в понимание современного экономического развития. Ее ключевые положения позволяют объяснить процессы, происходящие в рамках перехода к шестому технологическому укладу, включая изменение структуры занятости, повышение значимости знаний и технологий, а также формирование новых социальных отношений. Особая роль в теории ноономики отводится формированию человека творческого и методам реализации креативного потенциала человека, который лежит в основе адаптации к новым социально-экономическим реалиям.

Что касается роли креативного кластера экономики как буфера против технологической безработицы, то данное направление является относительно новым, но быстро развивающимся. Современные исследования фокусируются не только на экономическом потенциале креативных индустрий, но и на их способности трансформировать социальные отношения в условиях технологических изменений.

3. Марксистская диалектика технологического перехода

Проанализируем ключевые противоречия процесса адаптации к ШТУ.

Противоречия развития производительных сил

В будущем, в процессе перехода на шестой технологический уклад в экономике и промышленности, неизбежны и объективны изменения общественных отношений.

Этот процесс имеет диалектическую основу, выражающуюся в нескольких ключевых противоречиях:

1. Противоречие между технологическим прогрессом и отчуждением труда:

Тезис: Цифровизация и автоматизация производства высвобождают человека из рутинных операций, потенциально увеличивая творческую составляющую труда (креативные индустрии, когнитивный труд).

Антитезис: одновременно с этим усиливается отчуждение – работник теряет контроль над процессом производства, так как основными объектами, принимающими решения, становятся алгоритмы и ИИ. Труд как таковой дробится на микро-задачи, например, в рамках платформенной занятости, что в конечном счете приведет к деградации квалификации работников.

Синтез: формируется новый класс «цифрового пролетариата», чьи требования по доступу к данным и контролем за алгоритмами (исследования К. Фукса) становятся основой для классовой борьбы.

2. Противоречие концентрации капитала и децентрализации производства:

Тезис: Технологии шестого уклада позволяют низовым формам объединения, малым предприятиям и крафтовым производствам, конкурировать с корпорациями (например, широкое распространение и использования аддитивных технологий – 3D-печать, в качестве низового финансирования – краудфандинг).

Антитезис: Ключевые интеллектуальные ресурсы (данные, патенты) контролируются олигополиями (например, Google, Meta и т.д.), что воспроизводит империалистическую модель (по В.И. Ленину).

Синтез: возникают гибридные формы организации, такие как корпоративные платформы, open-source, бросающие вызов корпорациям.

3. Противоречие между ростом эффективности и кризисом занятости:

Тезис: Роботизация повышает эффективность производства, снижая себестоимость товаров.

Антитезис: Массовая безработица (особенно в индустриальных секторах) ведёт к обнищанию населения и социальной нестабильности.

Синтез: Требование от государства и бизнеса безусловного базового дохода в качестве временной меры в рамках переходного этапа, разработка и проведение программы переквалификации кадров на принципах общедоступности и массовости, и последующий переход к «экономике знаний», где труд перераспределяется в креативные и научные сферы.

Исходя из вышеописанных противоречий, частично происходящих уже сейчас в отдельных странах (такой же этап неизбежно ждет и нашу страну в будущем) складывается следующая тенденция в сфере занятости: трудоспособное население будет постепенно вытесняться из традиционных отраслей промышленности более высокопроизводительными машинами, в следствие чего существует перспектива дальнейшей социально-экономической напряженности – высвобождение тысяч работников из их привычных условий труда и отраслей в условиях рыночной экономики будет ставить их в уязвимое положение – широкие массы населения, без системных мер по созданию новых рабочих мест, массовой и общедоступной переквалификации, в перспективе могут столкнуться с тотальной безработицей со всеми вытекающими из неё негативными последствиями.

Одновременно с этим, благодаря цифровизации сфер общественной жизни, современные масс-медиа и цифровые платформы (Telegram, VK, Rutube) позволяют широким массам населения активнее участвовать в общественной жизни: способствуют формам самоорганизации на местах, позволяя объединяться по трудовому, хозяйственному, идейному, профессиональному и т.д. признаку, делиться информацией, высказывать свою собственную позицию для формирования общей коллективной позиции.

Классовая структура в условиях цифровой экономики

Переход к шестому технологическому укладу трансформирует традиционную классовую структуру капиталистического общества, воспроизводя при этом его фунда-

ментальные антагонизмы. В цифровой экономике формируются новые классовые группы, анализ которых требует применения марксистской методологии.

4. «Цифровой пролетариат» как новый эксплуатируемый класс

По концепции Кристиана Фукса [6], сущность явления заключается в следующих положениях:

К цифровому пролетариату относятся работники платформенной экономики, такие, как фрилансеры, курьеры, таксисты, модераторы контента и т.д., свободные лишь формально, а на самом деле подчиненные алгоритмам цифровых платформ. Их труд характеризуется полной зависимостью от платформ-посредников (Uber, Яндекс.Такси, Яндекс.Еда, Urwork и т.д.) а также полным отсутствием контроля над средствами производства (алгоритмы дистрибуции заказов), прекарризацией – отсутствием каких-либо социальных гарантий, а также нестабильным доходом.

Механизм их эксплуатации заключается в присвоении платформами заработанной ими прибавочной стоимости через комиссионные отчисления (20-30% стоимости заказа), монополию на данные со стороны платформ (контроль над рейтинговыми системами); а также алгоритмическое управление (скрытый тайминг и нормирование труда). Например, водители такси, чей заработок определяется не только их трудовыми усилиями, но и параметрами алгоритмами «подскакивающего» тарифа. Также в качестве примера можно рассмотреть деятельность контент-модераторов социальных сетей, выполняющих психологически тяжелый труд за минимальную плату.

Парадокс «интеллектуальной буржуазии»

Кристиан Фукс в работе «Digital Labour and Karl Marx» (2013) развивает классическую марксистскую теорию применительно к условиям цифрового капитализма, вводя понятие «интеллектуальной буржуазии» как нового парадоксального класса. [6] Классовая характеристика этой социальной группы выражается в особенностях их трудовой занятости, а также в их трудовых отношениях с представителями других классов (по вертикальной иерархии вверх и вниз): высокооплачиваемые менеджеры корпораций (продукт-менеджеры, IT-архитекторы и т.д.) занимают промежуточное положение в трудовой иерархии: не владеют средствами производства – активами корпораций, но при этом осуществляют реальный контроль за процессами производства. Диалектика их положения в нынешней экономической модели заключается в следующем: с одной стороны, они получают высокие зарплаты, а также занимают руководящие посты, имея влияние на трудовые процессы, а также выполняют функцию «надсмотрщиков» над цифровым пролетариатом. С другой - они остаются наёмными работниками, подверженными увольнению. Интеллектуальная буржуазия в этом смысле сравнима с цеховыми мастерами начала прошлого века, которые не являлись собственниками мануфактур, но осуществляли непосредственный контроль над рабочими.

Креативный прекариат как потенциально революционный класс

Социальный состав креативного прекариата составляют работники тех секторов экономики, к которым применим термин «креативные индустрии»: это дизайнеры,

программисты, ремесленники различной направленности и т.д. Характеризуется, как правило, этот класс высокой квалификацией, нестабильной занятостью и зависимостью от платформ, таких как Behance, Etsy, GitHub и т.д. Также работникам данных сфер необходимо напрямую общаться с аудиторией, заказчиками и коллегами, поэтому они непосредственно зависимы и от широко используемых социальных сетей, от алгоритмов продвигаемой рекламы и проводимой администрацией этих ресурсов политики в целом.

Революционный потенциал такого формирующегося класса рабочих заключается в следующих объективных предпосылках: это концентрация на «точках прорыва» экономики, владение критически важными компетенциями (например, коддинг, дизайн, ремесленные навыки, способные воспроизводить товары, необходимые для населения), а также опыт горизонтальной кооперации (open-source сообщества, трудовые коллективы, профсоюзы ремесленников).

Отличительные особенности кретаивного прекариата от классического пролетариата XIX века можно наглядно рассмотреть в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ промышленного пролетариата XIX вв. и прекариата XXI вв. (разработано Ларионовым Е.Е.)

Параметр	Промышленный пролетариат XIX века	Креативный прекариат XXI века
Место производства	Фабрики	Цифровые платформы, локальные «домашние» производства, мастерские
Основное орудие труда	Станок	Компьютер, более высокопроизводительные станки, работающие на принципах цифровой автономии, не требующие постоянного нахождения трудящегося непосредственно в процессе производства (3D-принтеры, станки ЧПУ и т.д.)
Форма эксплуатации	Прямая	Алгоритмизированная
Связь с профессиональным сообществом	Только в рамках одной фабрики, мануфактуры	высоко интегрированные платформы, возможность взаимодействия с коллегами между различными частями страны, и даже планеты.
Организационная форма	Профсоюзы	Профсоюзы, гитхаб сообщества
Доступ к знаниям	Практически отсутствовал	Наличие бесплатных роликов, интернет-литературы, специализированных сообществ с коллективной помощью в профессиональных вопросах

Исходя из этого можно предположить, что:

1. Цифровая экономика в условиях рыночной системы хозяйствования воспроизводит классическое противоречие между трудом и капиталом в новых формах. Но она

также и создаёт технологические фундаментальные предпосылки для перехода к новым типам социально-экономического устройства.

2. Креативный прекариат обладает уникальным революционным потенциалом благодаря ключевой позиции в производственном процессе и высокой способности к самоорганизации. Однако для реализации этого потенциала необходимы определённые условия, в том числе преодоление укоренившегося в настоящее время индивидуализма, как наследия господствующего неолиберализма, а также создания новых форм коллективной борьбы, например, цифровые, творческие профсоюзы и т.д.

5. Динамика изменения уровня роботизации экономики в зарубежных странах и в России

Китай по данным Международной федерации робототехники (IFR) по оценочным данным на 2025 год стал абсолютным лидером по темпам роботизации производственных и логистических процессов по числу установленных промышленных роботов в расчете на 10000 занятых. Одновременно с быстрыми темпами роботизации наблюдается сокращение числа занятых в экономике КНР. (Рис.1, Рис. 2)

Рис.1. Число роботов на предприятиях КНР по данным Международной федерации робототехники

Источник: https://ifr.org/downloads/press_docs/2025-09-25-IFR_press_release_China_in_English.pdf

Роботизация в российской промышленности находится в начальной стадии, а её основная цель – не сокращение штата, а компенсация дефицита квалифицированных кадров, повышение точности, безопасности и объёма выпуска.

В соответствии с Указом Президента России, к 2030 году страна должна войти в топ-25 стран мира по показателю плотности роботизации. Для достижения этой цели, по расчётам Минпромторга, промышленным предприятиям необходимо использовать не менее 94 тыс. промышленных роботов к концу десятилетия. [10]

Ключевую роль в формировании спроса на робототехнику играет машиностроительный комплекс, потенциал роботизации которого в России раскрыт не полностью.

Для его реализации необходимы комплексные меры государственной поддержки, учитывающие потребности пользователей и стратегические задачи развития обрабатывающих производств.

Рис. 2. Численность занятых в экономике КНР по данным Ministry of Human Resources and Social Security, China³

Источник: Ministry of Human Resources and Social Security, China, https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202502/t20250228_1958822.html

Одним из таких инструментов стал стартовавший в 2025 г. национальный проект «Средства производства и автоматизации» по развитию станкоинструментальной промышленности и робототехники. В его рамках планируется создание к 2026 г. трёх центров компетенций по промышленной робототехнике, представляющих услуги по разработке и внедрению решений, а также запуск программ льготного лизинга и кредитования для приобретения оборудования. [11]

В целом, по оценкам специалистов ВШЭ [12], с которыми мы склонны согласиться, темпы роста уровня автоматизации и роботизации в России будут находиться в рамках основного глобального тренда.

Глобальный тренд на роботизацию

Тенденция массового вытеснения начинает проявляться в странах с исключительно высокой плотностью роботизации (как в Южной Корее и Сингапуре) где уровень автоматизации приближается к так называемому «заводу-призраку» (lights-out factory). Это пример полностью автоматизированного производственного объекта, где машины и роботы выполняют все задачи без участия человека, позволяя предприятию работать с минимальным или полным отсутствием человеческого присутствия на объекте.

Примерами таких заводов могут служить заводы компании Hyundai и Samsung в Южной Корее, уже много лет являющейся мировым лидером по плотности роботов в промышленности (более 1000 роботов на 10 тысяч работников).

В Китае полностью роботизированные заводы являются способом не только повышения эффективности производства, но и компенсации стареющего населения и роста

³ наблюдается расхождение с данными Всемирного банка и Международной Организации Труда. По данным МОТ численность занятых в экономике имеет стабильные характеристики с минимальной динамикой

стоимости труда. Примером таких производств могут послужить «заводы-призраки» компании Midea, поглотившей одного из немецких производителей промышленных роботов KUKA – на некоторых предприятиях автоматизировано до 100% ключевых процессов: штамповка, сварка, покраска, финальная сборка. [13] Роботы-AGV (автоматические тележки) самостоятельно перемещают детали между цехами. Задача людей – мониторинг показателей через централизованную систему управления и решение нестандартных ситуаций.

Также в качестве примера характерен и Демонстрационный завод интеллектуального производства «Гаолань» (Gaolan smart manufacturing demonstration factory) компании Gree Electric Appliances, Inc. из Чжухай, который является крупнейшим в мире автономным заводом, изначально построенным под технологию 5.5G. [14] Он расположен на берегу порта Гаолань, вдали от центра города Чжухай. Годовой объём производства сплит-систем кондиционирования воздуха превышает 12 миллионов единиц, при этом производственная эффективность повышена на 86% по сравнению с традиционным заводом, а на месте работают всего несколько сотрудников, отвечающих за технического обслуживание оборудования, контроль качества и инспекцию. [14] На территории завода нет наземной логистики, транспортные линии просты и понятны. Директивы по гибкому производству поступают непосредственно на рабочие станции, что позволяет быстрее реагировать на изменения рынка.

Наиболее интересен пример Японии – родины философии «бережливого производства», где роботы являются её неотъемлемой частью. Компания Fanuc – мировой лидер в области промышленной автоматизации, производящая системы числового программного обеспечения (ЧПУ) для станков и промышленных роботов, а также другое автоматизированное оборудование. Имеет заводы, где роботы производят других роботов [15]. Это демонстрация высшей степени автоматизации. Процессы длятся по 24 часа в сутки при минимальном освещении (отсюда и термин «lights-out»), так как участие человека в цикле производства сведено к нескольким десяткам человек на огромные площади [16].

6. Креативные индустрии как способ адаптации общества к шестому технологическому укладу

Переход к шестому технологическому укладу сопровождается фундаментальными изменениями на рынке труда: автоматизация и внедрение искусственного интеллекта вытесняют человека из рутинных и алгоритмизируемых сфер деятельности. В этом контексте креативные индустрии приобретают ключевое значение как адаптационный механизм, способный смягчить социальные риски и предложить новые модели занятости. Однако их роль неоднозначна: с одной стороны, они создают возможности для реализации уникальных человеческих компетенций, с другой – могут воспроизводить прекарные формы труда.

Креативные индустрии как сфера-реципиент вытесняемых трудовых ресурсов
Креативный сектор экономики, включающий в себя такие области, как дизайн, архитектура, медиа, искусство, разработка программного обеспечения, научные исследова-

дования и образование, основан на компетенциях, которые остаются малодоступными для автоматизации: креативность эмоциональный интеллект, нестандартное мышление и эмпатия. В условиях ШТУ именно эти навыки становятся основным конкурентным преимуществом человека перед машиной. [17]

Эмпирические данные подтверждают устойчивый рост креативного сектора в ВВП развитых и развивающихся стран. [18] Так, согласно приведённым данным в ООН во Всемирный день творчества, на культуру и творчество приходится 3,1% глобального ВВП и 6,2% всех рабочих мест. Экспорт культурных товаров и услуг удвоился в стоимости по сравнению с 2005 годом и в 2019 году составил 389 миллиардов долларов [19].

Согласно отчётом UNCTAD (UN Trade and Development – Конференция Организации Объединённых Наций по торговле и развитию), объём мирового рынка креативных товаров и услуг ежегодно увеличивается на 7-10%, что значительно опережает темпы роста традиционных отраслей. Это позволяет рассматривать креативные индустрии как «естественный резервуар» для трудовых ресурсов, вытесняемых из промышленности, логистики, административной сферы и т.д.

Важно отметить, что креативный сектор не только поглощает кадры, но и трансформирует их. Он требует непрерывного обучения и развития т.н. «мягких навыков» (soft skills) что способствует формированию работника нового типа – гибкого, адаптивного, а также способного к междисциплинарному взаимодействию.

Социальные риски: прекаризация труда в креативном секторе

Несмотря на позитивный потенциал, креативные индустрии не свободны от проблем, связанных с нестабильностью занятости. Как справедливо отмечает Кристиан Фукс, платформенная экономика и проектный характер работы в творческих сферах способствуют формированию прекариата – класса работников, лишённых долгосрочных контрактов, социальных гарантий и устойчивых доходов. Многие специалисты креативных индустрий работают на фриланс-основе, сталкиваясь с непредсказуемостью заказов и доходов, отсутствием пенсионных и медицинских страховок, а также с высокой конкуренцией и давлением на стоимость своих услуг.

Таким образом, креативный сектор может не только смягчать последствия автоматизации, но и воспроизводить новые формы социального неравенства. Это требует разработки институциональных механизмов защиты труда – например, адаптации социального обеспечения к реалиям проектной занятости.

Институциональные условия для реализации потенциала креативных индустрий

В настоящее время в России разработан проект Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации»

Основная цель Стратегии – создание в стране глобально конкурентоспособной, устойчивой и технологически развитой экосистемы креативной экономики. Некоторые ключевые цели:

- создание эффективной системы регулирования и поддержки креативной экономики;

- создание и развитие креативных предпринимателей и проектов;
- развитие инфраструктуры для креативной экономики;
- стимулирование внутреннего и внешнего спроса на российскую креативную продукцию, увеличение культурного влияния России в мире;
- развитие человеческого капитала и системы образования;
- формирование сбалансированной региональной экосистемы креативных индустрий;
- создание гибкой нормативно-правовой базы, обеспечивающей устойчивое развитие креативной экономики и её интеграцию в мировую экономику;
- укрепление институтов защиты и коммерциализации интеллектуальной собственности;
- обеспечение положительного социально-экономического воздействия креативной экономики на качество жизни и развитие регионов [20].

Реализация указанных целей напрямую зависит от формирования эффективного механизма поддержки и развития креативных индустрий, что предполагает развитие соответствующих институтов, поскольку для того, чтобы креативный сектор мог полноценно выполнять адаптационную функцию, необходимо создание благоприятных институциональных условий:

1. Образовательная политика: переориентация системы образования на развитие креативных и цифровых компетенций, внедрение междисциплинарных программ, поддержка обучения на протяжении всей жизни (lifelong-learning), что имеет особую роль в условиях быстрого устаревания знаний, автоматизации и массовой смены деятельности

2. Поддержка малого и среднего бизнеса: создание кластеров, технопарков, бизнес-инкубаторов, ориентированных на креативные стартапы.

3. Налоговые и правовые стимулы: введение налоговых льгот для компаний креативного сектора, развитие авторского права и механизмов защиты интеллектуальной собственности.

4. Социальная защита: разработка гибких систем социального страхования для работников творческих профессий.

Комплексная работа по формированию механизма реализации стратегии в том числе предполагает взаимоувязку данной стратегии по целям, срокам, КРІ и ресурсам с другими документами стратегического характера.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов относительно диалектики шестого технологического уклада (ШТУ), трансформации рынка труда и будущего социально-экономических отношений:

1. Технологический прогресс обнажает и обостряет системные противоречия капитализма. Роботизация и внедрение ИИ, объективно повышая производительность труда до беспрецедентного уровня, вступают в непримиримое противоречие с капиталистическими отношениями присвоения. Рост общественного богатства, создаваемого машинами, не отменяет эксплуатацию, а трансформирует её, порождая новые формы

отчуждения и прекаризации, что ярко демонстрирует формирование «цифрового пролетариата» (К. Фукс) [10]. Вопрос о принадлежности богатства, генерируемого технологиями, становится центральным пунктом классового конфликта XXI века.

2. Российская специфика роботизации носит двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, данные подтверждают, что Россия не находится на пороге немедленного массового вытеснения работников роботами. В настоящий момент уровень роботизации остаётся относительно низким, а её внедрение часто диктуется необходимостью компенсации дефицита кадров и повышения конкурентоспособности, а не прямым сокращением издержек на труд. С другой стороны, декларируемые государством амбициозные цели по наращиванию парка промышленных роботов к 2030 году указывают на неизбежное усугубление выявленных марксистским анализом тенденций в средне- и долгосрочной перспективе.

3. Креативные индустрии обладают двойственной природой. С одной стороны, они объективно являются наиболее вероятным реципиентом трудовых ресурсов, вытесняемым из традиционных отраслей промышленности, поскольку основываются на компетенциях, наименее поддающихся автоматизации. Они представляют собой зарождающуюся материальную базу для потенциального перехода к обществу, основанному на свободном творческом труде. С другой стороны, в условиях господства капиталистических отношений этот сектор воспроизводит прекарные формы занятости, алгоритмическую эксплуатацию и социальную незащищённость, формируя «креативный прекариат». Таким образом, креативный сектор не является автоматическим «спасителем» от безработицы; его полноценная позитивная роль возможна лишь при коренном изменении способа распределения создаваемых им благ.

4. Разрешение противоречий ШТУ лежит не в технологической, а в социально-политической плоскости. Технический прогресс создаёт материальные предпосылки для преодоления «экономики дефицита» и перехода к обществу изобилия, где необходимость в продаже собственной рабочей силы для выживания отпадёт. Однако реализация этой возможности требует сознательной политической борьбы за коренное изменение модели распределения, выраженной в требовании внедрения механизмов безусловного базового дохода, национализации рентных доходов от автоматизации для справедливого распределения богатства, создаваемого машинами, развитии новых институтов непрерывного образования, гибкой социальной защиты работников проектного труда и поддержки кооперативных форм собственности в креативном секторе. Также основным требованием трудящихся будет установление контроля над данными и алгоритмами, регулирование платформенной экономики в их интересах.

Таким образом, шестой технологический уклад не снимает с повестки дня классический марксистский вопрос о собственности на средства производства, а переносит его в новую плоскость – собственности на данные, алгоритмы и интеллектуальные активы. Будущее труда зависит не от неизбежности технологического прогресса, а от исхода социально-политической борьбы за систему распределения материальных благ, порождаемых этим прогрессом. Технологии открывают путь как к новым формам эксплуатации, так и к освобождению труда. Выбор пути – политический.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. №2 (57). С. 27-52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-teoriya-dlinnyh-voln-v-razviti-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 17.08.2025).
2. Perez, C. (1981) Structural Change and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System, Futures, Vol. 15, pp. 357-375.
3. Freeman, C., Soete, L. (1994) Work for All or Mass Unemployment? Computerized Technical Change into the Twenty-First Century, London-New York, Pinter.
4. Ван Парайс Ф., Я Вандербохт. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики // Экономическая социология. 2020 Т. 21, №1. С. 44-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovyy-dohod-radikalnyy-proekt-dlya-svobodnogo-obschestva-i-zdorovoy-ekonomiki> (дата обращения: 23.08.2025).
5. Фукс К. Цифровой капитализм и классовая борьба // Официальный сайт Росстата. – URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2025).
6. Фукс К. Цифровой труд и Карл Маркс = Digital Labour and Karl Marx / Пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2021. – 432 с.
7. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин: Работа, прогресс и процветание в эпоху технологий / Эрик Бриньолфсон, Эндрю Макафи; пер. с англ. П. В. Миронова – Электрон. дан. – Москва: АСТ, 2017. – URL: <https://ast.ru/book/vtoraya-era-mashin-826325/>
8. Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of new economy. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noonomika-kontseptualnye-osnovy-novoy-paradigmy-razvitiya> (дата обращения: 03.02.2026).
9. Бодрунов, С. Д. Знание, творчество, креативные технологии и знаниеёмкость современной индустрии / С. Д. Бодрунов, А. Фриман, Е. А. Ткаченко, Н. Д. Дмитриев, А. А. Золотарёв // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. IX-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2025. – Т. IX. – С. 381-403.
10. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Утв. Правительством РФ 29.03.2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495719/ (дата обращения: 27.08.2025).
11. Средства производства и автоматизации. Национальные проекты России. – URL: <https://xn--80aарарпемсчфмо7а3с9ehj.xn--plai/new-projects/sredstva-proizvodstva-i-avtomatizatsii/> (дата обращения: 10.09.2025)
12. Димов Г.В., Туровец Ю. В. Оценки уровня и перспектив роботизации промышленности России / Г.В. Димов, Ю.В. Туровец; - М: НИУ ВШЭ, 2024. – URL: <https://issek.hse.ru/news/932892785.html> (дата обращения: 09.09.2025).
13. AI + Zero-carbon: The World’s First Fully AI-Powered Chiller Lighthouse Factory // Midea Group. – URL: <https://mbt.midea.com/global/news/ai-zero-carbon--the-world-s-first-fully-ai-powered-chiller-light> (дата обращения: 29.08.2025).
14. AGV at Midea’s fully-connected factory in Thailand (2) // Huawei. – URL: <https://www.huawei.com/en/media-center/multimedia/photos/midea-thai-agv2> (дата обращения: 12.09.2025).
15. Официальный сайт компании FANUC Corporation: продукты и решения в области промышленной автоматизации и робототехники. URL: <https://www.fanuc.com/product/index.html> (дата обращения: 07.09.2025)

16. U-Joy Cities: The World's Largest 5.5G Native Lights-out Factory // Mobile World Live. – 27.11.2024. – URL: <https://www.mobileworldlive.com/u-joy-cities-the-worlds-largest-5-5g-native-lights-out-factory/> (дата обращения: 12.04.2025).
17. Аузан А.А. Развитие креативной экономики в контексте современных вызовов / Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А. // Журнал Новой Экономической Ассоциации – 2022 – №2 (54). – С. 213-220 – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48667411> (дата обращения: 20.08.2025).
18. Боос В. О., Куценко Е. С., Лебедева С. А. Инвестиции в креативный сектор: устойчивый рост. // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 17.06.2025. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1057633028.html> (дата обращения: 25.08.2025).
19. На культуру и творчество приходится 3,1% глобального ВВП // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/04/1463471> (дата обращения: 27.08.2025).
20. Проект стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации до 2036 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/kreativnaya_ekonomika/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.html (дата обращения 02.02.2026).

References

1. Glazyev S. Y. (2012) *Sovremennaya teoriya dlennykh voln v razviti ekonomiki* [The Modern Theory of Long Waves in Economic Development]. *Economics of Contemporary Russia*, 2 (57), pp. 27-42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-teoriya-dlennykh-voln-v-razviti-ekonomiki/viewer> (Access date: 17.08.2025).
2. Perez C. (1981) Structural Change and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System. *Futures*, 15, pp. 357-375.
3. Freeman C., Soete L. (1994) *Work for All or Mass Unemployment? Computerized Technical Change into the Twenty-First Century*, London-New York, Pinter.
4. Van Parijs P., Vanderborght Y. (2020) *Bazovyy dokhod. Radikal'nyy proyekt dlya svobodnogo obshchestva i zdorovoy ekonomiki* [Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy]. *Journal of Economic Sociology*, 1 (21), pp. 44-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovyy-dohod-radikalnyy-proekt-dlya-svobodnogo-obschestva-i-zdorovoy-ekonomiki> (Access date: 23.08.2025).
5. Fuks K. *Cifrovoy kapitalizm i klassovaya bor'ba [E'lektronny'j resrus]* // Oficial'ny'j sajt Rosstat. – URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/> (Access date: 22.05.2025).
6. Fuchs K. (2021) *Tsifrovoy trud i Karl Marks* [Digital Labour and Karl Marx]. Translation from English by A. Smirnov. Moscow: HSE Publ. 432 p.
7. Brynjolfsson E., McAfee A. (2017) *Vtoraya era mashin: Rabota, progress i protsvetaniye v epokhu tekhnologiy* [The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies]. Translation from English by P. Mironov. Moscow: AST Publ. URL: <https://ast.ru/book/vtoraya-era-mashin-826325/>
8. Bodrunov S. D. (2019) *Noonomika: kontseptual'nyye osnovy novoy paradigmy razvitiya* [Noonomy: Conceptual Foundations of the New Development Paradigm]. *Journal of New Economy*, 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noonomika-kontseptualnye-osnovy-novoy-paradigmy-razvitiya> (Access date: 03.02.2026).
9. Bodrunov S. D. (2025) *Znaniye, tvorchestvo, kreativnyye tekhnologii i znaniyeomkost' sovremennoy industrii* [Knowledge, Creativity, Creative Technologies and Knowledge Intensity of Modern Industry]. In: *The New Industrial Society: Origins, Reality, Future*. Noonomy. Volume 9

(Selected materials from seminars, publications, and events of the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) on the concept of the new industrial society of the second generation and the nooindustrial development of society); S. D. Bodrunov (Ed.). Collection of scientific works. St. Petersburg: S. Y. Witte INID, pp. 381–403.

10. n. a. (n. d.) Yedinyy plan po dostizheniyu natsional'nykh tseley razvitiya Rossiyskoy Federatsii do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda. Utverzhden Pravitelstvom RF 29.03.2024 [Unified Plan for Achieving National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030 and for the Future until 2036. Approved by the Government of the Russian Federation on March 29, 2024]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495719/ (Access date: 27.08.2025).

11. n. a. (n. d.) Sredstva proizvodstva i avtomatizatsii. Natsional'nyye proyekty Rossii [Means of Production and Automation. National Projects of Russia]. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo-7a3c9ehj.xn--plai/new-projects/sredstva-proizvodstva-i-avtomatizatsii/> (Access date: 10.09.2025)

12. Dimov G. V., Turovets Y. V. (2024) Otsenki urovnya i perspektiv robotizatsii promyshlennosti Rossii [Assessment of the Level and Prospects of Robotization of the Russian Industry]. Moscow: NRU HSE. URL: <https://issek.hse.ru/news/932892785.html> (Access date: 09.09.2025).

13. n. a. (2025) AI + Zero-carbon: The World's First Fully AI-Powered Chiller Lighthouse Factory. Midea Group. URL: <https://mbt.midea.com/global/news/ai-zero-carbon--the-world-s-first-fully-ai-powered-chiller-light> (Access date: 29.08.2025).

14. n. a. (2024) AGV at Midea's Fully-Connected Factory in Thailand (2). Huawei. URL: <https://www.huawei.com/en/media-center/multimedia/photos/midea-thai-agv2> (Access date: 12.09.2025).

15. n. a. (n. d.) Ofitsial'nyy sayt kompanii FANUC Corporation: produkty i resheniya v oblasti promyshlennoy avtomatizatsii i robototekhniki [Official website of FANUC Corporation: products and solutions in the field of industrial automation and robotics]. URL: <https://www.fanuc.com/product/index.html> (Access date: 07.09.2025)

16. n. a. (2024) U-Joy Cities: The World's Largest 5.5G Native Lights-out Factory. Mobile World Live. URL: <https://www.mobileworldlive.com/u-joy-cities-the-worlds-largest-5-5g-native-lights-out-factory/> (Access date: 12.04.2025).

17. Auzan A. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A. (2022) [Development of Russia's Creative Economy in the Context of Modern Challenges]. Journal of the New Economic Association, 2 (54), pp. 213–220. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48667411> (Access date: 20.08.2025).

18. Boos V. O., Kutsenko E. S., Lebedeva S. A. (2025) Investitsii v kreativnyy sektor: ustoychivyy rost [Investments in the Creative Sector: Sustainable Growth]. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, NRU HSE. URL: <https://issek.hse.ru/news/1057633028.html> (Access date: 25.08.2025).

19. n. a. (2025) Na kul'turu i tvorchestvo prikhoditsya 3,1% global'nogo VVP [Culture and Creativity Account for 3.1% of Global GDP]. UN News. Global perspective. Human stories. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/04/1463471> (Access date: 27.08.2025).

20. n. a. (2025) Proyekt strategii razvitiya kreativnoy ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii do 2036 g. [Draft Strategy for the Development of the Creative Economy in the Russian Federation Until 2036]. URL https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/kreativnaya_ekonomika/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.html (Access date: 02.02.2026).

E.A. Tkachenko⁴, E.E. Larionov⁵. Technologies of the Sixth Mode and the Future of Labor: A Marxist Analysis of Deproletarianization Risks and Opportunities for Welfare Growth Under Robotization. The sixth technological mode (STM) will radically change key areas of society's socio-economic life-human labor, with all its inherent risks, will be replaced by a transition to partial and then full automation of production. In this context, STM is poised to become a critical factor driving fundamental transformation of the labor market. The urgency of assessing all associated risks and opportunities becomes particularly acute as future socio-economic shifts and their consequences directly raise questions about the measures for overcoming them. These measures, in turn, will depend on preemptively forecasted scenarios of socio-economic developments both nationally and globally. A pivotal question concerns ownership of wealth generated by technological progress: will this new technological stage serve as yet another tool for increased exploitation of workers or will it radically reshape socio-economic relations for the benefit of the majority? In this article, the risks of socioeconomic transformation are analyzed from the perspective of Marxist dialectics, and an assessment is provided regarding the role of creative industries in adapting the labor market to the realities of the Sixth Technological Mode. Research methodology includes a dialectical method, methods of structural and comparative analysis, reliance on the theoretical framework of Marxist political economy and the theory of noonomy.

Keywords: sixth technological mode, increase in labor productivity, robotization, creative industries, industry, unemployment, precariat, socio-economic relations.

⁴ *Elena A. Tkachenko*, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, Saint Petersburg State University of Economics (30-31 nab. Kanala Griboyedova, St. Petersburg, 191023, Russia), Doctor of Economics, Professor, email: eletkachenko@ya.ru

⁵ *Evgeny E. Larionov*, Post-graduate Student of the Saint Petersburg State University of Economics (30-31 nab. Kanala Griboyedova, St. Petersburg, 191023, Russia), email: larionov.eugene@gmail.com

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-82-94

В. В. Бирюков¹

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

Статья посвящена проблеме связи экономической политики и институционального статуса центрального банка. Автором показано, что исторически отношения центрального банка с правительством, как правило, основывались на его оперативной самостоятельности, но в конце прошлого века возник глобальный переход к созданию независимых центральных банков. Данный переход произошел в период реализации неолиберального проекта институциональной трансформации глобальной экономики, связанного с использованием развитыми странами неоколониальных методов управления и формированием глобальных рынков товаров, услуг, труда и капитала. Теоретическое обоснование необходимости проведения экономических политики с помощью независимого статуса центрального банка и инфляционного таргетирования базируется на нереалистичных неоклассических предположениях. В работе доказывается, что независимость центральных банков не позволяет обеспечивать необходимую координацию денежно-кредитной и финансовой политики, в результате в глобальной экономике наблюдается нарастание финансовых, социальных и экологических угроз. В связи с этим отмечается, что в условиях фрагментации мировой экономики актуализируется потребность разработки суверенной экономической политики на базе пересмотра статуса независимости центральных банков. Предлагаемая перспектива исходит из важности использования посткейнсианских идей; она предполагает отказ от применяемой в нашей стране теоретически и практически несостоятельной модели независимого центрального банка и инфляционного таргетирования, и формирование качественно новой конструкции взаимодействия правительства с центральным банком на основе его подотчетности и рациональной степени оперативной независимости.

Ключевые слова: экономическая политика, центральный банк, институциональный статус, принцип независимости, денежно-кредитная политика, ключевая процентная ставка, инфляция, таргетирование.

УДК 338.27

Введение

На протяжении последних тридцати лет одной из центральных тем дебатов по экономической политике выступает проблема проведения денежно-кредитной политики и ее связи с бюджетной и иными видами политики. Сегодня имеется обширная научная литература, включая современные исследования, о влиянии денежно-кредитной политики на отдельные параметры и сегменты экономики. При этом в отечественные иссле-

¹ *Бирюков Виталий Васильевич*, профессор Омской гуманитарной академии (644105, РФ г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2А), д-р экон. наук, профессор, e-mail: sciencebv@gmail.com

дованиях акцентируется всё больше внимания на критическом анализе неоклассических методов стабилизации экономики, главенствующими над кейнсианскими методами, а также поиске адекватного российским реалиям подхода, позволяющего использовать схему исследования монетарной политики с учётом сложного взаимодействия структурных и технологических факторов [1, 2, 3, 4].

Вместе с тем на периферии внимания отечественных экономистов остаются вопросы взаимосвязи экономической политики и институционального статуса центрального банка, который выступает фундаментальным фактором выбора модели проведения денежно-кредитной политики. В то же время в зарубежной литературе в последние десятилетия переосмысление сложившихся упрощённых представлений о связи центрального банка с правительством является важным направлением исследований [5, 6, 7].

Следует учитывать, что исторически первые центральные банки создавались как финансовые агенты правительства, обладающие операционной самостоятельностью. Реализуемая различными государствами модель тесной фискально-денежной связи оставалась практически неоспоримой до 1970-х годов. Глобальный институциональный переход к независимости центральных банков, аргументация которого коренится в различных версиях неоклассической теории, выступил важнейшей основой проведения неолиберальной глобальной политики. Широкое распространение модели независимого центрального банка во всем мире происходило под институциональным давлением стран Запада и при поддержке международных институтов процессов развития глобального рынка товаров, услуг, труда и капитала [8, 9].

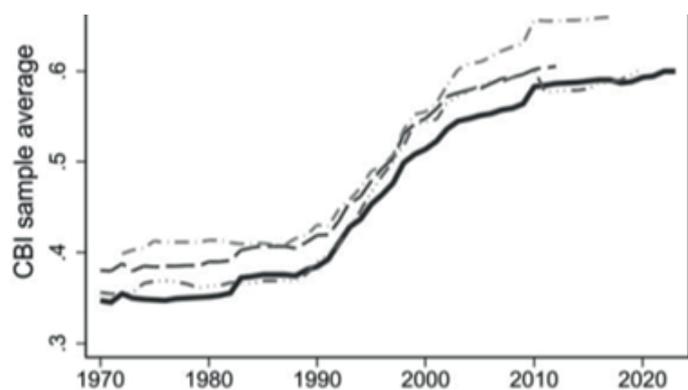
Сегодня желательность института независимого центрального банка подвергается критике по разным причинам, в основном из-за глобального финансового кризиса 2008 г. и замедления глобального экономического роста, которое сопровождается, увеличением государственного долга, ростом инфляции и волатильности рынков, что стало одним из ключевых рисков, подорвавших восстановление мировой экономики после пандемии. На происходящие в современной экономике противоречивые процессы одни страны отреагировали ростом независимости центрального банка, тогда как другие сокращают независимость своих центральных банков. При этом мантра независимости центрального банка была значительно поколеблена недавними действиями президента США Д. Трампа в отношении Федеральной резервной системы (ФРС).

Политико-экономический триумф идеи независимости центрального банка свидетельствуют о значимости влияния экономических теорий на выбор государственной политики и моделей формирования институтов экономики. В связи с этим важным является исследование процессов делегирования полномочий центральным банком и их влияния на выбор денежно-кредитной политики.

Глобальный институциональный переход к модели независимых центральных банков

Многочисленные эмпирические исследования убедительно свидетельствуют о сложившемся в конце прошлого века глобальном институциональном сдвиге, связанном с переходом к модели независимых центральных банков и затронувшим широкий и разнообразный круг стран. Так, исследование тенденций изменения независимости цен-

тральных банков А. С. Карриги (которая представила наиболее крупный набор данных по 192 странам в период с 1970 по 2023 год) свидетельствует о том, что показатель независимости центральных банков возрос примерно с 0,35 в 1970 году до 0,5 в 2000 году или в 1,4 раза. С конца 1990-х годов большинство центральных банков в мире классифицировались как независимые де-юре, а средний мировой показатель их независимости оставался между 0,58 и 0,6 с 2010 года (рисунок) [10].

— A. C. Garriga (2025) - - - A. C. Garriga (2016)
... D. Romelli (2022) - . . . C. Bodea, R. Hicks (2018)

Рисунок. Динамика индекса независимости центральных банков в 1970–2023 гг., рассчитанного по разной группе данных (источник: [10])

Глобальные перемены в институциональном статусе центральных банков сложились в условиях «Великой умеренности» в период с середины 1980-х до 2007 года, который характеризовался уменьшением макроэкономической волатильности и низким уровнем инфляции, особенно в развитых странах. Этот период «спокойствия» завершился глобальным кризисом 2008 года, после которого наблюдается снижение производительности труда как следствие ослабления совокупной факторной производительности и инвестиций [11]. При этом происходит рост финансовых пузырей, рисков усиления инфляции и волатильности рынков.

Привлечение более широкого набора данных в современных исследованиях в отличие от предыдущих показывает, что поиски приемлемого институционального статуса центральных банков в условиях трансформирующейся глобальной экономики и её фрагментации в различных странах сопровождался разными изменениями их полномочий. При этом происходило реформирование управления центральными банками на основе увеличения и уменьшения их автономии в различных аспектах. В результате в рамках глобального перехода к большей независимости центральных банков между странами возникли значительные различия как в общем уровне независимости, так и в тех её аспектах, которые являются достаточно важными. Так, с 2000 года было проведено 174 реформы, затронувших полномочия центральных банков, почти четверть из них (42 реформы) ограничили взвешенный индекс независимости; кроме того, многие реформы, которые увеличили общий индекс, ограничили его по крайней мере в одном из

измерений. В результате к началу 2024 года в мировой экономике стало больше независимых центральных банков, но более высокий уровень независимости возник в результате гетерогенного институционального выбора, вызвавшем значительную разницу между странами [10].

Проведенные в разных странах после 2000 года реформы, увеличивающие и уменьшающие независимость центральных банков, свидетельствуют о том, что статус центральных банков является продуктом спорной политики и институциональной адаптации в условиях реализации глобального проекта неолиберальной модели экономики [7, 13].

«Независимые» центральные банки и таргетирование инфляции

Глобальный переход к независимым центральным банкам отражает переход от кейнсианского понимания макроэкономических процессов к неоклассическому, который больше согласуется с Вашингтонским консенсусом, ориентированным на построение неолиберальной модели мировой экономики и вызвавшем нарастание глобальных противоречий и конфликтов. В связи с этим сторонники неортодоксальных исследований подвергают критике мейнстримные утверждения относительно теоретических представлений о целесообразности применения института независимого центрального банка, которые касаются предположений о природе экономики и экономической политики [5, 14, 15].

Современное экономическое обоснование доктрины независимости центрального банка вытекает из неоклассического подхода, который в соответствии с методологическим индивидуализмом исходит из того, что все субъекты, в том числе правительство, принимают экономические решения, руководствуясь эгоистичными интересами. В связи с этим концепция несостоятельности правительства базируется на аргументе, которой заключается в том, что попытки правительства использовать политику для улучшения экономических результатов часто терпят неудачу либо из-за некомпетентности, либо из-за корысти со стороны политиков и бюрократов. Несостоятельность правительства используется для аргументации потребности ограничения правительственной активности и в пользу неолиберального минималистского правительства. Обоснование необходимости независимости центрального банка исходит из аналогичных рассуждений; ключевым является утверждение о том, что эгоистичное правительство, руководствуясь собственными интересами, проводит оппортунистическую инфляционную денежно-кредитную политику, которая накладывает экономические издержки на общество. Примером такого оппортунизма являются попытки правительства стимулировать экономику перед выборами.

Аргументы в пользу независимого центрального банка являются весьма странными и заключаются в том, что будут приниматься иные решения, чем те, которые принимаются национальным правительством (обычно Казначейством) и избранными министрами, неспособными исходить из общественных интересов. Вместе с тем мейнстримная логика создания независимых центральных банкиров означает, что они будут уделять больше внимания снижению инфляции и сокращению безработицы. Следовательно, независимые центральные банкиры будут склонны устанавливать более высокие процентные ставки, чем правительство. В свою очередь, в результате этого будет складываться более

низкий уровень экономической активности. В связи с этим Г. К. Харкорт, П. Крислер и Дж. Халеви обращают внимание на странность утверждения о том, что «правительство не заботится об интересах страны, в то время как управляющие центральными банками это делают»; это «подразумевает, что последние преследуют исключительно альтруистические цели, хотя и не несут ответственности перед народом» [16, р. 210]. В целом критика неортодоксальными экономистами микро- и микроэкономических аргументов неоклассиков свидетельствуют о несостоятельности доктрины независимости центральных банков.

Оправдание независимости центральных банков часто основывается на эффективности «таргетирования инфляции»; в результате главное назначение денежно-кредитной политики сводится к модели контроля (таргетирования) инфляции, при которой процентная ставка центрального банка является ключевым инструментом политики и в соответствии с которой решения о процентных ставках и их изменениях находятся в руках центрального банка. Это предусматривает, что денежно-кредитная политика в форме процентных ставок является подходящим инструментом для контроля над инфляцией и решения по ставке должны приниматься только центральным банком (хотя, как правило, с оговоркой, что правительство может вмешаться в чрезвычайной ситуации, например, в условиях финансового кризиса).

Вместе с тем имеется целый ряд критических исследований, указывающих на несостоятельность неолиберальной модели инфляционного таргетирования. При этом акцентируется внимание на то, что сегодня отсутствует удовлетворительное теоретическое обоснование связи между процентной ставкой, экономической активностью и инфляцией, в результате остается неясной связь и взаимное влияние экономического роста на инфляцию, а монетарной политики – на экономический рост в связке с инфляцией и хозяйственной структурой [17, 18, 19, 20, 21].

Ориентиром инфляционного таргетирования считается некая «естественная процентная ставка», которая выступает свойством используемого теоретического подхода и имеет сомнительную значимость для «реального мира». Как пишет Э. С. Левреро, сегодня «нет четких указаний на то, как сделать вывод о естественной процентной ставке... которая должна быть оптимальной ставкой для стабилизации экономики в соответствии с современной теорией центрального банка» [22, р. 11]. Он показывает, что методы, используемые для получения оценок естественного уровня, по сути, основаны на некоторой интерпретации средних значений прошлых экономических процессов.

Неортодоксальные экономисты подчеркивают, что получившая широкое распространение идея о снижении инфляции в стране в результате создания независимого центрального банка является эмпирически недоказанной гипотезой. Так, П. Ф. Бауманн, И. Шомейкер и Э. Росси, основываясь на анализе последних эмпирических данных с помощью разработанной причинно-следственной модели, утверждают, что независимость центрального банка не оказывает явного влияния на инфляцию; нельзя исключить даже влияния, способствующее её росту. «Нет никаких доказательств для подтверждения гипотезы о том, что центральный банк должен повлиять на инфляцию» [23, р. 128]. Рассматривая негативные последствия применения неолиберальной модели инфляционного таргетирования, Н. Хан пишет о значительной разнице (более чем в 0,5%) в ежегодных темпах роста показателей стран, не использующих данную модель, по сравнению

со странами, использующими её [24]. Пагубные результаты проведения независимым центральным банком монетарной политики, основанной на инфляционном таргетировании, особенно явно проявляются в российской экономике. Так, выполненные С. Ю. Глазьевым и О. С. Сухаревым эмпирические исследования подтверждают вклад ключевой процентной ставки в повышение цен в России на длительном интервале времени и отсутствие подавления инфляции на коротких интервалах, а также в сохранении неэффективной структуры экономики [3].

Принятие решений центральным банком в рамках доктрины независимого центрального банка часто представляется как техническое решение, использующее процентную ставку для достижения целевого показателя инфляции. Однако независимость центрального банка от правительства становится формой зависимости от интересов владельцев финансового капитала [14, 25]. Рост неравенства в доходах и богатстве, увеличившийся в большинстве промышленно развитых стран за последние три-четыре десятилетия, был вызван не «нейтральностью» денежно-кредитной политики. Так, выполненные В. Ю. Алтунбасом и Дж. Торнтоном исследования по группе из 121 страны показывают, что внедрение таргетирования инфляции «было связано с ухудшением распределения доходов, измеряемым коэффициентом Джини, и снижением доли труда в национальном доходе по сравнению с долей прибыли» [26, р. 19]. Как пишет С. А. Каппес, «имеется достаточно доказательств, чтобы с уверенностью заключить, что денежно-кредитная политика действительно влияет на неравенство» [27, р. 227].

Изменения статуса центрального банка и координация денежно-кредитной и бюджетной политики

Отношения между центральным банком и правительством имеют решающее значение для успешного устойчивого развития экономики. В современной экономике независимость центрального банка и использование таргетирования инфляции реализуются на основе доминирования денежно-кредитной политики над налогово-бюджетной политикой, что неизбежно приводит к недостаточной координации между ними.

Решение фундаментального вопроса о том, можно ли в условиях независимого центрального банка обеспечивать соответствующую интересам общества эффективную экономическую политику, направленной на полную занятость, связано с отказом от мифа о нейтральности денег, который лежит в основе посткейнсианской критики доктрины независимости центральных банков. Посткейнсианцы обращают внимание на то, что Дж. Кейнс отвергал практическую значимость постулата нейтралитета центрального банка как руководства для экономической политики и подчеркивал, что центральный банк не сможет ставить собственные цели. Поэтому он отдавал предпочтение инструментальной, а не целевой независимости центрального банка. Кейнс неоднократно комментировал вопросы, относящиеся к автономности центрального банка и считал, что невозможно представить себе надежную экономическую систему, в которой центральный банк действовал бы как частный собственник и не подчинялся бы суверенным указаниям правительства [5, 6, 28].

В соответствии с точкой зрения Кейнса в посткейнсианских исследованиях акцентируется внимание на то, что центральный банк несет ответственность не за стабиль-

ность цен (или любые другие цели, поставленные правительством), а за обеспечение стабильности цен. Правительство должно нести ответственность за любые цели, которых пытается достичь центральный банк, и несет ответственность за результаты перед парламентом и избирателями. Сам центральный банк сталкивается лишь с косвенным демократическим контролем и подотчетностью. По логике Кейнса, линия ответственности за выполнение функций правительства будет проходить от центрального банка к действующему правительству, которое, в свою очередь, будет подотчетно парламенту за общую эффективность экономической политики и, следовательно, перед избирателями. Центральный банк должен быть привязан к политико-экономическим полномочиям, установленным правительством, и обязан сотрудничать с Казначейством [5, 14, 29].

Сложившиеся на основе неолиберальной точки зрения представления о роли центральных банков недооценивают их большую власть, которая позволяет трансформировать экономику в интересах ключевых элит. Выступая в качестве ключевого связующего звена между правительствами и финансовыми рынками, центральные банки могут выступать в качестве важной опоры, позволяющей правительствам осуществлять контроль над распределением финансово-денежных ресурсов и, таким образом, формировать политико-экономическую ткань нации. Поэтому подчинение центральных банков национальному правительству имеет важное значение для мобилизации государственных финансов, успешного управления экономикой и достижения конкретных политико-экономических целей [7, 30].

Мировой опыт свидетельствует о том, что подчинение центрального банка правительству может способствовать созданию политической и экономической структуры страны, ориентированной на реализацию конкретных целей развития. Например, в Латинской Америке подчиненные центральные банки играли важную роль в реализации амбициозных программ экономического развития, возникших в неблагоприятных политико-экономических условиях до конца 1980-х годов [13]. Аналогичным образом, в Японии после Второй мировой войны подчиненный Банк Японии и его кредитная политика (т.е. управление «окнами») сформировали краеугольный камень восстановления разрушенной войной экономики и реализации успешной промышленной политики. Сегодня динамичное развитие китайской экономики, позволившее ей выйти в мировые лидеры, во многом определяются тем, что Народный банк Китая осуществляет свою деятельность под руководством госсовета КНР, являющимся органом исполнительной власти. При этом его кредитно-денежная политика, как показывают В. И. Маевский, С. Ю. Малков и А. А. Рубинштейн, основывается на идеях неортодоксальной экономической теории [31].

С возрастанием способности развивающихся стран координировать свои действия будет снижаться их зависимость от стран Запада, позволяя заемщикам выйти из существующих неравноправных соглашений. Растущее присутствие Китая, России, Саудовской Аравии и других стран в качестве альтернативных источников капитала позволило ряду стран отказаться от модели независимого центрального банка. Например, в 2007 году китайская программа «Кредиты в обмен на нефть» в Эквадоре заложила основу для увольнения международных кредиторов, позволив стране устранить важные институциональные слои, защищающие независимость центрального банка, и освободить финансовые ресурсы для значительного увеличения государственных расходов [9, 13].

Возросшая в современных условиях роль денежно-кредитных отношений способствует увеличению политико-экономического влияния центральных банков и росту их полномочий, в то же время усиление геополитической напряженности привело к большей степени фрагментации глобальной экономики и кредиторов [32, 33, 34]. Во многих случаях геополитическая и экономическая фрагментация сопровождается неопротекционистской политикой, что потенциально может ослабить встроенные институциональные механизмы защиты независимости центральных банков и, таким образом, создать благоприятную среду для того, чтобы национальные правительства могли проводить суверенную экономическую политику, отказавшись от неолиберальной модели независимости центральных банков и таргетирования инфляции.

Заключение

Исторически отношения правительства и центрального банка, как правило, основывались на оперативной независимости последнего и были схожи с отношениями правительства с государственными корпорациями. Глобальный переход к независимости центральных банков не является историей успеха современной модели монетарной экономики, а выступает результатом реализации неолиберальных идей неокOLONиальной трансформации мировой экономики с помощью формирования глобальных рынков. По сути, весь способ обоснования независимости центрального банка обусловлен нереалистичными политико-экономическими предположениями, связанными с трактовкой правительства как эгоистичного актора и мифологическими преимуществами технократического принятия решений руководством центральных банков.

Мировой опыт показывает, что независимость центральных банков не позволяет обеспечивать необходимую координацию изменений, происходящих в денежно-кредитной и финансовой сферах, что приводит к развитию стагнационных процессов в глобальной экономике, нарастанию финансовых, социальных и экологических угроз. Смена мирохозяйственных укладов сегодня сопровождается фрагментацией мировой экономики в следствии активного применения торгово-силового инструментария воздействия на конкурентов её лидерами, что актуализирует потребность формирования суверенных моделей национальных экономик на основе пересмотра мандата независимости центральных банков. Идеи Кейнса и его последователей могут служить отправной точкой для отказа в нашей стране от использования дискредитировавшей себя доктрины независимого центрального банка и сформировать соответствующую российским реалиям качественно новую конструкцию взаимодействия правительства с центральным банком на основе его подотченности и рациональной степени оперативной независимости, позволяющей проводить эффективную финансово-денежную политику.

Список литературы

1. *Маевский, В. И.* Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн, Е. В. Красильникова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 160 с.
2. *Маевский, В. И.* Белые пятна в ортодоксальной экономической теории / В. И. Маевский // Экономическое возрождение России. – 2025. – № 2(84).– С. 40-56. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-40-56.

3. Глазьев, С. Ю. Экономический рост и монетарная политика в России / С. Ю. Глазьев, О. С. Сухарев // *Journal of New Economy*. – 2025. – №1 (26). – С. 6-30. DOI: 10.29141/2658-5081-2025-26-1-1.
4. Сухарев, О. С. Экономический рост России: ключевая процентная ставка и «совокупное предложение» / О. С. Сухарев // *Экономические стратегии*. – 2025. – № 2(200). – С. 30-41. DOI: 10.33917/es-2.200.2025.30-41.
5. Bibow, J. A Postkeynesian perspective on the rise of Central Bank independence: A dubious success story in monetary economics. Working Paper. – 2010. – No. 625. Levy Economics Institute of Bard College, Annandale-on-Hudson, NY. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1691706>.
6. Qanas, J., Sawyer, M. 'Independence' of Central Banks and the Political Economy of Monetary Policy // *Review of Political Economy*. – 2024. – Vol. 36(2). – Pp. 565-580. DOI: 10.1080/09538259.2023.2189006.
7. Kern, A., Seddon, J. The Politics of Reversing Central Bank Independence // *Journal of Political Institutions and Political Economy*. – 2024. – Vol. 5 (3). – Pp. 443-485. DOI: 10.1561/113.00000108.
8. Bodea, C., Hicks, R. Sovereign Credit Ratings and Central Banks: Why Do Analysts Pay Attention to Institutions? // *Economics & Politics*. – 2018. – Vol. 30(3). – Pp. 340-65. DOI: 10.1111/escp.12113.
9. Kern, A., Reinsberg, B., Rau-Gohring, M. IMF Conditionality and Central Bank Independence // *European Journal of Political Economy*. – 2019. – Vol. 59. – Pp. 212-29. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2019.03.002.
10. Garriga, A. C. Revisiting Central Bank Independence in the World: An Extended Dataset. *International Studies Quarterly*. – 2025. – Vol. 69(2). – sqaf024. DOI: 10.1093/isq/sqaf024.
11. Dieppe, A. (ed.). *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. Washington, DC, USA: World Bank; 2021. 435 p.
12. Garriga, A. C. Central Bank Independence in the World: A New Data Set. // *International Interactions*. – 2016. – Vol. 42(5). – Pp. 849-868. DOI: 10.1080/03050629.2016.1188813.
13. Bodea, C., Garriga, A. C. Central Bank Independence in Latin America: Politicization and De-Delegation // *Governance*. – 2023. – Vol. 36(1). – Pp. 59–80. DOI: 10.1111/gove.12706.
14. Wray, L. R. A Post Keynesian View of Central Bank Independence, Policy Targets, and the Rules Versus Discretion Debate // *Journal of Post Keynesian Economics*. – 2007. – Vol.30. – Pp. 119-141. DOI: 10.2753/PKE0160-3477300106.
15. Epstein, G. *The Political Economy of Central Banking*. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. – 567p.
16. Harcourt, G. C., Kriesler, P., Halevi, J. Central Bank Independence Revisited. In *Economic Growth and Macroeconomic Stabilization Policies in Post-Keynesian Economics*, edited by H. Bougrine, and L.-P. Rochon. – Cheltenham: Edward Elgar, 2018. – Pp. 209–222.
17. Arestis, P., Sawyer, M. A Critical Reconsideration of the Foundations of Monetary Policy in the new Consensus Macroeconomics Framework // *Cambridge Journal of Economics*. – 2008. – Vol. 32(5). – Pp. 761-779. DOI: 10.1093/cje/ben004.
18. Sawyer, M. Interest Rates and Inflation: What are the Links? // *Intervention*. – 2009. – Vol. 6(1). – Pp. 83-98. DOI: 10.4337/ ejeep.2009.01.09.
19. Маевский, В. И. Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн // *Вопросы экономики*. – 2019. – № 8. – С. 45-66. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-45-66.
20. Глазьев, С. Ю. Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском экономическом союзе / С. Ю. Глазьев // *Российский экономический журнал*. – 2022 – № 2. – С. 4-20. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-2-4-20.

21. Сухарев, О. С. Денежно-кредитная политика экономического роста в России: тормозящий накопительный эффект / О. С. Сухарев // Общество и экономика. – 2023. №1. – С. 5-26. DOI: 10.31857/S020736760023986-3.
22. Levrero, E. S. Estimates of the Natural Rate of Interest and the Stance of Monetary Policies: A Critical Assessment // International Journal of Political Economy. – 2021. – Vol. 50(1). – Pp. 5-27. DOI: 10.1080/08911916.2021.1894829.
23. Baumann, P. F., Schomaker, M., Rossi, E. Estimating the effect of central bank independence on inflation using longitudinal targeted maximum likelihood estimation // Journal of Causal Inference, De Gruyter. – 2021. – Vol. 9(1). – Pp. 109-146. DOI: 10.1515/jci-2020-0016.
24. Khan, N. Does Inflation Targeting Really Promote Economic Growth? // Review of Political Economy. – 2022. – Vol. 34 (3). – P. 564–584. DOI: 10.1080/09538259.2021.1902165.
25. Epstein, G., Montecino, J. A. The Political Economy of Quantitative Easing and the Fed: Who Gains, who Loses, and why did it end? In Economic Growth and Macroeconomic Stabilization Policies in Post-Keynesian Economics, edited by H. Bougrine and L.-P. Rochon. – Cheltenham: Edward Elgar. 2020. – Pp. 170-181.
26. Altunbas, Y., Thornton, J. Does Inflation Targeting Increase Income Inequality? // Journal of Post Keynesian Economics. – 2022. – Vol. 45(4). – Pp. 558-580. DOI: 10.1080/01603477.2022.2101475.
27. Kappes, S. A. Monetary Policy and Personal Income Distribution: A Survey of the Empirical Literature // Review of Political Economy. – 2023. – Vol. 35(1). – Pp. 211-230. DOI: 10.1080/09538259.2021.1943159.
28. Debelle, G., Fischer, S. How independent should a central bank be?. In J.C. Fuhrer (ed.), Goals, Guidelines and Constraints Facing Monetary Policy-makers. – Federal Reserve Bank of Boston, Conference Series, 1995. – No. 38.– Pp. 195-221.
29. Rymes, T. K. Autonomous and accountable // Journal of Post Keynesian Economics. – 1995-1996. –Vol. 18(2). – Pp. 177-188.
30. Johnson, J. Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World. Ithaca: Cornell Univeristy Press. 2016. – 312 p.
31. Маевский, В. И. Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт X-экономики Китая / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн // Вопросы экономики. – 2023. –№ 10. – С. 98-123. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-98-123.
32. Ferry, L. Getting to Yes: The Role of Creditor Coordination in Debt Restructuring Negotiations // International Interactions. – 2023. – Vol. 49(1). – Pp. 31-58. DOI: 10.1080/03050629.2023.2156996.
33. Mosley, L., Rosendorff, B. P. The Unfolding Sovereign Debt Crisis // Current History. – 2023. – Vol. 122(840). – Pp. 9-14. <https://doi.org/10.1525/curh.2023.122.840.9>.
34. Setser, B. W. The Common Framework and its Discontents // Development and Change. – 2023. – Vol. 54(5). – Pp. 1065-1086. DOI: 10.1111/dech.12787.

References

1. Maevsky V. I., Malkov S. Y., Rubinshtein A. A., Krasilnikova E. V. (2020) Teoriya vosproizvodstva kapitala i ne-neytral'nost' deneg [The Theory of Capital Reproduction and the Non-Neutrality of Money]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoria Publ. 160 p.
2. Maevsky V. I. (2025) Belyye pyatna v ortodoksal'noy ekonomicheskoy teorii [Blind Spots in Orthodox Economic Theory]. Economic Revival of Russia, 2 (84), pp. 40-56. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-40-56.
3. Glazyev S. Y., Sukharev O. S. (2025) Ekonomicheskii rost i monetarnaya politika v Rossii [Economic Growth and Monetary Policy in Russia]. Journal of New Economy, 1 (26), pp. 6-30. DOI: 10.29141/2658-5081-2025-26-1-1.

4. Sukharev O. S. (2025) *Ekonomicheskiy rost Rossii: klyuchevaya protsentnaya stavka i «so-vokupnoye predlozheniye»* [Economic Growth of Russia: Key Interest Rate and “Aggregate Supply”]. *Economic Strategies*, 2 (200), pp. 30–41. DOI: 10.33917/es-2.200.2025.30-41.
5. Bibow J. (2010) *A Postkeynesian Perspective on the Rise of Central Bank Independence: A Dubious Success Story in Monetary Economics*. Working Paper, 625. Levy Economics Institute of Bard College, Annandale-on-Hudson, NY. DOI: 10.2139/ssrn.1691706.
6. Qanas J., Sawyer M. (2024) ‘Independence’ of Central Banks and the Political Economy of Monetary Policy. *Review of Political Economy*, 36 (2), pp. 565-580, DOI: 10.1080/09538259.2023.2189006.
7. Kern A., Seddon J. (2024) The Politics of Reversing Central Bank Independence. *Journal of Political Institutions and Political Economy*, 5 (3), pp. 443-85.
8. Bodea C., Hicks R. (2018) Sovereign Credit Ratings and Central Banks: Why Do Analysts Pay Attention to Institutions? *Economics & Politics*, 30 (3), pp. 340-365. DOI: 10.1111/ecpo.12113.
9. Kern A., Reinsberg B., Rau-Gohring M. (2019) IMF Conditionality and Central Bank Independence. *European Journal of Political Economy*, 59, pp. 212-29. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2019.03.002.
10. Garriga A. C. (2025) Revisiting Central Bank Independence in the World: An Extended Dataset. *International Studies Quarterly*, 69(2), sqaf024. DOI: 10.1093/isq/sqaf024.
11. Dieppe A. (Ed.) (2021) *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. Washington, DC, USA: World Bank. 435 p.
12. Garriga A. C. (2016) Central Bank Independence in the World: A New Data Set. *International Interactions*, 42 (5), pp. 849–868. DOI: 10.1080/03050629.2016.1188813.
13. Bodea C., Garriga A. C. (2023) Central Bank Independence in Latin America: Politicization and De-Delegation. *Governance*, 36 (1), pp. 59-80. DOI: 10.1111/go ve.12706.
14. Wray L. R. (2007) A Post Keynesian View of Central Bank Independence, Policy Targets, and the Rules Versus Discretion Debate. *Journal of Post Keynesian Economics*, 30, pp. 119-141. DOI: 10.2753/PKE0160-3477300106.
15. Epstein G. (2019) *The Political Economy of Central Banking*. Cheltenham: Edward Elgar. 567 p.
16. Harcourt G. C., Kriesler P., Halevi J. (2018) Central Bank Independence Revisited. In: *Economic Growth and Macroeconomic Stabilization Policies in Post-Keynesian Economics*; Bougrine H., Rochon L.-P. (Eds.). Cheltenham: Edward Elgar, pp. 209–222.
17. Arestis, P., Sawyer M. (2008) A Critical Reconsideration of the Foundations of Monetary Policy in the New Consensus Macroeconomics Framework. *Cambridge Journal of Economics*, 32 (5), pp. 761-779. DOI: 10.1093/cje/ben004.
18. Sawyer M. (2009) Interest Rates and Inflation: What are the Links? *Intervention*, 6 (1), pp. 83-98. DOI: 10.4337/ejeep.2009.01.09.
19. Maevsky V. I., Malkov S. Y., Rubinshtein A. A. (2019) Analiz svyazi mezhdu emissiyey, inflyatsiyey i ekonomicheskim rostom s pomoshch'yu modeli pereklyuchayushchegosya rezhima vosproizvodstva [Analysis of the Relationship Between Emissions, Inflation and Economic Growth Using the Model of the Switching Mode of Reproduction]. *Questions of Economics*, 8, pp. 45-66. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-45-66.
20. Glazyev S. Y. (2022) Kak denezhno-kreditnaya politika ugnetaet ekonomicheskiy rost v Rossii i Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze [How monetary policy depresses economic growth in Russia and the Eurasian Economic Union]. *Russian Economic Journal*, 2, pp. 4-20. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-2-4-20.
21. Sukharev O. S. (2023) Denezhno-kreditnaya politika ekonomicheskogo rosta v Rossii: tormozyashchiy nakopitel'nyy effekt [Monetary Policy of Economic Growth in Russia: Inhibitory Accumulative Effect]. *Society and Economics*, 1, pp. 5-26. DOI: 10.31857/S020736760023986-3.

22. Levrero E. S. (2021) Estimates of the Natural Rate of Interest and the Stance of Monetary Policies: A Critical Assessment. *International Journal of Political Economy*, 50 (1), pp. 5-27. DOI: 10.1080/08911916.2021.1894829.
23. Baumann P. F., Schomaker M., Rossi E. (2021) Estimating the Effect of Central Bank Independence on Inflation Using Longitudinal Targeted Maximum Likelihood Estimation. *Journal of Causal Inference*, De Gruyter, 9 (1), pp. 109-146. DOI: 10.1515/jci-2020-0016.
24. Khan N. (2022) Does Inflation Targeting Really Promote Economic Growth? *Review of Political Economy*, 34(3), pp. 564-584. DOI: 10.1080/09538259.2021.1902165.
25. Epstein G., Montecino J. A. (2020) The Political Economy of Quantitative Easing and the Fed: Who Gains, Who Loses, and Why Did It End? In: *Economic Growth and Macroeconomic Stabilization Policies in Post-Keynesian Economics*; Bougrine H., Rochon L.-P. (Eds.). Cheltenham: Edward Elgar, 170-181.
26. Altunbas Y., Thornton J. (2022) Does Inflation Targeting Increase Income Inequality? *Journal of Post Keynesian Economics*, 45 (4), pp. 558-580. DOI: 10.1080/01603477.2022.2101475.
27. Kappes S. A. (2023) Monetary Policy and Personal Income Distribution: A Survey of the Empirical Literature. *Review of Political Economy*, 35 (1), pp. 211-230. DOI: 10.1080/09538259.2021.1943159.
28. Debelle G., Fischer S. (1995) How independent should a central bank be? In: *Goals, Guidelines and Constraints Facing Monetary Policy-makers*; Fuhrer J.C. (Ed.). Federal Reserve Bank of Boston, Conference Series, 38, pp. 195-221.
29. Rymes T. K. (1995) Autonomous and Accountable. *Journal of Post Keynesian Economics*, 18 (2), pp. 177-188.
30. Johnson J. (2016) *Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World*. Ithaca: Cornell University Press. 312 p.
31. Maevsky V. I., Malkov S. Y., Rubinshtein A. A. (2023) Makroekonomicheskiye usloviya perekhoda Rossii k vysokim tempam rosta: opyt X-ekonomiki Kitaya [Macroeconomic Conditions for Russia's Transition to High Growth Rates: The Experience of China's X-Economy]. *Questions of Economics*, 10, pp. 98-123. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-98-123.
32. Ferry L. (2023) Getting to Yes: The Role of Creditor Coordination in Debt Restructuring Negotiations. *International Interactions*, 49 (1), pp. 31-58. DOI: 10.1080/03050629.2023.2156996.
33. Mosley L., Rosendorff B. P. (2023) The Unfolding Sovereign Debt Crisis. *Current History*, 122 (840), pp. 9-14. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.9.
34. Setser B. W. (2023) The Common Framework and its Discontents. *Development and Change*, 54 (5), pp. 1065-1086. DOI: 10.1111/dech.12787.

V. V. Biryukov². Economic Policy and Institutional Status of the Central Bank. The article is devoted to the problem of the relation between economic policy and the institutional status of the central bank. The author argues that historically the central bank's relationship with the government has tended to be based on its operational independence, while at the end of the last century there was a global shift towards the establishment of independent central banks. This transition occurred during the period of implementation of the neoliberal project of institutional transformation to the world economy, associated with the use of neocolonial management methods by developed countries. The theoretical justification for the need to implement economic policies using the independent status of the central bank and inflation targeting is based on unrealistic neoclassical assumptions. The author

² *Vitaly V. Biryukov*, Professor at the Omsk Humanitarian Academy (2A 4th Chelyuskintsev ul., Omsk, 644105, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: sciencebvv@gmail.com

proves that the independence of central banks does not allow for the necessary coordination of monetary and financial policies; as a result, there is an increase in financial, social and environmental threats. In this regard, it is noted that in the context of fragmentation of the world economy, the need to develop a sovereign economic policy based on a revision of the status of independence of central banks is becoming more urgent. Based on post-Keynesian ideas, the author proposes to abandon the use of the model of an independent central bank and inflation targeting in Russia and to form qualitatively new patterns of interaction between the government and the central bank based on its accountability and a rational degree of operational independence.

Keywords: economic policy, central bank, institutional status, principle of independence, monetary policy, key interest rate, inflation, targeting.

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-95-104

С. Г. Пьянкова¹, Р. Т. Тимакова²

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОД РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ ТУРИСТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВА, ПАТРИОТИКА, НООНОМИКА

В условиях индустриального развития общества туристическая отрасль подвержена воздействию основных экономических законов. Отмечается интерес к активным видам туризма, к которым относится промышленный туризм, сочетающий возможности познавательного туризма с элементами патриотического туризма. Развитость промышленного туризма определяется особенностями экономического развития определенных территорий. Свердловская область, входящая в состав Уральского федерального округа, относится к промышленно-развитым регионам с историей развития горнозаводской промышленности в демидовские времена, и усиленной во время Великой Отечественной войны в результате эвакуации промышленных предприятий на Урал. Область в рейтинге устойчивости развития туризма по регионам страны на продвинутом уровне занимает 6-е место и включена в схему территориально-пространственного планирования – Большой Урал. Промышленный туризм зиждется на историческом развитии территорий, патриотике в отношении отечественных предприятий и выпускаемой ими продукции и развитии инновационных промышленных технологий, что позволило закрепить за регионом бренд «Урал – опорный край державы». В настоящее время активно используется потенциал индустриальных парков, и в первую очередь в категории Brownfield на базе существующего промышленного наследия. Индикаторы эффективности развития промышленного туризма сопоставимы с общими трендами развития промышленности в регионе. Ноономическая модель развития туризма региона характеризуется через «перевернутую» пирамиду потребностей А. Маслоу.

Ключевые слова: промышленный туризм, индустриальные парки, инвестиции, Большой Урал, индикаторы эффективности, ноономика.

УДК 330.352

В Российской Федерации туризм становится одной из самых быстрорастущих отраслей экономики, что обусловлено уникальными природными, культурными и историческими богатствами, а также на фоне увеличения спроса на услуги внутреннего

¹ Светлана Григорьевна Пьянкова, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, заместитель руководителя Научно-образовательного центра «Ноономика» (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, 8 Марта, 62), д-р экон. наук, e-mail: pyankovasg@usue.ru

² Роза Темерьяновна Тимакова, профессор кафедры туристического бизнеса и гостеприимства, профессор кафедры биотехнологии и инжиниринга Уральского государственного экономического университета (620144, РФ, г. Екатеринбург, 8 Марта, 62), д-р техн. наук, доцент, e-mail: timakrt@usue.ru

туризма и при эффективном сочетании антикризисных мер и системной поддержки инвестиций в отрасли в 2020–2024 годах отмечается рост инвестиционной активности бизнеса. В рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» и госпрограммы «Развитие туризма» было разработано 13 туристических межрегиональных схем территориально-пространственного планирования, в том числе в 2024 году – Большой Урал, включающий в себя разноплановые по экономическому развитию территории Свердловской и Челябинской областей (Уральский федеральный округ), Пермского края и Республики Башкортостан (Приволжский федеральный округ). В 2023 году в рейтинге устойчивости развития туризма по регионам страны Свердловская область на продвинутом уровне занимала 6-е место с приоритетом в области социо-культурного блока (развитие инклюзивного туризма и объектов культурного наследия) и институционально-управленческого блока (эффективность управления устойчивым развитием) в отличие от Пермского края, Республики Башкортостан и Челябинской области (12, 32 и 78 место соответственно и при уровне развития развитый, умеренный и начальный соответственно), где в приоритете туристская привлекательность определяется наличием и сохранением природных ресурсов, оцениваемых в рамках эколого-климатического блока. Свердловская область по ежегодному рейтингу туристической привлекательности городов в 2024 году заняла 15 место. К важнейшему принципу пространственного развития при территориальной дифференциации относится принцип комплексного подхода к развитию инфраструктуры в условиях обеспечения тренда на региональное развитие с характерной направленностью, исходя из особенностей развитости туристских территорий.

Уральский федеральный округ в настоящее время входит в тройку лидеров по развитию промышленного потенциала наряду с Центральным федеральным округом и Приволжским федеральным округом в результате привлечения инвестиций с помощью построения современных индустриальных парков, как действующих (24 парка), так и вновь создаваемых (20 парков), в том числе в Свердловской и Челябинской областях по 11 парков в реестре Минпромторга [1], с преобладанием машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий, предприятий производящих оборудование и строительных предприятий.

Индустриальные парки в категории Greenfield – вновь возводимые парки на землях промышленного назначения: Богандинский, Богословский, Боровский, Варгашинский, ЕКАД «Южный», Заречный, Крафт, Малая Сосновка, ОЭЗ ППТ «Титановая долина» (площадка «Верхняя Салда») и Шадринский отличаются комплексным освоением территорий и формированием пула резидентов от выращивания растениеводческой продукции и ее переработки, пищевых добавок до производства деревянных изделий, полимерных трубопроводов, химических веществ и химических продуктов, кабелей, оборудования для нефтегазовой отрасли и строительства скважин и др.

В последние годы в стране отмечается всплеск интереса туристов к таким предприятиям, которые являются имиджевыми или с уникальными технологиями. Хотя первично промышленный туризм в России появился еще в 1930-е годы, когда АО «Советский турист» стало организовывать поездки на предприятия, что было связано с профессиональной ориентацией для школьников и для ознакомления с производством студентов как будущих специалистов в рамках производственной практики. Были разработаны 78 специальных тематических индустриальных маршрутов, охватывающих

экскурсии на многие промышленные предприятия, носивших определенный идеологический характер [2].

Цели посещения наиболее значимых предприятий формируются в рамках делового туризма представителями бизнеса (ознакомлением с новыми территориями и новыми инновационными технологиями), познавательного туризма от школьников-студентов до туристов любой целевой группы (расширение кругозора о современных предприятиях, профориентационный уклон – предприятие, технология, профессия) и промышленного туризма для профессионалов и широкого круга туристов (ознакомление с новым форматом формирования промышленной инфраструктуры комплексной застройки).

Также уделяется большое внимание ознакомлению школьников с действующими промышленными предприятиями в контексте образовательно-промышленного туризма [3].

Индустриальные парки в категории Brownfield подразумевают реконструкцию или модернизацию ранее существующих предприятий и заводов. Территория парка, как правило, ограничена его существующей территорией и составляет в среднем 20-25 га [4]. На территории УрФО размещены индустриальные парки Brownfield: Курганская область – Курган Энергомаш (производство металлоизделий), Курганский на базе Курганского завода колесных тягачей им. Д.М. Карбышева (магистральные трубы); Полевской (Свердловская область) – Малахитовая шкатулка (обработка камня, металлопрокат); Магнитогорск – ММК «Индустриальный парк» (машиностроение, металлообработка); ХМАО (Нефтеюганск) – Кондинский (лесопромышленная и деревообработка), Нефтеюганский (Нефтеюганск) – ремонт специализированной техники, металлоконструкций, Сургут – Югра (Сургут) – трубная продукция; Челябинск – НПП (сырьевые материалы для стальной промышленности, поставка угля, промышленной химии) и Станкомаш (металлургическое производство); Южноуральск (Челябинская область) – тепло-, водо- и газоснабжение; Нижний Тагил (Свердловская область) – Химический парк (химическое производство); Екатеринбург (ПробизнесПарк) – производство пластмассовых изделий, продажа; Копейск (Челябинская область) – Потанино (машиностроительное производство на территории кирпичного завода); Екатеринбург (ОЭЗ ППТ «Титановая долина» (площадка «Уктус») – промышленное производство оборудования для разных отраслей.

Туристическая привлекательность таких парков основывается на историческом прошлом от ретроспективы до инновационного технического и технологического перевооружения действующих предприятий для целевой группы – от партнеров до посещения туристов с познавательными целями.

Свердловская область исторически относится к промышленным территориям, что предопределяет интерес к истории развития горно-заводского края Петровского периода на стыке частного предпринимательства первых Демидовых – Никиты и Акинфия на лучших металлургических заводах России того времени и развития казенных металлургических заводов В.Н. Татишевым и В. де Генниным [5] до последующего формирования крупного промышленного региона, начиная с 1941 года в период масштабной эвакуации промышленности на Урал. Возникшее внимание туристов к старопромышленным территориям можно объяснить и интересом к личностям Демидовых, которые заложили основу горно-металлургической промышленности. Отмечается, что еще в первой половине 18 века предприимчивые Демидовы смогли сформировать эффектив-

ную организацию труда и производственные традиции, начиная с добычи руды и до производства металла и вооружения на металлургических заводах, ввели сдельно-премиальную оплату основным рабочим, плановую отчетность с каждого завода, стабильный подвоз нужных ресурсов для бесперебойного процесса [6].

Для Уральского региона важным моментом позиционирования является трансформация промышленности в годы Великой Отечественной войны и последующего развития крупных промышленных гигантов: Уралмаш, Химмаш, Уральский танковый завод (на базе Уралвагонзавода), Первоуральский новотрубный завод, Уральский алюминиевый завод, Ирбитский мотоциклетный завод, Уральский турбомоторный завод и др., а также так называемых «закрытых» предприятий, ОКБ, номерных «почтовых ящиков» и территорий. Гордость за сопричастность к открытиям великой страны определяет необходимость частичного раскрытия их деятельности для знакомства с историей промышленного Свердловска, например, в музее АО «НПО автоматики».

Свердловск в годы войны стал центром танковой промышленности. Благодаря эвакуации большого количества квалифицированных кадров и оборудования из европейской части страны здесь удалось воссоздать на новом технологическом уровне сложнейшие технологические процессы изготовления бронекорпусов, танковых дизель-моторов и специализированных артиллерийских систем для танков, а также самих танков и САУ, что способствовало дальнейшему развитию Свердловска в послевоенный период в качестве одного из крупнейших центров оборонно-промышленного комплекса СССР, отмечает Запарий В.В. [7]. В настоящее время современная танковая техника, производимая на Уралвагонзаводе, также поддерживает мощь вооруженных сил страны и одновременно вызывает интерес современных туристов.

Промышленный туризм, принципиально отличаясь от других видов туризма использованием в качестве туристских ресурсов действующих или прекративших свою деятельность производственных предприятий различных отраслей (начиная от фабрик пищевой продукции до металлургических комбинатов), опирается на промышленный потенциал регионов, соотносимый с комплексом туристско-рекреационного потенциала, успешность развития которого оценивается через определённые индикаторы [8].

Эффективность развития промышленного туризма определяется исследованием комплекса индикаторов, которые позволяют регламентировать характерные признаки результативности, в том числе воздействия на общество (таблица 1).

Таблица 1

Индикаторы эффективности развития промышленного туризма

Индикатор/эффект	Признаки	Особенности
Маркетинг-продвижение / маркетинговый	турпродукта, предприятия, промышленных парков, территории	продвижение на уровне предприятий, субъектов РФ, государства
Брендированность / имиджевый	турпродукта, предприятия, промышленных парков, территории, федерального округа	формирование ассоциаций (предприятие - регион - туристическая привлекательность)

Индикатор/эффект	Признаки	Особенности
Ресурсы / ресурсный	предприятия (материальные, информационные, трудовые, финансовые, образовательные и др.), ресурсы региона, развитость туристской инфраструктуры	собственный, заемный, инвестиционный, дотационный
Экономика / экономический	туристический поток, движение денежных ресурсов и их перераспределение, эффективность деятельности всех партнеров, платежеспособный спрос туристов, ВВП	количественные параметры (количество туристов – по числу туристских поездок или ночевкам, объем денежных потоков), емкость туристского рынка
Управление / управленческий	объекты туристского интереса и промышленного наследия (индустриальные парки, отдельные предприятия), туристская привлекательность региона	краткосрочные поездки, туры выходного дня, онлайн поисковые системы, региональные меры поддержки
Социальный контекст / социальный	популяризация рабочих специальностей, увеличение числа рабочих мест, патриотическое воспитание, уменьшение миграции профессиональных кадров, занятость населения	профорентация, безопасность туризма, доступность туруслуг, Урал – опорный край державы
Экологизация / экологический	экологическое воспитание, движение зеленых, бережное отношение к окружающей среде, бережливое производство	волонтерское движение, экономика замкнутого цикла

Для промышленного туризма основополагающим направлением является историческая память народа и связь времен, что усилило интерес к истории своей малой и большой Родины от старшего к среднему и молодому поколению и воспитанию патриотизма.

Так, музей военной техники УГМК или Музей «Боевая слава Урала» в Верхней Пышме под Екатеринбургом считается одним из самых больших в России. Масштабы его экспозиции можно сравнить с крупнейшими выставками в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове или Тольятти. Его открыли на частные средства, как проект помогающий сохранить память о подвигах солдат и воспитывать патриотизм у молодого поколения [9].

В тоже время роль промышленного туризма обусловлена его значением в решении социально-экономических задач на уровне предприятий, регионов и национальной экономики. Развитие промышленного туризма способствует росту престижа рабочих профессий и созданию новых рабочих мест, повышению спроса на продукцию отечественных производителей, развитию туристской инфраструктуры, повышению инвестиционной привлекательности предприятий и регионов и соответственно выравниванию неравномерного развития территорий с недостаточно развитым туристско-рекреационным потенциалом [10].

По Уральскому федеральному округу самым привлекательным регионом является Свердловская область, органично соединяющая культурные и арт-объекты, объекты промышленного наследия, привлекающие туристов (таблица 2).

Таблица 2

Индекс туристической привлекательности областей, входящих в УрФО [11]

Область	Индекс
Свердловская область	0.47
Тюменская область	0.42
Челябинская область	0.36
Ямало-Ненецкий автономный округ	0.34
Ханты-Мансийский автономный округ	0.33
Курганская область	0.28

В 2023 году к промышленному туризму привлечено 38 предприятий Свердловской области, которые посетили более 50 тыс. туристов [12].

Промышленный туризм можно определить как активный вид туризма, направленный на исследование определенных объектов. При этом происходит процесс гуманизации общественного сознания, растет интерес общественности к индустриальной истории и культуре [13]. Наряду с этим, при коммерциализации данного направления, как для предприятия, так и для региона, промышленный туризм выполняет ряд функций:

- профессионально-образовательная (передача и получение теоретических знаний и практических навыков в определенной отрасли производства);
- культурно-просветительная (ознакомление с культурой, историей и традициями страны, региона);
- профориентационная (для производителя – решение кадровых проблем; привлечение потенциальных работников, формирование престижа рабочих специальностей; для туриста – знакомство с профессией, специалистами и содержанием их труда);
- коммерческая (стимулирование сбыта продукции, получение дохода, создание позитивного имиджа и продвижение бренда компании);
- воспитательно-патриотическая (развитие интереса к отечественным промышленным традициям и народным промыслам, воспитание гуманистического отношения к окружающему миру и человеку) [14].

В качестве ключевых тенденций развития промышленного туризма, можно отметить:

- более четкое сегментирование рынка посредством использования определённых механизмов формирования и сохранения лояльности потребителей;
- расширение различий в предоставлении конечного туристического продукта в зависимости от ориентации на общий круг туристов, либо на профессиональное сообщество, либо людей смежных специальностей, желающих расширить свои знания [15].

В значительной мере развитие промышленного туризма основано на системе культурных институтов и моделей, сложившихся во второй половине 20 века [16], в том

числе ценностей и патриотического воспитания, что подтверждается ноономической моделью развития туризма региона через «перевернутую» пирамиду потребностей А. Маслоу: через высшие духовные потребности человека при положительной аттрактивности окружающей среды и при наличии определенных возможностей человек, получая туруслугу, запускает цепную реакцию с кумулятивным эффектом, что в конечном счете является двигателем туризма (рисунок 1) [17].

Рисунок 1. Ноономическая модель развития туризма региона

Таким образом, рассматривая промышленный туризм в контексте симбиотического развития промышленного и туристского потенциала отдельных регионов, можно выделить мультипликативность его развития в результате достижения взаимоусиливающих эффектов: оптимизация использования ресурсов с применением технологий эко-безопасности приводит к росту доходов всех задействованных предприятий в условиях маркетингового продвижения готовых продуктов, что влияет на усиление брендируемости промышленных территорий и формирование социально-ориентированных проектов отдельных промышленных предприятий.

Список литературы

1. Индустриальные парки России – 2024. Отраслевой обзор [электронный ресурс] / Официальный сайт Ассоциации индустриальных парков России. 2023. Электронные данные. Режим доступа: [https://indparks.ru/upload/iblock/dca/auxlc1f2bwvd0sandsazsdcqu0vsfle/%D0%90%D0%98%D0%9F%20%D0%A0%D0%A4%20%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%202024%20\(pass\)%20sm.pdf](https://indparks.ru/upload/iblock/dca/auxlc1f2bwvd0sandsazsdcqu0vsfle/%D0%90%D0%98%D0%9F%20%D0%A0%D0%A4%20%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%202024%20(pass)%20sm.pdf) (дата обращения: 10.02.2025).
2. Лысикова О.В., Шалаева Н.В. Возрождение промышленного туризма: от советского опыта к современным практикам в российских регионах. // Сервис plus. 2024. Т. 18. №3. С.76-86. DOI: 10.5281/зенодо.14499072.
3. Михайлова А.С. К вопросу о детском и молодежном образовательно-промышленном туризме // Туризм: право и экономика. 2024. № 3. С. 18-22. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-3-18-22.

4. Кузнецов В.В. Сравнительный анализ структуры и инфраструктуры промышленных парков Приволжского и Уральского Федеральных округов // Проблемы теории и практики управления. 2024. № 7-8. С. 190-200.
5. Сухих В.В. Экономические взгляды В.Н. Татищева и А.Н. Демидова в контексте их противостояния по вопросам уральской горной промышленности // Историко-экономические исследования. 2024. Т. 25. № 2. С. 253-286. DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).253-2896.
6. Демидовы: историческое повествование с портретами / Игорь Шакинко. – Екатеринбург: Пакрус, 2000. – 265с.
7. Запарий В.В. Становление и развитие Свердловска как центра танкового производства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 11. С. 25-29. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.11.16.
8. Тимакова Р.Т., Радыгина Е. Г. Особенности развития промышленного туризма в Уральском макрорегионе // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 1(103). С. 67-68. DOI: 10.5281/zenodo.7793311.
9. Музей военной техники в Верхней Пышме [электронный ресурс] / Официальный сайт Туристер. 2025. Электронные данные. Режим доступа: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/ekaterinburg/museum/15372>.
10. Ибрагимов Э.Э., Скараник С.С., Верна В.В. Комплексный подход к анализу специфики развития промышленного туризма в России // Исследование проблем экономики и финансов. 2023. № 1. 7. <http://doi.org/10.31279/2782-6414-2023-1-7-1-14>.
11. Рэнкинг устойчивости развития туризма и индустрии гостеприимства в субъектах РФ-2023: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=104038&p=attachment>.
12. Чупина И.П., Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Егоров С.Г. Роль промышленного туризма как одного из направлений туристической деятельности в регионе Свердловская область // Московский экономический журнал. 2025. Т. 10. № 1. С. 460-470. DOI: 10.51186/2413046X_2025_10_1_28.
13. Лебедева О.Е., Лебедев К.А. Тенденции развития мирового рынка услуг промышленного туризма // Управленческий учет. 2023. № 1. С. 315-325. DOI:10.25806/uu1203315-325.
14. Таскаева С.В. Потенциал промышленного туризма на современном этапе // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 6(43). С. 107-112.
15. Ходос Д.В., Салов А.А., Гуляев Г.В. Институциональные аспекты развития промышленного туризма // Экономический вектор. 2023. № 2(33). С. 23-26. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-2-33-23-26.
16. Бугров К.Д., Бурнасов А.С. Цеха гостеприимства; проблемы развития индустриального туризма в уральских городах «второго эшелона» // Управление культурой. 2024. Т. 3. № 3. С. 13-22. DOI: 10.70202/2949-274X-2024-3-3-13-22.
17. Пьянкова С.Г., Тимакова Р.Т. Ноономическая модель развития регионального туризма // Экономическое возрождение России. 2024. № 1(79). С. 100-109. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-100-109.

References

1. Shcherbakova A. (Ed.) (2024) Industrial'nyye parki Rossii – 2024 [Industrial parks of Russia – 2024]. Official website of the Association of Industrial Parks of Russia. 2024. URL: [tps://indparks.ru/upload/iblock/dca/auxlc1f2bwvd_0sandsazsdcqu0vsf1e/%D0%90%D0%98%D0%9F%D0%A0%D0%A4%20%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%202024%20\(pass\)%20sm.pdf](https://indparks.ru/upload/iblock/dca/auxlc1f2bwvd_0sandsazsdcqu0vsf1e/%D0%90%D0%98%D0%9F%D0%A0%D0%A4%20%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%202024%20(pass)%20sm.pdf) (Access date: 02.10.2025)

2. Lysikova O. V., Shalaeva N. V. (2024) Vozrozhdeniye promyshlennogo turizma: ot sovetskogo opyta k sovremennym praktikam v rossiyskikh regionakh [The Revival of Industrial Tourism: From the Soviet Experience to Modern Practices in Russian Regions]. *Service Plus*, 3(18), pp. 76-86. DOI: 10.5281/zenodo.1449 9072.
3. Mikhailova A. S. (2024) K voprosu o detskom i molodezhnom obrazovatel'no-promyshlennom turizme [On the Issue of Children's and Youth Educational and Industrial Tourism]. *Tourism: Law and Economics*, 3, pp. 18-22. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-3-18-22.
4. Kuznetsov V. V. (2024) Sravnitel'nyy analiz struktury i infrastruktury industrial'nykh parkov Privolzhskogo i Ural'skogo Federal'nykh okrugov [Comparative Analysis of the Structure and Infrastructure of Industrial Parks of the Volga and Ural Federal Districts]. *Problems of Theory and Practice of Management*, 7-8, pp. 190-200.
5. Sukhikh V. V. (2024) Ekonomicheskiye vzglyady V. N. Tatishcheva i A. N. Demidova v kontekste ikh protivostoyaniya po voprosam ural'skoy gornoy promyshlennosti [The Economic Views of V. N. Tatishchev and A. N. Demidov in the Context of Their Confrontation on the Issues of the Ural Mining Industry]. *Historical and Economic Research*, 2(25), pp. 253-286. DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).253-2896.
6. Shakinko I. (2000) Demidovy: istoricheskoye povestvovaniye s portretami [Demidovy: A Historical Narrative with Portraits]. Yekaterinburg: Pakrus Publ. 265 p.
7. Zapariy V. V. (2024) Stanovleniye i razvitiye Sverdlovskaya kak tsentra tankovogo proizvodstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny(1941-1945 gg.) [The Formation and Development of Sverdlovsk as a Center of Tank Production During the Great Patriotic War (1941-1945)]. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 11, pp. 25-29. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.11.16.
8. Timakova R. T., Radygina E. G. (2023) Osobennosti razvitiya promyshlennogo turizma v Ural'skom makroregione [Features of the Development of Industrial Tourism in the Ural Macroregion]. *Service in Russia and Abroad*, 17, 1(103), pp. 67-68. DOI: 10.5281/zenodo.7793311.
9. Muzei voyennoy tekhniki v Verkhney Pyshme [Museum of Military Equipment in Verkhnyaya Pyshma] (2025) Tourister. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/ekaterinburg/museum/15372>.
10. Ibragimov E. E., Skaranik S. S., Verna V. V. (2023) Kompleksnyy podkhod k analizu spetsifiki razvitiya promyshlennogo turizma v Rossii [An Integrated Approach to the Analysis of the Specifics of the Development of Industrial Tourism in Russia]. *Research of Problems of Economics and Finance*, 1,7. <http://doi.org/10.31279/2782-6414-2023-1-7-1-14>.
11. Renking ustoychivosti razvitiya turizma i industrii gostepriimstva v sub'yektakh RF-2023 [Ranking of the Sustainability of Tourism and Hospitality Industry Development in the Constituent Entities of the Russian Federation-2023] (2023) MSU Faculty of Economics. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=104038&p=attachment>
12. Chupina I. P., Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Simachkova N. N., Egorov S. G. (2025) Rol' promyshlennogo turizma kak odnogo iz napravleniy turistichekoy deyatel'nosti v regione Sverdlovskaya oblast' [The Role of Industrial Tourism as One of the Areas of Tourism Activity in the Sverdlovsk Region]. *Moscow Economic Journal*, 1(10), pp. 460-470. DOI: 10.551186/2413046X_2025_10_1_28.
13. Lebedeva O. E., Lebedev K. A. (2023) Tendentsii razvitiya mirovogo rynka uslug promyshlennogo turizma [Trends in the Development of the Global Market of Industrial Tourism Services]. *Managerial Accounting*, 1, pp. 315-325. DOI:10.25806/uu1203315-325.
14. Taskaeva S. V. (2023) Potentsial promyshlennogo turizma na sovremennom etape [The Potential of Industrial Tourism at the Present Stage]. *Bulletin of Science*, 2, 6(43), pp. 107-112.

15. Khodos D. V., Salov A. A., Gulyaev G. V. (2023) *Institutsional'nyye aspekty razvitiya promyshlennogo turizma* [Institutional Aspects of Industrial Tourism Development]. *Economic Vector*, 2(33), pp. 23-26. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-2-33-23-26.

16. Bugrov K. D., Burnasov A. S. (2024) *Tsekha gostepriimstva; problemy razvitiya industrial'nogo turizma v ural'skikh gorodakh «vtorogo eshelona»* [Workshops of Hospitality; Problems of the Development of Industrial Tourism in the Ural Cities of the “Second Echelon”]. *Cultural Management*, 3(3), pp.13-22. DOI: 10.70202/2949-274X-2024-3-3-13-22.

17. Pyankova S. G., Timakova R. T. (2024) *Noonomicheskaya model' razvitiya regional'nogo turizma* [Noonomy Model of Regional Tourism Development]. *Economic Revival of Russia*, 1(79), pp. 100-109. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-100-109.

S. G. Pyankova³, R. T. Timakova⁴. The Industrial Code of the Region in the Formation of Tourist Identity: Retrospect, Patriotics, Noonomy. In the context of the industrial development of society, the tourism industry is subject to the influence of basic economic laws. There is an interest in active types of tourism, which include industrial tourism, combining the possibilities of educational tourism with elements of patriotic tourism. The development of industrial tourism is determined by the peculiarities of the economic development of certain territories. The Sverdlovsk Region, which is part of the Ural Federal District and one of the industrially developed regions with a history of mining industry development during the Demidov period, which only intensified during the Great Patriotic War as a result of the evacuation of industrial enterprises to the Urals. According to the ranking of tourism sustainability by regions, it ranks 6th at an advanced level and is included in the Greater Urals – the scheme of spatial planning. Industrial tourism is based on the historical development of the territories, patriotic attitude towards domestic enterprises and their products, as well as the advancement of innovative industrial technologies, which allowed the Ural brand to gain a foothold in the region. Currently, the potential of industrial parks is being actively used, primarily in the Brown-field category based on the existing industrial heritage. The indicators of the effectiveness of industrial tourism development are comparable to the general trends of industrial development in the region. The noonomy model of regional tourism development is characterized through the “inverted” pyramid of needs of A. Maslow.

Keywords: industrial tourism, industrial parks, investments, the Great Urals, performance indicators, noonomy

³ *Svetlana G. Pyankova*, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State Economic University, Deputy Head of the Noonomy Scientific and Educational Center (62/45 8 Marta ul. /Narodnoy Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia), Doctor of Economics Sciences, e-mail: pyankovag@usue.ru

⁴ *Roza T. Timakova*, Associate Professor, Professor of the Department of Tourism Business and Hospitality, Professor of the Department of Biotechnology and Engineering, Ural State Economic University (62/45 8 Marta ul. /Narodnoy Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia), Doctor of Technical Sciences, e-mail: timakrt@usue.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-105-119

А. О. Безруков¹, Д. Ю. Байдаров², Д. Ю. Файков³

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

На основе анализа основных тенденций мирового развития сформулирована гипотеза о возможности расширения концепции технологического суверенитета на группу заинтересованных в этом стран. Цель статьи – обоснование концепции коллективного технологического суверенитета, принципиальная оценка участия и лидерства России в партнерствах, создаваемых на основе этой концепции. Концепция основана на интересе каждого участника партнерства, равноправном сотрудничестве, стабильности взаимодействий. Проведен анализ концепции с применением институционального, политического, безопасностного, технологического, идеологического подходов, показавший ее непротиворечивость и возможность использования. Предложено и пояснено определение коллективного технологического суверенитета. Выделены базовые принципы коллективного технологического суверенитета: преимущественное использование созданных в государствах-членах партнерства технологий; возможность владения и использования таких технологий всеми членами партнерства; защита технологического пространства партнерства от внешних конкурентов; технологическое сотрудничество с дружественными государствами. Обозначены объективные сложности формирования коллективного технологического суверенитета, связанные с внутренними и внешними причинами и основные средства противодействия им. На основе анализа позитивных и негативных предпосылок выявлено, что для Российской Федерации существует возможность стать инициатором и лидером партнерств, основанных на концепции коллективного технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет, технологическое лидерство, технологическая независимость, международные партнерства, технологические платформы.

УДК 330.352

Введение

В статье вводится и объясняется понятие коллективного технологического суверенитета, которое сформировалось на основе анализа тенденций, создающих современный мирохозяйственный уклад. Коллективный технологический суверенитет – это,

¹ *Андрей Олегович Безруков*, президент Ассоциации экспорта технологического суверенитета (127055, РФ, Москва, ул. Бутырский Вал, д. 68/70), e-mail: ab@techexport.org

² *Дмитрий Юрьевич Байдаров*, директор департамента поддержки новых бизнесов Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (119017 г. Москва, ул. Большая Ордынка, 24), канд. юрид. наук, e-mail: d_baydarov@mail.ru

³ *Дмитрий Юрьевич Файков*, ведущий специалист ФГУП «Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики» (607188, РФ, Саров, пр. Мира, 37), д-р экон. наук, доцент, e-mail: cat1611@mail.ru

в большей степени, теоретическая, концептуальная конструкция, однако ее принципы могут использоваться и для практических решений. Например, похожие принципы положены в основу сотрудничества России и Белоруссии.

Идеи, лежащие в основе концепции коллективного технологического суверенитета, появились не сегодня. Перестройка мирохозяйственной системы, выстраивание новой конфигурации межстрановых взаимодействий, склоняющейся к блоковому развитию, повышающаяся роль технологий в изменениях общественных отношений требуют теоретического осознания и практического оформления, научно обоснованного взгляда в будущее, что и закладывается в данную концепцию.

Россия за последние несколько столетий никогда не была третьестепенной страной. Значительные ресурсы, разная степень независимости и лидерства, собственное понимание мира, наличие большего или меньшего количества дружественных стран в разные периоды истории становились «раздражителями» для ведущих империалистических держав. Современная ситуация показывает, что принципиально во взаимоотношениях ничего не изменилось. Самостоятельность обеспечивается собственной силой – экономической, политической, научной, военной. Но чтобы в сегодняшних условиях развиваться на равных с ведущими экономиками мира, ресурсов и объема рынка одной страны недостаточно. Необходимо взаимодействие с государствами, которые, так же как и Россия, не хотят технологической, а, следовательно, и экономической и политической зависимости от нынешних «гегемонов». Идея, которая может лежать в основе такого взаимодействия – технологический суверенитет. Гипотеза исследования состоит в том, что расширение концепции технологического суверенитета возможно на группу заинтересованных в этом стран. Цель статьи – обоснование концепции коллективного технологического суверенитета, принципиальная оценка участия Российской Федерации в партнерствах, создаваемых на основе этой концепции.

Обзор литературы

Современные изменения, происходящие в мировом сообществе – переход к регионализации, многополярному мироустройству и др. связываются учеными с развитием технологий [1], с переходом в новый технологический уклад [2]. Нынешнее состояние, в котором лидерство на высокотехнологичных рынках принадлежит США и Китаю, и их крупнейшим корпорациям [3], усиливает неравенство [4] и порождает новые смысловые и идеологические течения, влияющие на экономико-политические отношения: технологический суверенитет [5]; технонационализм [6]; уход от догмы либеральной глобализации [7], мировоззренческая безопасность [8] и пр. Технологический суверенитет стал рассматриваться как одна из парадигм развития и российской экономики, несмотря на относительно неоднородное понимание этого термина отечественными учеными [9]. Анализируя разные аспекты технологического суверенитета – наличие критических технологий и производителей [10], реализацию национальных интересов и безопасности [11] и т.д., исследователи пока еще относительно мало внимания уделяют следующему шагу, а именно, использованию принципов технологического суверенитета в формировании межгосударственных блоков и партнерств в рамках многополярного

мира. Уже сейчас необходимо закладывать теоретические основы будущего мироустройства, в котором Россия объективно должна быть одним из лидеров.

Методические аспекты

Понятие коллективного технологического суверенитета исследовано с применением институционального, политического, безопасностного, технологического, идеологического подходов. Статья является продолжением исследований авторов в области технологического суверенитета [12], технологического лидерства [13], технологического сотрудничества и равноправия [14]. Соответствующие термины используются в статье в понимании, приведенном в указанных работах. Технологический суверенитет может пониматься как концепция, если исследуется с теоретической точки зрения, или как политика, если используется для нормотворческих целей. В статье речь идет о его теоретическом, концептуальном смысле, при ином использовании термина делается соответствующая оговорка.

Под термином «партнерство» понимается объединение государств без описания конкретной формы такого объединения, то есть рассматривается как модель, принципиальная конструкция. В ряде случаев акцентируется внимание на приоритете сотрудничества именно в технологической сфере, такие партнерства называются техно-экономическими.

Понятие «*технологическая платформа*» в статье используется в широком смысле, как набор технологий в одной или нескольких связанных областях, включая критические, сквозные и формирующие максимально полные технологические цепочки, на основе которых создаются высокотехнологичные продукты, а также набор технологических и правовых стандартов и правил, регулирующих использование этих технологий и продуктов, созданных на их основе.

Текущие тенденции

Изменения в геоэкономическом и геополитическом пространствах. К существенным изменениям, которые сегодня становятся основой политики отдельных государств и объединений можно отнести смену мирохозяйственного и технического укладов; политизированность мировой экономики; наличие стран (США и Китая), компании которых занимают в ключевых высокотехнологичных отраслях доминирующие положения на мировом рынке; постепенное движение к многополярному миру и пр. [13].

В историческом плане стоит отметить две тенденции, демонстрирующие перераспределение ролей в мире: выход на лидирующие позиции и в экономике, и в политике Китая, страны, которая в предыдущие века не входила в группу мировых лидеров; создание объединения (БРИКС), претендующего на роль регулятора мирового уровня, без участия «старых» центров силы – США и стран Европы. Деятельность БРИКС может стать прецедентом для формирования партнерств без участия «старых гегемонов», без использования их финансовой и технологической базы.

Изменение международного права. Процессы регионализации, формирования новых партнерств предопределяются и изменениями, происходящими в международном праве. Основанное на равноправии государств и добровольных договоренностях, во

второй половине XX века оно получило значительное развитие – приняты многосторонние соглашения, созданы международные организации, в том числе, система ООН и т.д. Однако в последние годы страны «коллективного Запада» стали заменять сложившиеся нормы международного права некими «правилами»⁴. Принципы, заложенные в системе международного права, постепенно утрачивают сдерживающие функции, разрушается создаваемая десятилетиями система «сдержек и противовесов» [1]. Появилась еще одна тенденция – замена многосторонних соглашений на двусторонние «сделки» (договоры), заключаемые под определенным давлением сильной стороны. То есть, с одной стороны, разрушается система права, основанного на многосторонних соглашениях, с другой стороны, легализуется «право сильного». Такие «нововведения» с большой долей вероятности усилят внимание государств к идеям суверенитета во всех его формах.

Новое понимание обороноспособности. Прокси-, кибер- и прочие обозначения новых угроз и войн основаны не на иллюзиях фантастов, а на анализе и понимании существующей и перспективной ситуации. В соответствии с этими угрозами должна строиться и обороноспособность государства. Ее базовыми элементами, кроме вооружения и вооруженных сил, являются критическая инфраструктура, информационная сфера, производство (и не только оборонно-промышленный комплекс), органы государственного управления и пр. Необходимо формирование интегрированного «военно-гражданского» народного хозяйства⁵, способного обеспечивать гарантированную обороноспособность с учетом новых угроз и динамичное развитие экономики и общества.

Технологии и платформы. Сегодня технологии стали одним из ключевых элементов не только национальной безопасности [15], но и геополитической конкуренции [1]. В этом контексте речь чаще идет о критических технологиях, однако важны не только они, но и базовые технологии, и перспективные технологии. Особое внимание уделяется информационно-коммуникационным технологиям [2], поскольку они сопровождают все иные производственные технологии и процессы и объединяют их в единые производственные цепочки; являются основой технологических платформ, которые формируют технологическое лидерство государства [10].

Одно государство – две экономики. Эффект известный, характерен для многих стран, прежде всего, США и государств, зависящих от экспорта. Одна экономика – это внешняя, ориентированная, часто исключительно, на мировой рынок. Американская внешняя экономика (часто называемая «вторая экономика») – это зарубежные подразделения американских ТНК, финансовые, информационные и подобные институты, ориентированные на глобальный рынок. Внутренняя экономика – это промышленность на территории США, интересы которой сосредоточены преимущественно на национальном рынке, или на классических экспортных операциях. У этой экономики значительно меньшие масштабы; «приземленные» в географическом, социально-экономическом плане, интересы [15]. Внутренняя экономика зачастую требует протекционистской политики, внешняя – открытости. Ситуация с разделением экономик, наблюдается и в

⁴ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 05.10.2023 <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 15.08.2025)

⁵ Используется, как государственная политика в Китае, в таком же ключе поставлена задача и Президентом Российской Федерации. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77222> (дата обращения: 04.08.2025)

экспортоориентированных странах, в том числе, в Российской Федерации. Двойственность экономики и соответствующей ей политики создает разногласия между носителями их интересов. С точки зрения перспективного развития, формирования технологического суверенитета требуется внимание к обеим частям экономики – страна не может стать технологическим лидером, если у нее нет развитой внешней экономики, которая базируется на собственных технологиях, разработках и оборудовании, то есть на развитой внутренней экономике.

Особенности совместного развития государств

Абсолютное большинство государств не могут в одиночку не только занять и удержать лидерские позиции, но и сохранить свою технологическую независимость и суверенитет. Даже государствам-гегемонам необходимо увеличение внутреннего экономического пространства, чтобы сохранять свое лидерство, необходимы партнерства. Они могут развиваться по-разному, принципиальными в любом случае видятся несколько моментов:

1. Желание государств вступить в партнерство. Должны быть явно видны выгоды от этого.

2. В партнерстве должен быть сильный лидер. Он обеспечивает и развитие, и безопасность.

3. В партнерстве должны быть постоянные, понятные, интересные для всех сторон взаимодействия.

4. Для экономических партнерств необходима длительность и стабильность, поскольку участие в них предполагает перестройку внутренних норм, правил, возможно, инфраструктуры, производственных цепочек и пр.

Исходя из логики и истории формирования партнерств, они могут включать в себя несколько основных составляющих:

Технологии и платформы. Зависимость от чужих технологий делает страну де-факто несамостоятельной, при отсутствии своих технологий и платформ, она вынуждена быть в орбите влияния владельца технологий, которыми сегодня являются чаще всего США или Китай. Далеко не все государства хотят быть зависимыми от этих «гегемонов», что открывает возможности выхода на рынок и для других государств-владельцев технологий, способствует объединению стран для совместного технологического развития на своей базе.

Рынок. Чтобы технологии появлялись и совершенствовались, они должны реализовываться в виде готовой продукции – необходимы производство и рынок сбыта, желательно «свой», максимально гарантированный. Сегодня можно встретить минимальные оценки, например, рынка микроэлектроники – от 400 млн человек⁶, что, по-видимому, исходит из оценки гарантированных рынков «гегемонов»: для американских технологий – США с основными союзниками, для китайских технологий – сам Китай. Реально необходимый рынок может быть и иного объема, однако, чем он больше, тем больше

⁶ Замглавы Минпромторга Василий Шпак: Таких темпов роста нашей электронной отрасли не было никогда. CNews. 09.04.2024. CNews https://www.cnews.ru/articles/2024-04-09_zamglavy_minpromtorga_vasilij_shpak (дата обращения: 10.08.2025)

у разработчика возможностей вкладывать средства в новые технологии. И это одна из серьезных причин формирования техноэкономических партнерств.

Оборона. Это исторически важный (если не основной) элемент любых союзов и партнерств. Усложнение природы угроз и увеличение скорости передачи информации требуют и более сложной обороны, основанной на современных технологиях, и соответствующей инфраструктуры, не только военной. Для собственно военной обороны нужны современные вооружения, специалисты, умеющие с ними обращаться и обслуживать. Все это приводит к постоянному повышению сложности и стоимости такой обороны.

Ресурсы. Любой из ресурсов – полезные ископаемые, энергоносители, вода, сельскохозяйственные ресурсы, территория, доступность транспортных маршрутов и пр., может стать критическим для жизнедеятельности государства. Особенно, при наличии недоброй воли оппонентов. В рамках партнерств одни государства получают возможность гарантированно приобретать и/или использовать отсутствующие у них ресурсы, другие – иметь гарантированный рынок сбыта и использования своих ресурсов. Для производителя технологий важен доступ к определенным видам ресурсов, таким как редкоземельные металлы, недорогая энергия и пр., которые не у каждого государства есть в достаточных количествах.

Валюта, финансовая система. Один из самых сложных вопросов в объединениях государств. В течение XX века только одно объединение – Европейский Союз, дошло до создания единой валюты. В остальных случаях финансовой основой объединений становилась валюта государства-лидера – чаще всего, доллар США. В общем случае такие партнерства укрепляют валюту страны-лидера.

Философия, общая идея объединения. Партнерство вряд ли состоится, если нет ключевой идеи, которую должен предложить инициатор партнерства и показать ее реализуемость. Кроме общего понимания выгод от объединения, философия партнерства должна включать такие категории, как доверие, равноправие, сотрудничество.

Что понимаем под коллективным технологическим суверенитетом

Приведенные размышления показывают, что к базовым интересам государств при формировании партнерств можно отнести технологическую независимость и обороноспособность, которые обеспечиваются передовыми технологиями и общими ресурсами объединяющихся государств. Такая философия близка к сущности концепции технологического суверенитета, что указывает на возможность ее расширения с одного государства на группу заинтересованных в таком суверенитете стран. Технологический суверенитет – многомерное явление, поэтому стоит отметить основные подходы к его пониманию, которые сложились в отечественной и зарубежной научной литературе.

Политический подход. Основан на понятии «государственный суверенитет», как неотъемлемой характеристики государства [3]. С политической точки зрения технологический суверенитет рассматривается как часть экономического суверенитета страны, который в свою очередь, является составляющей государственного суверенитета [10], он «является расширением и воплощением национального суверенитета в технической области» [16].

Подход с позиций безопасности. Развитие технологий создает новые уязвимости и риски для безопасности. Технологическая безопасность, которую обеспечивает технологический суверенитет, является частью безопасности экономической, и, следовательно, безопасностью национальной⁷. Тесная связь технологической безопасности с глобальным интернет-пространством ставит серьезные вопросы о возможности и способах формирования технологического суверенитета отдельными государствами. Практически прямая зависимость между технологическим суверенитетом и военной безопасностью отмечается, например, в стратегических документах США и ЕС [12].

Технологический подход. Наиболее распространенный подход, лежит в основе официального определения технологического суверенитета в Российской Федерации⁸. Основан на наличии в стране собственных критических (и сквозных) технологий, возможностей для их разработки и использовании в производстве продукции. Критические технологии в большинстве стран-лидеров рассматриваются, как необходимые и для гражданских, и для оборонных отраслей (в США⁹, в ЕС [17], в России¹⁰). При этом не существует единой точки зрения относительно того, все ли ключевые технологии должны быть созданы в государстве или они могут быть разработаны в сотрудничестве с «надежными партнерами» [10].

Идеологический подход. Технологический суверенитет, как базовый принцип, лег в основу идеологии технонационализма, которая появилась в развивающихся и постсоциалистических странах, как ответ на техноглобализацию, проводимую США [18]. Со временем идеология была взята на вооружение уже самими США: экстерриториальное продвижение своих технических стандартов, формальных и неформальных правил; введение санкций и запретов; создание альянсов государств и управлением ими в своих интересах; создание препятствий для расширения влияния других стран и т.д. [10].

Выделим различия между технологическим суверенитетом отдельного государств и объединения государств, исходя из основных подходов к его пониманию.

Во-первых, технологический, идеологический и безопасностный подходы к концепции технологического суверенитета могут быть вполне непротиворечиво распространены на объединение дружественных стран, имеющих четко выраженную философию совместного развития. С политической точки зрения, суверенитет есть свойство самостоятельного государства. Отход от этой позиции изменит суть государства, как исторически сложившегося политико-территориального образования, что, скорее всего, вряд ли возможно в обозримом будущем, хотя попытки этого регулярно предпринимаются [16].

Во-вторых, полностью национальный технологический суверенитет в современном глобализованном киберпространстве создать, скорее всего, нельзя. Без взаимодействия с другими странами технологическое и научное развитие затормозится. Поэтому с точки

⁷ Например, см. Стратегию национальной безопасности РФ, утвержденную Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 10.08.2025)

⁸ Федеральный Закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ. <https://base.garant.ru/411232539/> (дата обращения: 10.08.2025)

⁹ National Strategy for Critical and Emerging Technologies. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/10/National-Strategy-for-CET.pdf> (дата обращения: 20.07.2025)

¹⁰ Федеральный Закон «О технологической политике ...»

зрения технологического и научного развития эффективнее использовать возможности международного сотрудничества, безусловно, с вниманием к вопросам безопасности.

Приведенные размышления позволяют сформулировать определение коллективного технологического суверенитета и дать необходимые пояснения к нему.

Коллективный технологический суверенитет – это такое состояние организованной на основе равноправного добровольного соглашения группы государств (блока, партнерства и пр.), при котором они вместе и по отдельности имеют возможность и способность независимо от внешних по отношению к этой группе воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые по своему уровню развития могут обеспечить геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии, соглашаются на равный доступ каждого участника группы к таким технологиям и преимущественное развитие и использование таких технологий.

Дадим необходимые пояснения к определению:

1) «технологический суверенитет» – это не только наличие или отсутствие каких-то сущностей (технологий, промышленности и пр.), это «состояние» – системная категория, подразумевающая возможность проводить собственную согласованную технологическую политику; наличие объединяющей идеи, которая мотивирует разные государства и группы общества в них – власть, предпринимателей, изобретателей, ученых и пр. – на развитие и использование собственных (в рамках группы государств), а не иностранных (государств, не входящих в группу) идей, технологий и продуктов и т.д.;

2) «группы государств, организованной на основе равноправного добровольного соглашения» – коллективный технологический суверенитет, как политика, может рассматриваться только в рамках формально организованной группы государств, такая группа не может строиться на иных, кроме добровольности и равноправия принципах;

3) «вместе и по отдельности» – процессы, связанные с технологиями, могут происходить в каждом государстве отдельно, могут быть совместными, то есть с участием нескольких или всех государств, результаты этих процессов доступны каждому из государств, входящих в группу (подробнее о совместных механизмах см. [14]);

4) «возможность» производить и использовать технологии подразумевает наличие в одной или нескольких странах группы науки, как фундаментальной, так и прикладной, а также системы трансфера научных знаний в реальный сектор экономики, и наличие механизмов трансфера технологий между странами группы;

5) «способность» – наличие в одной или нескольких странах группы промышленности, которая по своему уровню и объему готова использовать разработанные в рамках группы государств технологии и создавать условия для внедрения передовых технологий или предпосылок для создания такой промышленности; а также наличие процедур, совместных органов и иных институтов, позволяющих формировать и вводить в государствах единые (или согласованные) стандарты, правила, платформы;

6) «независимо от внешних по отношению к этой группе воздействий» – имеется в виду действия государств, не входящих в группу, прежде всего, способствующие дестабилизации коллективных и частных интересов государств группы;

7) «выбирать» технологии – наличие в одном или нескольких государствах группы научно-аналитического и прогнозного аппарата, который способен выделить и оценить ключевые приоритеты научно-технического развития;

8) «создавать» – наличие в одном или нескольких государствах группы организаций и специалистов, способных самостоятельно разрабатывать технологии, а также системы подготовки кадров;

9) «приобретать» – наличие дружественных стран или объединений стран, в том числе, не входящих в группу, разработанные в которых технологии могут быть применены в составе или в качестве критических, без угрозы негативных последствий их использования;

10) «использовать» – наличие в одном или нескольких государствах группы промышленных предприятий, обладающих соответствующими компетенциями и способных применять эти технологии;

11) «продвигать» – распространять технологии не только внутри группы стран, но и продавать их иностранным производителям;

12) «могут обеспечить геополитическое лидерство и преимущества» – подразумевается уровень развития технологий, сопоставимый с лучшим мировым, то есть такой, который может обеспечить лидерство и преимущества любым странам, которые способны их разрабатывать и использовать;

13) «в долгосрочном развитии» – технологический суверенитет можно обеспечить только путем длительного развития, для этого необходимо прогнозирование, задельные научные исследования, технологические разработки и пр.;

14) «соглашаются на равный доступ каждого участника группы к таким технологиям» – необходима выработка институтов, позволяющих государствам группы иметь равный доступ к технологиям, разрабатываемым и используемым внутри группы, защиту таких технологий от субъектов, не являющихся резидентами государств группы, учитывающих интерес авторов к разработке таких технологий [14];

15) соглашаются «на ... преимущественное развитие и использование таких технологий» – это один из базовых принципов технологического суверенитета – использовать преимущественно свои технологии или, при их отсутствии, технологии дружественных стран.

Базовые принципы коллективного технологического суверенитета: преимущественное использование своих, созданных внутри группы, технологий; продвижение их на внешние рынки; достижения принадлежат всем членам группы, все могут ими пользоваться; поддержка интересов авторов разработок всеми государствами-участниками.

Рассмотренное понимание коллективного технологического суверенитета способно обеспечить и внутреннее развитие каждого государства (внутреннюю экономику) и выгодное участие в международных процессах (внешнюю экономику), совместные усилия по продвижению технологий с большей вероятностью, чем усилия одной страны, позволят расширять рынок их применения.

Конструкция коллективного технологического суверенитета, как любая договорная конструкция в международном пространстве, имеет сложности и опасности изменений, иногда очень быстрых и кардинальных. Зависит это и от внутренних причин, и от действий внешних, особенно, недружественных сил. Выделим объективные сложности формирования коллективного технологического суверенитета.

1. Попытки формирования коллективного технологического суверенитета с большой долей вероятности встретят противодействие со стороны «гегемонов» и других сильных игроков, формирующих собственные блоки.

2. Продвижение идей коллективного технологического суверенитета может быть достаточно долгим процессом, требующим постоянного контакта различных групп влияния в государствах – потенциальных членах партнерства. Сотрудничество должно поддерживаться не только пониманием экономической выгоды, но и соответствующей идеологией, которая интересна и воспринимается другими странами.

3. Разнонаправленность интересов государств-участников партнерства, отсутствие системности и адаптивности деятельности властей государств в формировании партнерств. Действия властей во всех странах группы должны быть согласованными и разумными.

К основным принципам противодействия оппортунистическому поведению государств в партнерстве стоит отнести выгодность участия в экономической деятельности, в формировании технологических платформ, наличие сильной идеи.

В рамках статьи не ставится задача оценить все возможные риски коллективного технологического суверенитета и предложить механизмы их минимизации. Это серьезная и объемная задача для научного и экспертного сообщества.

Россия, как инициатор коллективного суверенитета

Теоретическое исследование категории «коллективный технологический суверенитет» может быть интересно для практического применения при формировании отношений Российской Федерации с другими государствами, не относящимися к сегодняшним технологическим «гегемонам». Исходим из того, что в таких партнерствах Россия должна быть инициатором и лидером.

В качестве *предпосылок* лидерской позиции России отметим следующие:

- наличие сильных научных и инженерных школ, умение создавать технологии;
- серьезные заделы, организованное производство в сфере вооружения и военной техники, критической инфраструктуры;
- исторически налаженная обороноспособность, включающая и военный потенциал, и оборонно-промышленный комплекс, не самым худшим образом налаженная оборона в отношении современных форм гибридной войны (по сравнению с некоторыми государствами);
- значительные энергетические мощности и потенциал, наличие многих полезных ископаемых и мощностей для их переработки;
- логистические возможности: маршруты Запад-Восток, Север-Юг, Северный морской путь;
- достаточный опыт развития принципов коллективного суверенитета, включая экономический и технологический, например, с Белоруссией;
- опыт совместной технологической деятельности с разными государствами при строительстве, например, атомных электростанций;
- высокий уровень естественнонаучного образования, расширяющиеся контакты и новые модели образования для иностранных студентов и специалистов.

В то же время, необходимо отметить и проблемные моменты, ряд отсутствующих или недостаточных предпосылок для роли технологического лидера:

- в стране есть не все передовые технологии, хотя, многие из ключевых технологий, пусть не на высшем мировом уровне, но в стране имеются;
- существуют сложности перехода от идеи к производству, недостаточный объем производства, в том числе, в базовых и высокотехнологичных отраслях;
- в России относительно небольшое количество населения, даже по сравнению с сегодняшними «гегемонами»;
- пока в процессе обсуждения находится идеологическая составляющая развития страны, которая, по сути, должна формировать и базовую идею для создания партнерств, философию их совместной деятельности, привлекательные для разных государств;
- в стране пока мало компаний – мировых лидеров, которые необходимы для занятия государством места технологического лидера.

Может ли Россия сегодня стать инициатором и лидером создания партнерств на основе коллективного технологического суверенитета? Исходя из предпосылок, принцип коллективного технологического суверенитета может быть положен в основу реальных политических процессов организации партнерств с лидерством Российской Федерации. Что точно необходимо для реализации такой концепции?

1. Идея, понятная всем странам и общественным группам. Идея должна быть привлекательная, с демонстрацией успеха.
2. Образ «ядра стабильности» в современном «турбулентном» мире. Это может быть хорошим примером для других государств, демонстрирующим успех создаваемой модели общества со стабильным экономическим ростом и стабильными отношениями.
3. Нужен набор инструментов, механизмов и моделей, которые могут быть предложены для формирования партнерств. Как возможные варианты – модель совместного правообладания интеллектуальной собственностью [14], модель компаний-лидеров [13].

Заключение

В заключение вынесем основные выводы исследования, подтверждающие гипотезу о возможности расширения концепции технологического суверенитета на группу заинтересованных стран.

1. Современные тенденции мирового развития создают условия и предпосылки для расширения использования странами концепции технологического суверенитета.
2. Для минимизации технологической зависимости от гегемонов, государства могут использовать концепцию коллективного технологического суверенитета, основанную на интересе каждого участника партнерства, равноправном сотрудничестве, стабильности взаимодействий.
3. Основными принципами коллективного технологического суверенитета являются преимущественное использование созданных в государствах-членах партнерства технологий; возможность владения и использования таких технологий всеми членами партнерства; защита технологического пространства партнерства от внешних конкурентов; технологическое сотрудничество с дружественными государствами.

4. Российская Федерация может стать инициатором и лидером партнерств, основанных на концепции коллективного технологического суверенитета, для этого есть соответствующие предпосылки. Однако есть и сложности, которые в целом известны и принципиально могут быть преодолены при соответствующих усилиях власти и поддержке общества.

Статья, безусловно, носит теоретический характер и предполагает дальнейшие дискуссии и обсуждения, в ходе которых может выработаться не только теоретическая концепция, но и практические инструменты политики в области и государственного, и коллективного технологического суверенитета. Кроме того, результаты такого обсуждения могут дать материал для обоснования обновленной экономической модели страны.

Список литературы

1. Данельян А.А. Становление нового международного экономического правопорядка / А.А.Данельян // Международный правовой курьер. – 2024. – № 3. – С. 27-32. –URL: <https://inter-legal.ru/stanovlenie-novogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-pravoporyadka> (дата обращения: 01.08.2025)
2. Глазьев, С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов / С.Ю.Глазьев // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 93-115. – <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>.
3. Couture, S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? / S. Couture, S. Toupin // New Media & Society. – 2019. – Vol. 21. – No.10. – P. 2305-2322. – <https://doi.org/10.1177/1461444819865984>.
4. Xiaohua, B. The Evolution and Reshaping of Globalization: A Perspective Based on the Development of Regional Trade Agreements / B.Xiaohua, W.Xiaozhuo // China and World economy. – 15 January, 2019. – <https://doi.org/10.1111/cwe.12267> (дата обращения: 12.05.2024).
5. Robles-Carrillo, M. Sovereignty vs. Digital Sovereignty / M.Robles-Carrillo // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – No.1. – Pp. 673-690. – <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.2>
6. Гончарова, К.С. Сравнительный анализ влияния глобальных цепочек создания стоимости на национальные экономики / К.С. Гончарова, А.Г.Шеломенцев, Н.Н. Масюк // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т.16 - №4. – С. 107-126. – DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126
7. Иванов, В.В. Большие вызовы XXI века / В.В.Иванов, Г.Г.Малинецкий // Инновации. – 2020. – №2. – С. 3-13. – doi 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001
8. Миловзорова, М.Н. Аксиологические рубежи обороны системы национальной безопасности: функциональное предназначение / М.Н. Миловзорова // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 10. – С. 100-105. – <https://doi.org/10.24158/fk.2024.10.13>.
9. Потапцева, Е.В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации / Е.В.Потапцева, В.В.Акбердина // Вестник Волгоградского государственного университета. – Экономика. – 2023. – Т. 25 – №3. – С. 5-16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1>
10. Crespi, F. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy / F.Crespi, S.Caravella, M.Menghini, C.Salvatori // Intereconomics. – 2021. – No.6. – Pp.348-354. – DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6
11. Афанасьев, А.А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания / А.А. Афанасьев // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. – № 9. – С. 2377-2394. – doi: 10.18334/epp.12.9.116243

12. Файков, Д. Ю. На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения / Д.Ю.Файков, Д.Ю.Байдаров // Экономическое возрождение России. – 2023. – №1. – С. 67-82. – DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82
13. Безруков, А.О. Технологическое лидерство государства: концептуальное понимание и механизмы формирования / А.О.Безруков, Д.Ю.Байдаров, Д.Ю.Файков // Экономическое возрождение России. – 2024. – №2. – С.75-89. – DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-75-89
14. Полосин, А.В. Технологическое сотрудничество и равноправие, как развитие концепции технологического суверенитета / А.В.Полосин, Д.Ю.Байдаров, Е.М.Абакумов, Д.Ю.Файков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – № 5. – С. 94-112. – DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06
15. Меньшикова, А.М. Экономика в системе национальной безопасности США / А.М.Меньшикова // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – Т. 53. – №1. – С.14-24. – DOI: 10.31857/S2686673023100024
16. Линь, М. Вопрос технологического суверенитета в 21 веке: понятие, особенность и опыт Китая / М.Линь // Право и политика. – 2024. – № 9. – DOI: 10.7256/2454-0706.2024.9.71241
17. Edler, J. Technological Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy: Defining Rationales, Means and Ends. / J.Edler, K.Blind, R.Frietsch, H.Kroll, T.Schubert // Fraunhofer ISI Discussion Papers - Innovation Systems and Policy Analysis. – 2023. – Vol.52. – No.6 – DOI:10.1016/j.respol.2023.104765
18. Manning, R. Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution / R.Manning // Global Asia. – 2019. – Vol. 14. – No. 1. – P.14-21. – https://cs.brown.edu/courses/cs180/sources/2019_03_28_GlobalAsia_Techno-NationalismVs.TheFourthIndustrialRevolution.pdf (дата обращения: 12.08.2025).

References

1. Danel'yan A. A. (2024) Stanovlenie novogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo pravoporyadka. [The Formation of a New International Economic Order]. International Legal Courier, 3, pp. 27-32. URL: <https://inter-legal.ru/stanovlenie-novogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-pravoporyadka> (Access date: 01.08.2025)
2. Glazyev S. Y. (2022) Globalnaya transformatsiya cherez prizmu smeni tekhnologicheskikh i mirokhozyaistvennykh ukладov [Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change]. AlterEconomics, 1 (19), pp. 93-115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.
3. Couture, S. Toupin, S. (2019) What Does the Notion of “Sovereignty” Mean When Referring to the Digital? New Media & Society, 21(10), pp. 2305-2322. DOI: 10.1177/1461444819865984.
4. Bao X., Wang X. (2019) The Evolution and Reshaping of Globalization: A Perspective Based on the Development of Regional Trade Agreements. China and World Economy, 15 January. URL: DOI: 10.1111/cwe.12267 (Access date: 12.08.2025).
5. Robles-Carrillo M. (2023) Sovereignty vs. Digital Sovereignty. Journal of Digital Technologies and Law, 1, pp. 673-690. DOI: 10.21202/jdtl.2023.2
6. Goncharova K. S., Shelomentsev A. G., Masyuk N. N (2023) Sravnitelniy analiz vliyaniya globalnykh tsepochek sozdaniya stoimosti na natsionalnie ekonomiki [Comparative Assessment of Global Value Chains' Influence on National Economies]. MGIMO Review of International Relations, 16 (4), pp. 107–126. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126
7. Ivanov V. V., Malinetskiy G. G. (2020) Bolshie vizovi XXI veka [The Great Challenges of the 21st Century]. Innovations, 2, pp. 3-13. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001

8. Milovzorova, M. N. (2024) Aksiologicheskie rubezhi oboroni sistemi natsionalnoi bezopasnosti: funktsionalnoe prednaznachenie [Axiological Defense Lines of the National Security System: Functional Purpose]. *Society: Philosophy, History, Culture*, 10, pp.100-105. doi:10.24158/fik.2024.10.13
9. Potaptseva E. V., Akberdina V. V. (2023) Tekhnologicheskiy suverenitet: ponyatie, sodержanie i formi realizatsii [Technological Sovereignty: Concept, Content, and Forms of Implementation]. *Journal of Volgograd State University. Economics*, 25 (3), pp. 5-16. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1
10. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021) European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics*, 6, pp. 348-354. DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6
11. Afanasyev A. A. (2022) Tekhnologicheskiy suverenitet kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya [Technological Sovereignty as a Scientific Category in the Contemporary Knowledge System]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 12 (9), pp. 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243
12. Faykov D. Y., Baydarov D. Y. (2023) Na puti k tekhnologicheskomu suverenitetu: teoreticheskie podkhodi, praktika, predlozheniya [Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions]. *Economic Revival of Russia*, 1, pp. 67-82. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82
13. Bezrukov A. O., Baydarov D. Y., Faykov D. Y. (2024) Tekhnologicheskoe liderstvo gosudarstva: kontseptualnoe ponimanie i mekhanizmi formirovaniya [State Technological Leadership: Conceptual Understanding and Formation Mechanisms]. *Economic Revival of Russia*, 2, pp.75-89. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-75-89
14. Polosin A. V., Baydarov D. Y., Abakumov E. M., Faykov D. Y. (2023) Tekhnologicheskoe sotrudnichestvo i ravnopravie, kak razvitie kontseptsii tekhnologicheskogo suvereniteta [Technological Cooperation and Equality as the Development of the Concept of Technological Sovereignty]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 16 (5), pp. 94-112. DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06
15. Menshikova A. M. (2023) Ekonomika v sisteme natsionalnoi bezopasnosti SShA [Economics in the U.S. National Security System]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 53 (10), pp. 14-24. DOI: 10.31857/S2686673023100024
16. Lin M. (2024) Vopros tekhnologicheskogo suvereniteta v 21 veke: ponyatie, osobennost i opit Kitaya [The Issue of Technological Sovereignty in the 21st Century: The Concept, Features and Experience of China]. *Law and Politics*, 9, pp. 20-39. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.9.71241
17. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kroll H., Schubert T. (2023) Technological Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy: Defining Rationales, Means and Ends. *Fraunhofer ISI Discussion Papers. Innovation Systems and Policy Analysis*, 52 (6), DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765
18. Manning R. (2019) Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution. *Global Asia*, 14 (1), pp. 14-21. URL: https://cs.brown.edu/courses/cs180/sources/2019_03_28_GlobalAsia_Techno-NationalismVs.TheFourthIndustrialRevolution.pdf (Access date: 12.08.2025).

A. O. Bezrukov¹¹, D. Y. Baydarov¹², D. Y. Faikov¹³. Collective Technological Sovereignty: Opportunities for Russia. Based on the analysis of the main trends in global development, a hypothesis has been formulated about the possibility of extending the concept of technological sovereignty to a group of interested countries. The purpose of the article is to substantiate the concept of collective technological sovereignty, as well as a fundamental assessment of Russia's participation and leadership in partnerships based on this concept. The concept is built on the interest of each party in the partnership, equal cooperation, and stable interactions. The analysis of the concept using institutional, political, security, technological, and ideological approaches has been carried out, showing its consistency and the possibility of use. The definition of collective technological sovereignty is proposed and substantiated. The basic principles of collective technological sovereignty are highlighted; i.e. preferential use of technologies created in the member states of the partnership; the possibility of ownership and use of such technologies by all partnership members; protection of the partnership's technological space from external competitors; technological cooperation with friendly states. The objective difficulties of the formation of collective technological sovereignty related to internal and external causes and the main means of countering them are outlined. Based on the analysis of positive and negative prerequisites, it is revealed that there is an opportunity for the Russian Federation to become a pioneer and a leader of partnerships based on the concept of collective technological sovereignty.

Keywords: technological sovereignty, technological leadership, technological independence, international partnerships, technology platforms.

¹¹ *Andrey O. Bezrukov*, President of the Technological Sovereignty Exports Association (68/70 Butyrsky Val ul., Moscow, 127055, Russia), e-mail: ab@techexport.org

¹² *Dmitriy Y. Baydarov*, Director of the Department of Support for New Businesses, Rosatom State Atomic Energy Corporation (24 Bolshaya Ordynka ul., Moscow, 119017, Russia), Candidate of Legal Sciences, e-mail: d_baydarov@mail.ru

¹³ *Dmitriy Y. Faikov*, Leading Specialist at the Federal State Unitary Enterprise Russian Federal Nuclear Center All-Russian Research Institute of Experimental Physics (37 Mira pr., Sarov, Nizhny Novgorod Oblast, 607188, Russia), Doctor of Economics, Associate Professor, e-mail: cat1611@mail.ru

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-120-139

А. И. Быков¹, А. Н. Цацулин²

ОФСЕТНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В СИСТЕМЕ МЕР ПО ГАЗИФИКАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается юридико-технический потенциал офсетной сделки как стратегического инструмента для решения задачи газификации отечественных промышленных объектов в условиях ограничений, введённых уже 19 пакетами санкций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения энергетической независимости и устойчивого развития российских предприятий в резко изменившемся внешнеэкономическом контексте. Авторы обзорного материала анализируют правовую природу офсетных соглашений, их преимущества в части синхронизации интересов государства (как гаранта платёжеспособного спроса) и бизнеса разной формы собственности (как инвестора и исполнителя) особенно на фоне тех процессов, что происходят на мировом газовом рынке среди стран, добывающих и потребляющих данный энергоноситель. Особое внимание уделяется механизму, позволяющему локализовать производство газового оборудования и строительство инфраструктуры в обмен на долгосрочные государственные контракты. Доказывается, что данная модель взаимодействий экономических субъектов способна поддержать газовую отрасль, стать катализатором импортозамещения, стимулировать межрегиональную кооперацию, развитие инновационных прикладных технологий и обеспечить прогнозируемый спрос на энергоресурсы. В работе также идентифицируются ключевые риски и административные барьеры, сдерживающие широкое применение офсетов, и предлагаются практические рекомендации по адаптации данного института для ускоренной газификации реального сектора экономики. Материал может представлять интерес для представителей органов власти, руководителей промышленных предприятий и экспертов в области энергетики и государственно-частного партнёрства. Заключение статьи сопровождается рядом выводов, иллюстрированных примерами.

Ключевые слова: газификация и догазификация, офсетный договор, санкционное давление, газовый производственный кластер, подземное газовое хранилище, азиатский вектор интересов.

¹ *Алексей Игоревич Быков*, главный специалист отдела по работе с регионами ООО «Газпром межрегионгаз» (197110, РФ, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, 24, литер А), канд. экон. наук, e-mail: ibogatyrev@yandex.ru

² *Александр Николаевич Цацулин*, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199034, РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43), д-р экон. наук, профессор, e-mail: vash_64@mail.ru

Введение

«Если мир наложит санкции на Россию – она утрётся. Если Россия наложит санкции на мир – он утонет».
М. Тэтчер, 71-й премьер-министр Великобритании

Число санкций и ограничений против России после принятия Европейским союзом (далее по тексту – ЕС) 19-го пакета уже превысило 30 тысяч позиций, что признано в качестве абсолютного мирового рекорда в номинации губительная вредоносность. При этом начата уже подготовка к 20-му пакету. Вредность рестрикций для любой национальной экономики всегда очевидна, но не всегда губительна. Тем не менее, безответственное к ним отношение, касаемых, в частности, отечественной нефтегазовой отрасли, недопустимо, и требуется оперативное принятие ответных мер, как симметричных, так и вполне асимметричных.

В ряде последних журнальных публикаций авторы данного материала уже обращали внимание на необходимость использования образовавшихся излишков добываемого природного газа для многоцелевой газификации / догазификации отечественных промышленных предприятий разных отраслей, что никак не мешает полноценному выполнению Программы социальной газификации страны [1].

В настоящее время группой Компаний (далее по тексту – ГК) ПАО «Газпром» и ООО «Газпром межрегионгаз» реализуется масштабная Программа социальной газификации страны, в рамках которой уже подано более 1,4 миллиона заявок на создание технической возможности подключения к газораспределительным сетям домовладений, квартир, котельных, социальных и промышленных объектов [2]. При этом количество поданных заявок на создание технической возможности подключения к газораспределительным сетям именно промышленных объектов как новых, так и расширяющихся предприятий отраслей реального сектора экономики крайне мало и исчисляется, что официально подтверждено, лишь десятками единиц.

В решении проблем, во-первых, низкой заинтересованности бизнеса в подаче заявок на газификацию своих промышленных предприятий и своевременной реализации инвестиционных проектов и, во-вторых, преодоления реальной боязни завышенных финансовых рисков участия в таких проектах, ГК может стать инициатором новой программы «промышленной газификации». Такая инициатива, по существу, заложена в идеологию и механизм нового подхода, использующего почти не задействованный ранее в экономических отношениях хозяйствующих субъектов новаторский организационный принцип взаимодействия.

Этот принцип по-своему креативен и близок к известному сценарию кооперации в схемах предпринимательского партнёрства – В2В, но в чуть более усложнённом варианте (см. схему рис. 1), однако под неусыпным государственным контролем с имплантацией в схему существенных элементов конструкции государственно-частного партнёрства (далее – ГЧП)³ [3, 12] и в духе нарратива концессионных соглашений [10]. Сам

³ Существенные элементы конструкции классического ГЧП и отдельные признаки т. н. квази-ГЧП, вносимые в схему офсетной сделки, касаются особенностей распределения оценённых рисков →

механизм этого подхода [16] целиком вписывается в непривычную пока форму долгосрочного коммерческого контракта в терминах так называемой *офсетной сделки*.

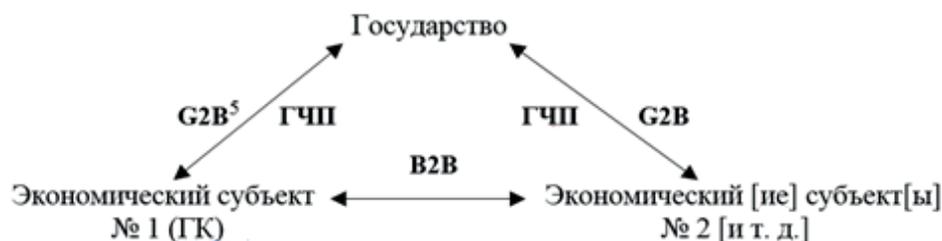

Рис. 1. Возможная схема взаимодействий экономических субъектов и государственных органов в рамках офсетной сделки. Предложено авторами статьи

Проблема, цели и задачи исследования

В интерпретации термина-новояза авторами данной статьи *Офсетная сделка* (договор, контракт, соглашение, трансакция и т. д.) представляет собой, по сути, согласие государства на жизнеспособность набора встречных обязательств инвестиционного характера, по которому один исполнитель в лице поставщика обязуется с использованием инвестиций создать и/или модернизировать собственное производство [9]. Другой исполнитель в лице другого поставщика обязуется обеспечить надлежащие условия проведения создания и/или модернизации этого производства, оказания соответствующих услуг для проведения этих процессов при рачительном использовании средств инвестирования первого участника в эти процессы.

А государство, в свою очередь, исполняя роль демиурга этой сделки в качестве её созидательного начала и её модератора гарантирует безостановочное осуществление всех договорённостей, вариативный сбыт готовой продукции, произведённых работ, оказанных услуг с площадок обновлённого производства [13, 14], – всего того, что обладает подтверждённым и предельно высоким показателем локализации⁴, разумеется, на достаточно длительный период времени – от 3 до 10 лет и более.

Несмотря на громоздкость оформления заявленной дефиниции, в ней учтены на сегодняшний день практически все важные моменты организационно-экономического и юридико-технического порядка, что придаёт обсуждаемой здесь офсетной сделке статус взаимодействия почти универсального характера в чрезвычайно сложных условиях хозяйствования под заметным санкционным давлением.

Основные цели реализации запускаемой программы таких офсетных сделок в отечественной газовой отрасли сводятся к поиску путей реальной поддержки российского

→ между договаривающимися сторонами и связаны с обобщённой практикой законодательного регулирования последних лет.

⁴ Согласно Постановлению Правительства РФ от 17.07.2015 № 719 (в редакции от 18.09.2025 г.) «О подтверждении производства российской промышленной продукции». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183175/ (дата обращения: 31.10.2025).

бизнеса, к осуществлению политики активного импортозамещения [8], к разработке сценариев масштабного привлечения инвестиций из отдельных и комбинированных источников, к созданию инновационных прикладных технологий, перспективных производств и новых рабочих мест, к формированию производственных кластеров, к возрождению и совершенствованию инфраструктуры и производительных сил Сибири, Дальнего Востока, к закреплению народонаселения и инженерных кадров за территориями Крайнего Севера.

Решение конкретных задач в рамках данного исследования, позволяющих достигать формулируемые цели, должно быть тесно увязано с результатами поступательного развития цифровой экономики, с достоверным измерением растущих внутренних потребностей страны в энергетических ресурсах и принципиально новых возможностей генерации электроэнергии, с рациональным и крайне осторожным использованием потенциала искусственного интеллекта (далее – ИИ) в стадии его становления, но уже сейчас требующего гигантских потребностей в электричестве, позволяющих не отставать в гонке ИИ, с укреплением технологической независимости и реализации твёрдой политики импортозамещения.

В рамках уже действующей программы «промышленной газификации/догазификации» при поступлении официальной заявки на создание технической возможности подключения к газораспределительным сетям (далее – ГРС) нового или модернизируемого промышленного объекта, от имени ГК предлагается такому инициатору-инвестору заключить офсетную сделку. Конкретные особенности договорённости сторон заключаются в обязанностях инвестора за счёт заёмных средств построить или модернизировать газопровод, а при необходимости также и газораспределительную станцию, к своему инвестиционному объекту (далее – газопровод инвестора). В свою очередь, ГК обязуется выкупить газопровод инвестора путём банковского каверинга тела кредита на строительство газопровода инвестора, но уже после ввода такого газопровода в эксплуатацию и начала газовых поставок по нему.

Инвестор, заявивший в ГК о своём намерении реализовать согласованный инвестиционный проект и подписавший направленный ему офсетный договор, представляет такой договор в уполномоченный банк для последующего одобрения и получения специального кредита под строительство и/или модернизацию газопровода инвестора. Итогом документальной работы инвестора с банком станет одобрение со стороны последнего двух кредитов для инвестора: одного для строительства и/или модернизации газопровода инвестора и второго, для строительства и/или модернизации собственно промышленного предприятия инвестора. При этом, кредит под строительство и/или модернизацию газопровода инвестора при содействии Правительства РФ (необходима детальная проработка такого отдельного механизма) может выдаваться по льготной процентной ставке, по аналогии с льготной ипотекой, на уровне 5-6% годовых [4].

Таким образом, для ГК обнуляется коммерческий риск невозвратности инвестиций [11], поскольку действие конкретного механизма исключает необходимость для ГК непосредственно строить или модернизировать за счёт собственных средств потенциально невостребованный газопровод. Такие ситуации возможны на практике, так как инвестиционные проекты, особенно инфраструктурные, часто остаются лишь «на бумаге», а в оговариваемых случаях необходимость совершать траты денежных средств

в полном объёме на выкуп газопровода инвестора наступает лишь по результатам реализации проекта, т. е. впоследствии.

ПАО «Газпром» в лице ООО «Газпром межрегионгаз» в соответствии с условиями офсетного договора переписывают на себя тело кредита за построенный и введённый в эксплуатацию газопровод инвестора только после начала поставок газа по нему и как следствие начала поступления денежных средств за поставленный газ. Такой подход при реализации крупных инвестиционных проектов также будет выгодным для потенциальных инвесторов.

Отмеченное важное обстоятельство понимается так, что наличие подписанного офсетного договора между ГК и стороной инвестора окажется дополнительным преимуществом последнего и дополнительным предпочтением для уполномоченного банка при рассмотрении инвестиционного бизнес-плана. А итогом сложившихся условий станет положительное решение об открытии безусловно транспарентной кредитной линии для реализации такого инвестиционного проекта.

Заключение таких договоров может стать почти регулярным в рамках различных экономических форумов, конференций, поездок руководства ГК в регионы, иных организационных и представительских мероприятий. При этом основными характеристиками таких договоров могут стать значимые для менеджмента ГК и интересов отечественной экономики в целом технико-экономические показатели, поскольку промышленные предприятия нуждаются и претендуют на потребление сотен миллионов кубических метров природного газа ежегодно.

При активной поддержке запуска программы «промышленной газификации и догазификации» со стороны Администрации Президента и Правительства РФ, количество поступающих заявок на создание технической возможности подключения к ГРС потенциальных промышленных предприятий может вырасти до сотни в год. Как следствие такой активности потенциально возможный объём потребляемого природного газа хозяйствующими субъектами внутри страны может вырасти на те десятки миллиардов кубических метров газа ежегодно, что оказываются сравнимыми с не востребуемыми объёмами странами ЕС. Определить точнее газовые объёмы, потребные для многоцелевой промышленной газификации/догазификации российских предприятий реального сектора экономики, так сказать, их монетизации на местах добычи, является одной из весомых задач исследования авторов.

Что касается порядка формирования расходов и затрат на услуги по газификации предприятия, то они калькулируются индивидуально в ходе подготовки конкретного газификационного проекта в полном соответствии с действующим законодательством [5]. Как правило, на размер предстоящих и будущих расходов/затрат влияет тип выбранной организационно-технологической системы, протяжённость и разветвлённость сетей и линий, количество и мощность подключаемого оборудования, а также другие напрямую анализируемые параметры проектируемого промышленного и энергетического объекта. Обычно исполнение стандартных этапов собственно работ по проектированию подобных объектов занимает до 18 месяцев.

Результаты

Решая текущие задачи промышленной газификации/догазификации, следует понимать, сложившаяся практика в сфере коммерческой логистики, как правило, предусматривает диверсификацию маршрутов поставок любых товаров, включая энергетические носители и готовые продукты переработки, что логически, экономически и организационно вполне оправдано. Так, например, российские экспортные поставки трубопроводного газа в Европу традиционно осуществлялись по трём довольно извилистым маршрутам. А с 2020 года к сложившейся десятилетиями газовой логистике добавился ещё один маршрут с весьма прихотливой архитектурой своего построения – «Турецкий поток».

Однако, когда альтернативный маршрут выбирается рыночным актором не из экономической целесообразности, а диктуется политическими соображениями и ситуационной выгодой, то случиться может всякое [6]. Вот это «всякое» и произошло с решением Астаны (Республика Казахстан) прокачивать часть своей нефти через нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (Турция), пренебрегая традиционным маршрутом через российские нефтяные сети в нарушение действующих долгосрочных контрактов.

Что касается назначения Турецкого потока, то он используется для прокачки непосредственно российского газа в Европу через хаб в Турции, которая отбирает газа больше всех других покупателей российского и иного поставляемого по этому коридору газа. А далее, в условиях известных и вынужденных обстоятельств, уже по Балканскому потоку поставки идут в Грецию, Италию, Словакию, Венгрию, Болгарию, Румынию, вплоть до другого газового хаба уже в Австрии.

Парадоксально, но что-то из этого перекачиваемого газа попадает даже сейчас на Украину через Словакию и Венгрию. По свидетельству авторитетного издания о рынке газа *ExPro Consulting*, этим чем-то оказывается более 70% от общего объёма газа, что закупает Украина в 2025 году, имеющего при этом российское происхождение. Пик поставок из этих стран зафиксирован в июле – 568,8 млн м³. Туда же в условиях СВО российский газ поступает и из пока недружественной нам Молдавии. Такая вот наглядная демонстрация своенравности логистических схем.

Сравнительно недавно, 31.12.2024 года в тестовом режиме была успешно проведена закупка природного газа в Болгарии, на платформе *Balkan Gas Hub*, для АО «Молдовагаз». Количество приобретённого газа составляло 240,0 мегаватт-часов⁵, который был транспортирован по Трансбалканскому коридору через Болгарию, Румынию и Украину до точки межсистемного соединения Кэушаны на границе Молдавии. От себя заметим, что к середине 2025 года накопилась историческая задолженность «Молдовагаз» перед ПАО «Газпром» по обеспечению газа правого берега Днестра в сумме \$709 млн, которая зафиксирована в бухгалтерском учёте российской и молдавской компаний, и никто эту дебиторскую задолженность не аннулировал.

Газопровод «Турецкий поток» необходим для поставок природного газа в Венгрию и Центральную Европу; по нему ежегодно прокачивается до 11,6 млрд м³ российского газа. На протяжении многих лет поток является надёжным транспортным маршрутом, на котором транспортирующие компании и транзитные страны соблюдают свои кон-

⁵ МВт. час – это единица измерения электрической энергии, которая равна энергии, потребляемой устройством мощностью в 1 мегаватт в течение одного часа. Одной из ключевых характеристик этой единицы является её эквивалентность 1 000 кВт-ч (киловатт-часов) или 106 Вт-ч (ватт-часов).

трактные обязательства и ведут себя сравнительно надёжно, с точки зрения цивилизованного рынка в прежнем понимании этого термина. Тем не менее, экспертное сообщество ожидает, что физическая безопасность и непрерывная работоспособность этого логистического коридора будут всеми его кураторами соблюдаться неукоснительно.

Комплексная же проблема безопасности энергоснабжения сводится к вопросу истинного суверенитета страны. Поэтому любые действия, угрожающие российским поставкам энергоносителей куда-угодно, следует рассматривать как посягательство на отечественный суверенитет с вытекающими из этого обстоятельства неотложными мерами противодействия. К сожалению, ответная реакция, как правило, носит не адекватный, не симметричный характер, чему служит множество примеров, демонстрирующих подчас то ли некую «беззубость», то ли благодушие космического масштаба.

При анализе ситуации на газовом рынке уместно обратиться к доступным данным углеводородной статистики Европейского Бюро статистики (Евростат, Брюссель; Home-Eurostat-European Union). Так, за треть века, а именно с 1994 по 2024 гг. общая мировая добыча газа выросла на 95,24%, т. е. почти в два раза, что и отражено столбиковой диаграммой в виде так называемой «распылённой» гистограммы на рисунке 2 с шагом в 10 лет.

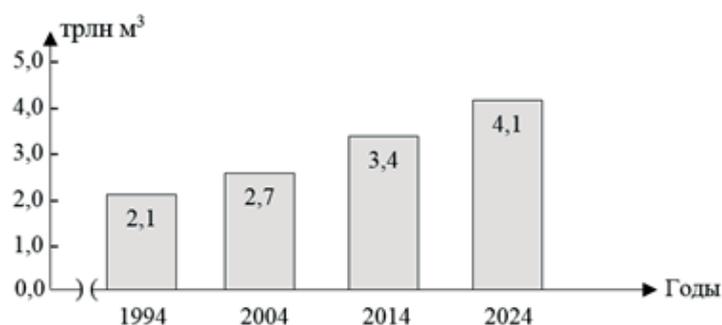

Рис. 2. Динамика объёмов мировой добычи природного газа за 1994–2024 гг., трлн м³.

Источник: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 07.11.2025)

Среди стран-лидеров как в мировой добыче газа, так и в его потреблении значатся, прежде всего наши, в известной мере, партнёры США, Иран и Китай, что зафиксировано итоговыми результатами за 2024 год на рисунке 3. Указанные на схеме лидирующие страны в прошлом году добились совокупно 53% мировой добычи объёмов природного газа, и при этом они же потребили около 50% его объёмов. Но лишь США и Россия из этой четвёрки потребляют внутри стран меньше газа, чем его добывают, что, соответственно, составило по объёмам – на 131,0 и на 153,0 млрд м³.

Однако из стран-лидеров лишь США в 2024 году демонстрируют падение темпов газодобычи на 0,3% по сравнению с предыдущим годом впервые с 2000 года (см. рис. 4). Этот факт может быть объяснён снижением объёмов добычи газа на сланцевой формации *Haynesville*, расположенной в штате Арканзас, в связи с возрастанием затрат на извлечение сланцевых газов агрессивным методом фрекинга и заметным снижением спотовых цен на газ.

Рис. 3. Страны – лидеры по объёму добычи и потребления природного газа в 2024 году, млрд м³. Синим цветом обозначена доля мировой добычи, а красным – мирового потребления.
Источник: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 25.07.2025)

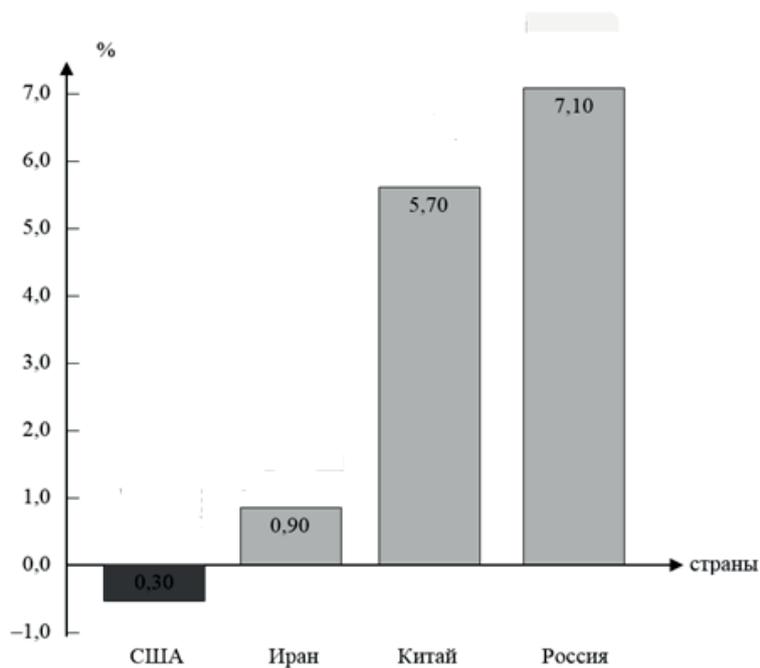

Рис. 4. Показатели темпов прироста годовой добычи природного газа среди лидеров мирового газового рынка, в % 2024 г. к 2023 г.
Источник: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 07.11.2025)

Из оценённых объёмов существенного превышения добычи российского газа в размере 153,0 млрд м³ над его потреблением часть невостребованных на внешнем рынке объёмов по причине массовых рестрикций ЕС может быть использована для промышленной газификации отечественных предприятий, размещённых непосредственно в Сибири, на Дальнем Востоке и на иных многочисленных российских территориях, остро нуждающихся в своём социально-экономическом развитии, в том числе посредством заключения офсетных газификационных сделок.

Обычно, в годы предшествующие СВО, экспорт российского газа составлял чуть более 20% от добываемых объёмов, но если в 2024 году было добыто 685,0 млрд м³, то потреблённым оказалось 514,0 м³. Часть расхождения объёмов пошла на хранение (на пополнение запасов), а остальное на экспорт, включая поставки СПГ, и эта доля 13,27% оказалась заметно ниже предыдущих «тучных лет».

В условиях резкого роста внутреннего энергопотребления в стране в связи с осуществлением цифровизации экономики, созданием центров обработки больших данных (далее – ЦОБД), повсеместным официальным использованием технологий майнинга (т. н. «белый майнинг»), а также с уже состоявшимся запуском программы промышленной газификации, следует крайне важным считать активный поиск дополнительных источников генерации электроэнергии. Соответственно, Энергетическая стратегия РФ предусматривает к 2042 году достичь производства электроэнергии в объёме 88,5 Гвт мощности по всем возможным источникам её генерации⁶.

Всесторонне изучение вопроса повышения доли использования газа в целях электрогенерации является предельно актуальным для российской экономики, поскольку появление излишних объёмов добываемого газа требует их скорейшей монетизации внутри страны как по программам промышленной газификации, так и в рамках программ перевода большинства тепловых электростанций (далее – ТЭС) и теплоэлектроцентралей (далее – ТЭЦ) на экологически чистое газовое топливо и по другим мероприятиям. Удачным примером здесь может служить суверенное государство Иран, десятилетиями находящееся под схожими ограничительными санкциями и использующее собственный природный газ на 15% больше, чем Россия в целях энергопотребления, что и просматривается на рис. 5.

Любопытно, что повышенную заинтересованность профессионального свойства начинают проявлять российские транспортные компании к факту наличия свободных объёмов газа применительно к его использованию в качестве основного топлива для автотранспорта, т. е., по образному выражению представителей Росрезерва, массово «пересесть на газ», такой как этан, метан, пропан-бутан, метанол, водород и прочие горючие газовые разновидности.

Интересна информация прорывного характера от 15.11.2025, предоставленная начальником Департамента ПАО «Газпром» А. Г. Ишковым в СМИ, следующего содержания – на собственной технологической заводской установке получен водород чистотой 99,99%, который непосредственно подходит для использования на водородном транспорте⁷. Эта газовая разновидность получена не путём электролиза воды или пиролиза

⁶ Единица измерения Гига ватт служит показателем измерения электрической мощности, равная 109 ватт.

⁷ <https://globalenergyprize.org/ru/2025/11/15/gazprom-nachal-issledovaniya-prirodnogo-vodoroda/> (дата обращения: 17.11.2025). Опытном производстве водорода по иным технологиям ПАО Газпром обладает с давних пор и ежегодно производит продукта в объёмах 150-200 тыс. тонн.

сероводорода, что гораздо более затратно, а экономным способом пиролиза метана по эффективной технологии проф. А. А. Конопляника [18]. При этом полученный инновационный продукт фактически не содержит углерода, а сопутствующим коммерчески востребованным продуктом в принятой технологии оказывается сера, служащий в свою очередь исходным сырьём для других технологических процессов.

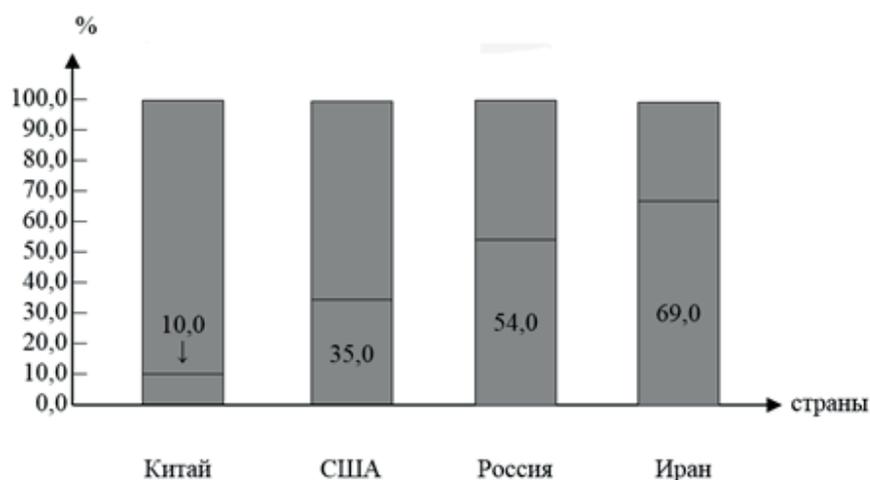

Рис. 5. Доля природного газа в структуре энергопотребления среди мировых лидеров газового рынка в 2024 году, %.

Источник: Energy Institute, London 2025 – [17. 38-47] / (дата обращения: 16.11.2025)

Расчёт средней арифметической взвешенной величины по перечисляемым на рис. 5 четырём странам доля газа в структуре энергопотребления составила около 25%, что может свидетельствовать об использовании добытого, а не закупленного извне газа в качестве исходного сырья, предназначенного либо для дальнейшей промышленной переработки внутри страны (Китай), либо для экспортных поставок (Россия, США). Тем не менее в России, уже за 8 месяцев текущего 2025 года отмечен резкий рост потребления электроэнергии по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, в том числе за счёт её генерации с промышленным использованием газа на отечественных ТЭС и ТЭЦ как новых, так и введённых в эксплуатацию старых объектов после реновации.

Перекрёстное обсуждение

Отечественный топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК) остаётся ключевым сектором промышленности и одним из наиболее привлекательных направлений для инвестиций. Доля ТЭК в Валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) составляет порядка 20%, объём инвестиций по итогам прошлого года оказался близким к 10,5 трлн руб. За счёт роста цен на российскую нефть и относительно устойчивых цен на газ доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете в 2024 г. составила порядка 30%, что

вписывается в намечающийся и ожидаемый долговременный тренд снижения этой доли, в том числе за счёт газовых поставок в страны ЕС, что отражено на рис. 6 за период 2021–2025 г.

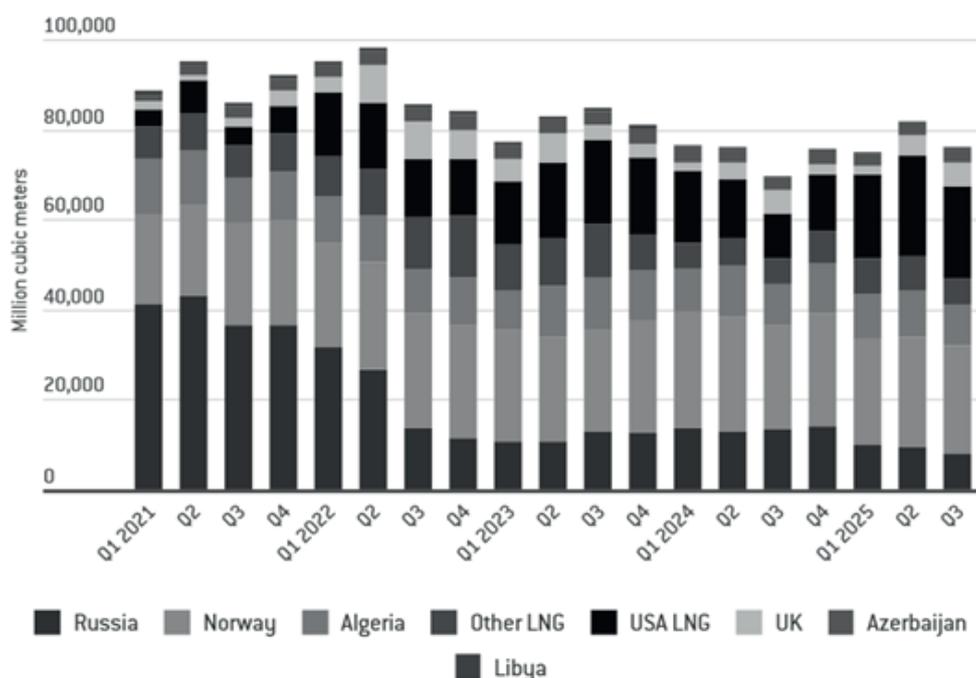

Рис. 6. Поставки газа в ЕС из разных источников с начала 2021 года по октябрь 2025 года, в млрд м³.

Источник данных для построения графика: Energy Institute, London 2025 [17. 40-46] / (дата обращения: 17.11.2025)

По представленной диаграмме можно судить о почти десятикратном снижении российских поставок природного газа на европейскую территорию с начала 2021 года. Но это обстоятельство не должно вызывать каких-либо алармистских настроений, поскольку, как заявил президент России 20.06.2025 года на пленарном заседании ПМЭФ: «Вклад сырьевой составляющей в экономическую динамику нашей страны уже не является определяющим. Более того, он в текущем моменте оказался даже отрицательным».

Хотя самый последний от 19.10.2025 года 19-й пакет санкций в отношении российского газа как трубопроводного, так и СПГ, содержит явные вызовы и очевидные угрозы, национальная экономика к ним готова. Сам же пакет предусматривает, словами У. фон дер Ляйн, следующее: «Мы запрещаем импорт российского СПГ на европейские рынки. Пришло время перекрыть кран. Мы к этому готовы. Мы как никогда раньше экономим энергию, диверсифицировали поставки и инвестировали в низкоуглеродные источники энергии. Сегодня эти усилия приносят свои плоды».

Уже на следующий день 20.10.2025 года ЕС отказался от поставок российского газа и принял резолюцию долговременного действия и во многом неправдоподобного содержания: «Совет согласовал свою позицию на переговорах по проекту постановления о поэтапном отказе от импорта российского природного газа. Это постановление является ключевым элементом дорожной карты *REPowerEU* ЕС по прекращению зависимости от российских энергоносителей в связи с тем, что Россия использует поставки газа в качестве оружия и неоднократно нарушает поставки газа в ЕС, что оказывает существенное влияние на европейский энергетический рынок».⁸

И далее ... «Совет подтвердил, что импорт российского газа будет запрещён с 01.01.2026 года, но при этом будет сохранён переходный период для действующих контрактов. В частности, краткосрочные контракты, заключённые до 17 июня 2025 года, могут действовать до 17.06.2026 года, а долгосрочные контракты – до 01.01.2028 года. Внесение изменений в действующие контракты будет разрешено только в узкоспециализированных операционных целях и не может привести к увеличению объёмов, за исключением некоторых особых возможностей для стран-участниц, не имеющих выхода к морю, на которые повлияли недавние изменения в маршрутах поставок».⁹

По оценкам аналитиков Института национальной энергетики, известных экспертов энергетического рынка А. С. Фролова и Б. Л. Марцинкевича, на рынке импортных поставок СПГ в Европу за 8 месяцев 2025 года общий объём газа СПГ составил 88,8 млрд м³ в пересчёте на регазифицированные объёмы углеводорода¹⁰. При этом поставки российских объёмов в общем объёме достигли 15%, или 13,5 млрд м³ (см. рис. 7 в понедельном разрезе). До конца 2025 года этот объём окажется на уровне 100,0 м³, и среди них 20,0 м³ будут обеспечены российскими поставками. Таким образом, к 2026 году Европа должна отказаться примерно от 22,0–25,0 млрд м³, хотя официальные документы на этот счёт пока не оглашены. Как ожидается, восполнение уходящих объёмов из ЕС будет компенсировано из новых источников добычи в США и Катаре. В ЕС прогнозировалось снижение поставок российского газа ещё в мае 2025 года, а в 2026 году никаких следов таких поставок уже быть не должно.

Сегодня Европа является крупнейшим потребителем американского СПГ США, а его транспортировка и продажа в странах ЕС происходит уже по европейским схемам биржевого ценообразования. При этом компании-трейдеры сами являются рыночными спекулянтами на французской площадке нидерландской виртуальной газовой бирже TTF (*Title Transfer Facility*), которая является ключевым индикатором цен на природный газ в Европе и одним из самых ликвидных хабов в мире.

Энергетическая стратегия РФ напрямую предписывает использование газа для генерации электроэнергии на новых объектах ТЭК, и по информации ТАСС, Минэнерго РФ ожидает, что срочно формирующиеся законопроекты об электроэнергетике страны позволят сократить строительные процедуры при возведении генерирующих мощностей. Запущенные по стадиям утверждения документы одновременно закладывают сводную модель управления стоимостью новых проектов в электроэнергетике. Достоверное

⁸ <https://www.rbc.ru/politics/20/10/2025/68f606a69a7947582a37c2e6/> (дата обращения: 05.11.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Регазифицированный объём газа измеряется после его перехода из СПГ в газообразное состояние, требуемое для подачи в газовые сети. При переходе в иное состояние объём газа увеличивается примерно в 250-270 крат.

и полноценное получение к 2042 году уже отмеченной прогнозируемой совокупной мощности в 88,5 ГВт потребует привлечения инвестиций на сумму более 40,0 трлн руб. непосредственно в развитие базы генерирующих устройств и более 5,0 трлн руб. в развитие системы магистральных электрических сетей [15].

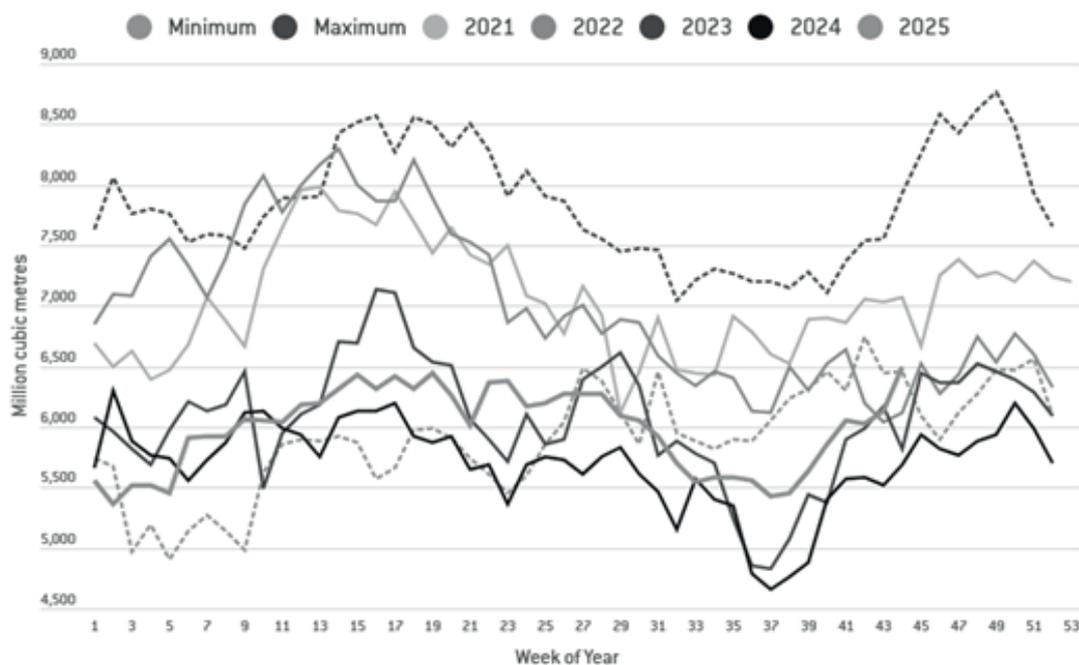

Рис. 7. Динамика поставок общих объёмов СПГ в страны ЕС за 2021–2025 гг., в недельном разрезе, млрд м³.

Источник: Агентство BRUEGEL (от Brussels European and Global Economic Laboratory) <https://www.bruegel.org/dataset/european-natural-gas-imports> (дата обращения: 17.11.2025)

Специально по этим и иным дискуссионным вопросам было проведено совещание по увеличению генерации электроэнергии на Юге России, на котором представители Минэнерго, ПАО «Газпром», крупных генерирующих компаний и властных структур отчитались перед вице-премьером А. Новаком о текущем статусе обеспечения подведомственных территорий и состоянии газовой инфраструктуры, отвечающих требованиям возведения новых генерирующих объектов на юге России. В частности, речь шла о строительстве ТЭЦ в Краснодарском крае и в Республике Крым общей мощностью 2,25 ГВт.

По информации же аналитиков Минэнерго, потребность юга России в газе для новой генерации составит порядка 4,0 млрд м³ в год. А представители ПАО «Газпром» уточнили свою позицию в том смысле, что новая генерация потребует расширения уже двух действующих газопроводов, но с обязательной привязкой к той локализации, которая содержит семь выбранных земельных участков для строительства ТЭЦ. Лишь

после этого профильные специалисты приступят к составлению плана-графика предстоящих работ.

Например, основой для газификации Мурманской области станет магистральный газопровод (далее – МГ) Волхов–Мурманск, строительство которого на 40 млрд м³ годовой мощности прокачки началось в 2025 году и от которого отходят первоочередные газопроводы-отводы с ГРС, а также межпоселковые и внутрипоселковые газопроводы. На первом этапе до конца текущего года будет создана возможность перевода на сетевой газ 24 региональных объектов теплоснабжения, в том числе Апатинскую ТЭЦ ПАО «ТГК-1», объекты АО «Мурманская ТЭЦ» и др. До 2036 года, согласно комплексного плана развития локальной инфраструктуры, будут реализованы остальные этапы, предусматривающие 100% газификацию всего Кольского полуострова.

Сегодня ещё вполне допустимо заключение Арктического соглашения между США и Россией, которое по достигнутым результатам Аляскинского саммита сможет состояться, что позволит в лишь известной степени породить в небывалых размерах энергетическое сотрудничество между двумя странами, а это, в свою очередь, будет способствовать нормализации торгово-экономических отношений и снятию ограничительных санкций, хотя бы со стороны США.

Гипотетически возможная сделка обещала быть чрезвычайно выгодной для обеих сторон, поскольку, по сведениям аналитика британского журнала “*The Spectator*” от 11.08.2025 Джеймса Тидмарша (*Tidmarsh, James*), в Арктике сосредоточено 13,0% неразведанных мировых запасов нефти, оцениваемых примерно в 90 млрд баррелей, и 30,0% неразведанных запасов природного газа [7]. При этом Россия юридически и фактически контролирует около половины этих запасов, которые геологоразведчики определяют в 2,3 млрд тонн нефти и конденсата в 35,7 трлн м³ газа. Этот, по существу, обнаруженный «Новый Клондайк», как будто идеально укладывается в программу деятельности Д. Трампа «Америка прежде всего». Если в этот проект с «замороженными» (иммобилизованными) активами был бы вложен американский опыт и капитал, то прогнозируемый экономический эффект подобного сотрудничества представляется впечатляющим. Похоже, текущее развитие событий полностью перечёркивает призрачные надежды на возможность подобного проекта.

Развитие рынка СПГ является одной из важнейших отраслевых задач Минэнерго, куда входит разработка собственных технологий, их совершенствование и внедрение в ТЭК. Связано это с тем, что РФ оказалась крупнейшим поставщиком СПГ за рубеж, поскольку производится на экспорт 34 млн тонн в год, а это составляет 8,0% от уровня мирового экспорта. По мнению же министра энергетики РФ С. Е. Цивилёва, российскую долю мирового рынка следует заметно приподнять путём достижения к 2030 году планового показателя со значимо круглой цифрой в 100,0 млн тонн СПГ. Правда, такое таргетирование вызывает у экспертов газового рынка и авторов данной статьи обоснованные сомнения.

Во-первых, сомнения начинаются при рассмотрении самого заведомо высокого задаваемого объёма СПГ, предназначенного для внешнего рынка в условиях растущей мировой конкуренции поставщиков, в том числе тарифно-ценовой, сервисной и никуда не исчезающих санкций / ограничений. Во-вторых, убедительные сомнения связаны с технической стороной такого столь масштабного производства, поскольку Мурманский

завод СПГ будет построен, с учётом возникших сложностей разного вида и уровня, не ранее 2032 года; сегодня степень его готовности составляет 22,0%. Сроки же завершения строительства Дальневосточного завода СПГ смещены в область некоей стратегической неопределённости. Что касается Балтийского завода СПГ, то освещаемая прежде регулярно хроника этапов становления предприятия исчезла вовсе с порталов СМИ.

При этом реализация программы газификации идёт полным ходом, и руководитель ПАО «Газпром» А.Б. Миллер в заседании ПМГФ-2025 оценил предельно возможный уровень газификации территорий России в 83,0%. В оставшиеся 17,0% территорий он включил Магаданскую обл., Таймыр и др. При этом глава заметил: «Наша главная задача состоит в том, чтобы как можно больше россиян могли пользоваться преимуществами, которые даёт природный газ. <...> По поручению Президента РФ В. В. Путина к 2030 году мы должны обеспечить 100%-ю технически возможную газификацию страны. Эта цель будет достигнута. Газпром работает над газификацией южных районов Якутии».¹¹

Темпы создания мощностей для газификации можно считать весьма удовлетворительными, а динамизм зафиксированных за Уралом свершений впечатляет. Так, в 2025 году в г. Горно-Алтайск Республики Алтай введён в эксплуатацию газопровод к последнему не газифицированному жилому микрорайону № 35 города. Первым газифицированным объектом в г. Поронайск Сахалинской области стала котельная № 4, которая отвечает за снабжение теплом 25 многоквартирных и около 20 частных домов, а также различных социально-значимых объектов. В очереди стоит газификация центральной городской котельной. В рамках программы догазификации подключены к газу первые домовладения в г. Свободный Амурской области и в с. Ломтука Республики Саха (Якутия).

Основой для подачи сетевого газа является газопровод «Сила Сибири», и согласно программе, Газпром завершит строительство от «Силы Сибири» четырёх газопроводов-отводов с ГРС «Алдан», «Алдан-2», «Мурья», «Чульман». От них будут проложены межпоселковые и внутрипоселковые газопроводы к г. Алдан и сёлам Алданского и Нерюнгринского районов – Ленинский, Лебединый, Чульман, Верхний Куранах, Нижний Куранах, Хотыстыр. В Олекминском районе, в который от «Силы Сибири» проложен газопровод-отвод с ГРС и межпоселковый газопровод к г. Олекминску, компания газифицирует 16 сельских населённых пунктов. Для этого от ГРС будут построены межпоселковые и внутрипоселковые газопроводы. В настоящее время «Газпром» продолжает реализацию действующей пятилетней программы. До конца 2025 года будет завершено строительство газопровода-отвода с ГРС «Иенгра».

Заключение

Завершая материал данной статьи и продолжая перспективное исследование, можно сделать ряд промежуточных выводов.

1. Газификация промышленных предприятий, осуществляемая на условиях офсетной сделки, оказывается, как и ожидалось, достаточно сложным и трудоёмким юридико-технически и организационно-экономическим процессом, требующим не только учёта множества нюансов правового поля, но и значительных расходов. В то же время

¹¹ <https://www.expoforum.ru/calendar/peterburgskij-mezhdunarodnyj-gazovyj-forum-pmgf-2025/> (дата обращения: 06.11.2025).

понесённые расходы с лихвой окупаются в ближайшие сроки благодаря сравнительно низким ценам используемого топлива в производственно-энергетических промышленно-производственных процессах.

2. В отличие от других топливных ресурсов, применение газа не требует установки дорогостоящих фильтров или другого оснащения для очистки продуктов горения, что способствует повышению экологической безопасности и сохранению окружающей среды в полном соответствии с набором стандартов устойчивого ESG развития региональных и отраслевых систем, применяемых технологии ИИ. При выборе добросовестного, с точки зрения социально ответственного перед обществом, государством и бизнесом, подрядчика организация непрерывного газоснабжения объекта должна обойтись минимумом как временных, так и финансовых издержек.

3. Проводя технико-экономический анализ уже реализуемых в стране офсетных контрактов в других отраслях промышленности, следует обратить внимание на отдельные группы признаков-факторов, определяющих групповую типологию для целей анализа. Это, прежде всего, характеристики юридико-технического порядка (особенности нормативно-правовых актов и границы правового поля, стороны сделки, её предмет и объект, стоимость инвестиций в создание производства, сроки реализации сделки, статус сделки, консолидированная и парциальная ответственность сторон и пр.). Другой доминирующей в анализе группой признаков-факторов выступает набор угроз реализации офсетной сделки, куда входят выявленные, измеренные и распределённые риски, прогнозируемые вызовы, ущербы и потери разного рода и разной степени значимости.

4. Поиск работоспособных механизмов надлежащего управления этими и другими признаками-факторами позволит поднять популярность офсетных сделок в реализации программы промышленной газификации/догазификации, добиться амбициозных целей Энергетической стратегии и стимулировать инвестиционную активность в рамках национальной экономики страны. Примером успешной офсетной сделки может служить реализация рыночного конкурентного преимущества Туркменистана путём поставки последнему стальных газопроводных труб, специального технологического оборудования и материалов для модернизации и дальнейшего развития туркменской газотранспортной системы.

Конкретная офсетная сделка была заключена между туркменским концерном «Туркменгаз» и ПАО «Газпром» под патронажем межправительственного соглашения о сотрудничестве в газовой сфере сроком до 2028 года. Создаваемый газопровод предназначен для поставок туркменского газа не только в Россию, но и в Иран, Афганистан. В рамках этой офсетной сделки «Газпром» закупил для своих нужд 1 155,0 млн м³ туркменского газа, а «Ростех» (через Объединённую двигательную корпорацию) поставил промышленные газотурбинные двигатели серии НК-14СТ в качестве привода газоперекачивающих агрегатов. В свою очередь, Челябинский трубопрокатный завод, кстати, работающий на газе, изготовил 214 км стальных труб на сумму, превышающую \$219,0 млн.

Список литературы

1. *Bykov, A. I., Tsatsulin A. N.* The Russian gas complex's orientation to the East depends not only on global confrontation / § 1.2. на англ. яз. в коллективной монографии «Геометрия мирового

доверия: диалог цивилизаций в полицентричную эпоху». СПб: ЦНИТ «Астерион», 2025. – 656 с. – с. 53-78.

2. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72140884>. (дата обращения: 09.09.2025).

3. *Третьякова, С. Н., Адаменко, М. А.* Государственно-частное партнёрство в России: текущее состояние, проблемы и возможности развития / Вестник Академии знаний № 3 (68), 2025. – с. 441-446.

4. *Кружкова, И. И.* Частные проблемы механизма реализации проектов государственно-частного партнёрства в России / Сервис в России и за рубежом. Т. 16, №. 3(100), 2022. – с.146-152.

5. Федеральный закон «О газоснабжении в Российской Федерации» от 31.03.1999 № 69-ФЗ (с дополнениями в редакции от 14.07.2022). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22576 (дата обращения: 17.10.2025).

6. *Митрахович, С. П., Салихов, М. Р., Юшков, И. В.* Факторы риска на мировом рынке энергоресурсов: санкции, геополитика и российский энергосектор / Геоэкономика энергетики, 2022. Т. 17. № 1. – С. 6-33.

7. *Tidmarsh, James.* Could the Arctic be key to ending the Ukraine's war? / <https://www.spectator.co.uk/article/could-the-arctic-be-key-to-ending-the-ukraine-war/> (дата обращения: 13.08. 2025).

8. *Мурашко, М. М.* Российская стратегия импортозамещения в ТЭК. – «Геоэкономика энергетики», № 2 (22), 2023. – С. 24-38.

9. *Бойчук, А. В.* Офсетный контракт как механизм государственных закупок при реализации инфраструктурных проектов / Прогрессивная экономика, 2025, № 2. – с. 2-8.

10. Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 31.10.2025).

11. *Скрипник, О. Б.* Потенциал офсетных контрактов как инструментов управления инвестиционными рисками регионов России / Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 3. – с. 661-674.

12. Федеральный закон «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 31.10.2025).

13. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция) / https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 31.10.2025).

14. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 31.10.2025).

15. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р / <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy>. – 107 с. (дата обращения: 02.11.2025).

16. *Дивеева А. А.* Ценообразование в условиях концессионных соглашений / Дисс. на соиск. учён. степени к. э. н. ФГБОУ ВО СПбГЭУ. – Санкт-Петербург, 2014. – 212 с.

17. Statistical Review of World Energy. London 2025 | 74th edition// [chrome-extension://efaidnbmnnnibpajpcglclefindmkaj/https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/sk/pdf/2025/Statistical-Review-of-World-Energy-2025.pdf](https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/sk/pdf/2025/Statistical-Review-of-World-Energy-2025.pdf) (дата обращения: 16.11.2025). – 76 с.

18. Влияние новых технологий на глобальную конкуренцию на рынках сырьевых материалов. Монография / под ред. А. А. Конопляника, О. И. Маликовой, К. С. Ситкиной. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 375 с.

References

1. Bykov A. I., Tsatsulin A. N. (2025) Russian Gas Complex's Orientation to the East Depends Not Only on Global Confrontation. In: *The Geometry of World Trust: Dialogue of Civilizations in a Polycentric Era*. St. Petersburg: Asterion Publ. 656 p. pp. 53-78.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2019 g. № 216 «Ob utverzhdenii Doktriny energeticheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2019 No. 216 «On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation»]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72140884>. (Access date: 09.09.2025).
3. Tretyakova S. N., Adamenko M. A. (2025) Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v Rossii: tekushcheye sostoyaniye, problemy i vozmozhnosti razvitiya [Public-Private Partnership in Russia: Current State, Problems and Development Opportunities]. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 3 (68), pp. 441-446.
4. Kruzhkova I. I. (2022) Chastnyye problemy mekhanizma realizatsii proyektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii [Particular Problems of the Mechanism for Implementing Public-Private Partnership Projects in Russia]. *Service in Russia and Abroad*, 16, 3 (100), pp. 146-152.
5. Federal'nyy zakon «O gazosnabzhenii v Rossiyskoy Federatsii» ot 31.03.1999 № 69-FZ (s dopolneniyami v redaktsii ot 14.07.2022) [Federal Law «On Gas Supply in the Russian Federation» dated March 31, 1999 № 69-FZ (as amended on July 14, 2022)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22576 (Access date: 17.10.2025).
6. Mitrakhovich S. P., Salikhov M. R., Yushkov I. V. (2022) Faktory riska na mirovom rynke energoresursov: sanktsii, geopolitika i rossiyskiy energosektor [Risk Factors in the Global Energy Market: Sanctions, Geopolitics, and the Russian Energy Sector]. *Geoeconomics of Energy*, 1 (17), pp. 6-33.
7. Tidmarsh J. Could the Arctic Be Key to Ending the Ukraine's War? URL: <https://www.spectator.co.uk/article/could-the-arctic-be-key-to-ending-the-ukraine-war/> (Access date: 13.08. 2025).
8. Murashko M. M. (2023) Rossiyskaya strategiya importozameshcheniya v TEK [Russian Strategy for Import Substitution in the Fuel and Energy Complex]. *Geoeconomics of Energy*, 2 (22), pp. 24-38.
9. Boychuk A. V. (2025) Ofsetnyy kontrakt kak mekhanizm gosudarstvennykh zakupok pri realizatsii infrastrukturykh proyektov [Offset Contract as a Public Procurement Mechanism in the Implementation of Infrastructure Projects]. *Progressive Economy*, 2, pp. 2-8.
10. Federal'nyy zakon «O kontsessionnykh soglasheniyakh» ot 21.07.2005 N 115-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law «On Concession Agreements» of July 21, 2005 N 115-FZ (latest revision)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (Access date: 31.10. 2025).
11. Skripnik O. B. (2024) Potentsial ofsetnykh kontraktov kak instrumentov upravleniya investitsionnymi riskami regionov Rossii [Potential of Offset Contracts as Instruments for Managing Investment Risks in Russian Regions]. *Creative Economy*, 3 (18), pp. 661-674.
12. Federal'nyy zakon «O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii» ot 13.07.2015 № 224-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law «On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated July 13, 2015 № 224-FZ (latest revision)]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (Access date: October 31, 2025).

13. Federal'nyy zakon «O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» ot 05.04.2013 № 44-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs» dated 05.04.2013 N 44-FZ (latest revision)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (Access date: 31.10.2025).

14. Federal'nyy zakon «O zakupkakh tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lits» ot 18.07.2011 № 223-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law «On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities» dated 18.07.2011 N 223-FZ (latest revision)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (Access date: 31.10.2025).

15. Energeticheskaya strategiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2050 goda. Utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 12.04.2025 № 908-r [Energy Strategy of the Russian Federation for the Period through 2050. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated 12.04.2025 No. 908-r]. 107 p. URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy>. (Access date: 02.11.2025).

16. Diveeva A. A. (2014) Tsenoobrazovaniye v usloviyakh kontsessionnykh soglasheniy [Pricing Under Concession Agreements]. Dissertation thesis for the degree of Candidate of Economic Sciences. St. Petersburg: FSBEI HE SPbGEU. 212 p.

17. Statistical Review of World Energy. London 2025 | 74th edition. 76 p. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/sk/pdf/2025/Statistical-Review-of-World-Energy-2025.pdf> (Access date: 16.11.2025)

18. Konoplyanik A. A., Malikova O. I., Sitkina K. S. (Eds). (2024) Vliyaniye novykh tekhnologiy na global'nuyu konkurenciyu na ryinkakh syr'yevykh materialov. Monografiya [The Impact of New Technologies on Global Competition in Raw Materials Markets. Monograph]. Moscow: UNITY-DANA. 375 p.

A. I. Bykov¹², A. N. Tsatsulin¹³. Offset Agreements in the System of Measures for Gasification of Industry in the Russian Federation Under the Pressure of Sanctions. This article examines the legal and technical potential of offset agreements as a strategic tool for addressing the gasification of domestic industrial facilities under the restrictions imposed by 19 sanctions packages. The relevance of this study stems from the need to ensure energy independence and sustainable development of Russian enterprises in a dramatically changed foreign economic environment. The authors analyze the legal nature of offset agreements and their advantages in aligning the interests of the state (as a guarantor of demand) and private businesses (as investors and contractors), particularly against the backdrop of ongoing processes in the global gas market among countries producing and consuming this hydrocarbon. Particular attention is paid to the mechanism that allows for the localization of gas equipment production and infrastructure construction in exchange for long-term government contracts. It is demonstrated that this model of interaction can serve as a catalyst for import substitution, stimulate interregional cooperation, and meet projected energy demand. The paper also identifies key risks and administrative barriers hindering the widespread use of offsets and offers practical

¹² *Alexey I. Bykov*, Chief Specialist of the Department for Relations with the Regions, Gazprom Mezhrerogiongaz LLC (24A Naberezhnaya Admirala Lazareva, St. Petersburg, 197110, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: 9660171@mail.ru

¹³ *Alexander N. Tsatsulin*, Professor of the Department of Management of the North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (57/43 Sredny pr. V.O., St. Petersburg, 199034, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: vash_64@mail.ru

recommendations for adapting this institution to accelerate the gasification of the real economy. This material may be of interest to government officials, industrial managers, entrepreneurs, and experts in energy and public-private partnerships. At the end of the article the authors provide a series of conclusions, illustrated by examples.

Keywords: gasification and postgasification; offset transaction; sanctions pressure; gas production cluster; underground gas storage; Asian vector of interests.

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-140-152

*Е. И. Шумская*¹

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: В ПОГОНЕ ЗА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЛНОЙ

Образование всегда выступало фундаментом в научном представлении человеческого потенциала. Наука со временем стала производственной силой в ходе интегрирования ее результатов в производственный процесс, и видится как ключевая составляющая реализации творческой составляющей человеческого потенциала на современном этапе технологического развития. В то же время значимость промышленного развития страны для ее долгосрочного экономического роста сегодня подтверждается в ряде работ. Совокупность этих факторов в корне меняет представление о системе воспроизводства человеческого потенциала, которая должна включать в себя не только статическую оценку текущего состояния посредством систем образования, здравоохранения, науки и промышленности, но и динамическую: через соотношение с фазами технологического развития. Понимание, что каждая фаза формирует новый циклический виток вызовов и ответных реакций системы воспроизводства человеческого потенциала, дает научное обоснование для ведения государственной политики, более соответствующей времени и с меньшими социальными потрясениями.

Предполагается, что в ходе смены фаз технологического мегацикла (продолжительность 100-120 лет) формируется различное наполнение человеческого потенциала страны. В зависимости от фазы – производственной, транспортной или коммуникационной – циклически развиваются узко и широко востребованные навыки, системы образования, здравоохранения, а также механизмы социальной адаптации. Фаза цикла составляет приблизительно 30 лет, а временное отставание реакции системы воспроизводства человеческого потенциала – 40-50 лет, т.е. вызовы общественного развития, возникающие в ходе первой фазы мегацикла, преодолеваются лишь к третьей фазе.

Показано, что государство играет важную роль в ходе социальной адаптации, в том числе через социальные институты и сокращение объемов труда при смене фаз мегацикла. На сегодняшний день сокращение продолжительности рабочего времени выступает только как социальный выбор, хотя такая необходимость в ходе технологического развития была обоснована еще Дж. М. Кейнсом.

В заключении доказывается, что человеческий потенциал страны в конечном счете формируется не путем сложения индивидуальных качеств (человеческого капитала), а напрямую зависит от способности системы воспроизводства человеческого потенциала функционировать согласованно.

Ключевые слова: человеческий капитал, воспроизводство человеческого потенциала, технологический мегацикл, технологический уклад, технологическая волна, социальная адаптация, продолжительность рабочего времени.

УДК 330.88, 330.33.015

¹ *Екатерина Игоревна Шумская*, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2), канд. экон. наук, e-mail: shumskayaeci@mail.ru

Введение

Теория человеческого капитала стала важным шагом в понимании роли человека в экономическом развитии общества. Она позволяет получить фундаментальные знания, недоступные более ранним версиям неоклассического видения экономики. Однако, ее классическая форма, рассматривающая образование и здоровье как инвестиции с экономической отдачей, сегодня подвергается критике. Фундаментальное исследование теории человеческого капитала было приведено ранее [13], в данной же работе лишь обозначим ключевые пункты критики: отношение к человеку как к капиталу, а потому и наделение его только узкими свойствами капитала; растущий разрыв в доходности труда по сравнению с капиталом; «невидимая рука» рынка и методологический индивидуализм, исключаящие активную государственную социально-экономическую политику; неспособность теории объяснить парадоксы современного рынка труда. Кризис предложенной теории требует от научного сообщества поиска альтернативной концепции, которая могла бы лечь в основу обновленной модели экономического роста и развития.

Концепция человеческого потенциала, берущая свое начало в советской экономике, сегодня все чаще выступает надежной альтернативой западной теории. Отвечая на вызовы XXI века, в первую очередь, она обладает смещенным фокусом: с накопленного запаса знаний (капитала) на способность общества к адаптации, обучению и реализации. В самом широком смысле концепция человеческого потенциала включает в себя не только формальные навыки, но и креативность, этическое мышление, эмоциональный интеллект и пр. Для дальнейшего исследования определим человеческий потенциал как совокупность врожденных и приобретенных способностей, творческих сил и потребностей населения, которая формирует возможность для дальнего национального экономического развития. Под воспроизводством человеческого потенциала страны будем понимать национальную систему формирования, накопления и реализации человеческого потенциала через системы образования, здравоохранения, науки и промышленности. Изучение процесса воспроизводства человеческого потенциала под таким углом заполняет пробелы ранее разработанной концепции человеческого потенциала, добавляя этой научной категории динамики.

Динамика развития этой системы прослеживается на фоне технологического развития со времен Первой промышленной революции. Обратим внимание на то, что в научных исследованиях об эволюции технологического развития, цикличности укладов и сопутствующего движения финансового капитала написано немало весомых работ. При этом вопросы соответствующей трансформации человеческого потенциала исследованы несправедливо мало. Человеческий потенциал часто выступает как константа на фоне динамично меняющегося мира или определяется вне временных ограничений и в отсутствии каких-либо обозначенных закономерностей.

В недавних исследованиях было показано, что за последние 250 лет развития капитализма происходила циклическая смена доминирующего режима мирохозяйственных связей, а технологии широкого применения возникали по схеме «производство – транспорт – информация» [11]. Это позволило выдвинуть гипотезу о цикличности развития человеческого потенциала как основного источника национального богатства. Технологический импульс каждой новой волны создает вызовы для существующей системы воспроизводства человеческого потенциала.

Человеческий потенциал как динамическая категория

Выводы, представленные в ряде работ о влиянии нормативно-правовой среды на экономический рост, демонстрируют, что институциональные и регулятивные условия в развитых странах не могут объяснить различия в долгосрочном экономическом росте, а качество человеческого потенциала, напротив, во многом эти различия объясняет [3,4]. Это подчеркивает важность дальнейшего изучения категории человеческого потенциала.

Исследования показывают значимость образования (начального, среднего или высшего) для производительности труда, учитывая близость страны к технологическому «фронту»: чем ближе, тем более высокий уровень образованности населения требуется для дальнейшего развития [1]. Также известно, что для экономического роста важно соотношение человеческого потенциала с промышленным развитием страны: вложения в рост квалификации без соответствующего развития индустриальной базы могут быть неэффективными [10], а также приводить к утечке кадров [12]. В то же время развитие технологий в стране посредством промышленной модернизации способствует накоплению человеческого потенциала [8]. Многочисленные исследования представляют процесс эволюции человеческого потенциала последовательным: от физического труда к возрастающей значимости когнитивных навыков, развитие технологий при этом происходит циклично. Потому логично пересмотреть модель воспроизводства человеческого потенциала в рамках развития не только волн (укладов), но и мегациклов [11].

Действительно, исторический анализ изменения мирохозяйственных связей показывает постепенную трансформацию природы труда: технологии высвобождают человека от тяжелого физического и ручного труда, замещая его в рутинных, а затем и в некоторых креативных задачах. На каждом этапе технологического развития и становления новой волны (фазы мегацикла) конкурентное преимущество получали те участники экономических отношений, которые быстрее и эффективнее остальных использовали доминирующие и новейшие технологии, что становилось причиной заинтересованности в соответствующем развитии человеческого потенциала. С каждой новой фазой росла значимость не только навыков и образования, но и активно прогрессировало отношение к здоровью и рабочей занятости человека.

Рост производительности труда и благосостояния общества расширяет границы категории человеческого потенциала. С каждым мегациклом формируются более сложные системы воспроизводства человеческого потенциала через системы здравоохранения, образования и науки, социальной защиты и адаптации (табл. №1).

Выделяется и циклическое развитие. Так, по причине преобладающей скорости распространения технологического прогресса над скоростью развития человеческого потенциала, каждый мегацикл (продолжительностью 100-120 лет) в период своего становления создает дефицит человеческого потенциала, обладающего требуемыми навыками и качествами, значимыми в определенный период времени (аналогичные процессы наблюдаются и внутри технологических волн). Наступает фаза дефицита и кризиса социально-экономического общественного развития.

Постепенно происходит адаптация к новым условиям, государством активно проводятся реформы образования, здравоохранения и иных социально значимых составляющих. Так как эти системы инертны, скорость их ответной реакции занимает продолжи-

тельное время. Постепенно формируется человеческий потенциал страны, отвечающий требованиям текущей фазы технологического мегацикла. Затем следует фаза синергии, когда творческий фундамент человеческого потенциала становится драйвером следующего мегацикла, и все повторяется (рис. 1).

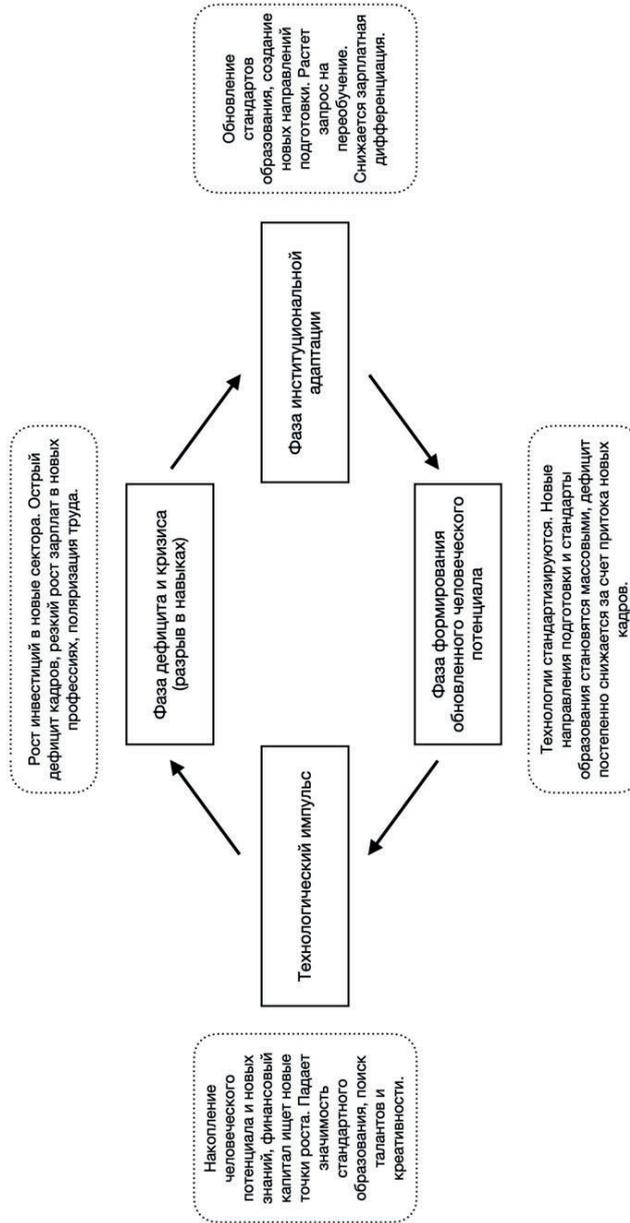

Рис. 1. Циклический характер воспроизводства человеческого потенциала в ходе технологического мегацикла

Источник: разработано автором.

Таблица 1

Эволюция человеческого потенциала сквозь фазы технологического метацикла

Мета цикл	Волна	Фаза метацикла	Технологическое ядро	Навыки и труд	Образование	Здоровье	Творческие и социальные навыки	Рабочее время, часов в неделю	Механизмы социальной адаптации
Первый	Первая волна (1785-1840-е): Индустриальная революция	Производственная (протекционизм)	Пар, ткацкие станки, чугун	Физический труд, дисциплина, узкая операционная специализация. Преобладают ремесленники, Управление локальное.	Элитарное и начальное массовое. Базовая грамотность Цель: подготовка к фабричному труду.	Здоровье как условие физической работоспособности, высокий травматизм, профессиональные болезни	Творчество – удел немногих изобретателей	70-80	Фабричное законодательство
	Вторая волна (1840-1870): пар и сталь	Транспортная (фритредерство)	Железные дороги, сталь, телеграф	Техническая грамотность, управление машинами в эпоху тяжелой промышленности. Постепенный рост спроса на инженеров и техников. Появляется управление крупными инфраструктурными проектами.	Профессиональные навыки передаются через ученичество. Массовое среднее и техническое образование.	Появление охраны труда и санитарных норм.	Творчество воплощается в стандартизированной науке, практические исследования в механике и термодинамике. Из социальных навыков важна субординация, формирование класса индустриальных рабочих	60-70	Всобщее начальное образование, создание сети железно-рожных и технических училищ, политических институтов

Продолжение таблицы 1

Мета-цикл	Волна	Фаза мегацикла	Технологическое ядро	Навыки и труд	Образование	Здоровье	Творческие и социальные навыки	Рабочее время, часов в неделю	Механизмы социальной адаптации
	Третья волна (1870–1910): Эра электричества	Инфокоммуникационная (глобализация)	Производство электрических средств коммуникации, ДВС	Инженерные знания, специализация, высокая доля рабочих и инженеров, управленческие знания: координация национальных и международных рынков	Образование становится системным и стандартизированным	Здоровье впервые становится важным общественным ресурсом	Творчество проявляется в оптимизации существующих систем. Растет ценность сплоченной командной работы	56-60	Всёобщее среднее образование, социальное страхование, развитие коммерческого образования, рост числа университетов, профессионализация управленческого труда
Зарождение второго	(1910–1940)	Производственная (протекционизм)	Электротехническое и тяжелое машиностроение, линии электропередач, неорганическая химия	Доминирование инженеров и индустриальных рабочих, узкие технические знания. Планирование на уровне корпораций и государств.	Техническое образование. Изменения в системе массового образования. Первое появление цифровых гениев.	Новые виды травматизма и профессиональных болезней	Рост престижа фундаментальной науки. Рост числа частных исследовательских центров	40-48	Массовое высшее образование

Продолжение таблицы 1

Мега цикл	Волна	Фаза мегацикла	Технологическое ядро	Навыки и труд	Образование	Здоровье	Творческие и социальные навыки	Рабочее время, часов в неделю	Механизмы социальной адаптации
Второй	Четвертая волна (1940–1970): Эра массового производства	Транспортная (фритредерство)	Автомобиль-, самолет- и тракторостроение, космическая промышленность, цветная металлургия, органическая химия	Конвейерный труд, стандартизация. Управление транснациональными корпорациями.	В развитых странах - снижение значимости технического образования из-за вывоза производственных мощностей. Рост IT инженерии. Появление управленческих и финансовых школ.	Система здравоохранения переходит к профилактике заболеваний, появляются новые стандарты охраны труда	Созидательное творчество подвзяно стандартизацией образовательных программ. Из социальных навыков важна субординация.	35-40	Развитие ПТУ, системы профессионально-технического обучения, рост мобильности населения
	Пятая волна (1970–2010): Цифровая эра	Инфокоммуникационная (глобализация)	Электронная промышленность, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение	Цифровая грамотность, когнитивные навыки, гибкость	Растет значимость когнитивных и цифровых навыков. Компьютеризация образования, массовое появление экономических, управленческих, юридических и IT-факультетов	Появляется значимость качества жизни, ментального здоровья.	Творчество – в оптимизации существующих систем. Растет ценность высокого эмоционального интеллекта и умения работать в коллаборации	30-35	Непрерывное образование, гибкий рынок труда

Окончание таблицы 1

Мега цикл	Волна	Фаза мегацикла	Технологическое ядро	Навыки и труд	Образование	Здоровье	Творческие и социальные навыки	Рабочее время, часов в неделю	Механизмы социальной адаптации
Зарождение третьего	Шестая волна (2010–2040): Эра ИИ и биотехнологий	Производственная (протекционизм)	Промышленный Интернет, Big Data, 3D-печать, производство наноматериалов и наноструйств	Возвращение производства в виде умных фабрик. Работа инженеров в симбиозе с ИИ, созидательное техническое творчество инженер-разработчиков, значимость эмоционально-интеллекта	Рост значимости технического образования нового поколения. Падение значимости и спроса на массовые управленческие навыки. Образование непрерывным процессом на протяжении всей жизни	Здоровье как главный общественный ресурс, переход к профилактике (телемедицина и пр.)	Спрос на междисциплинарных творцов: инженер-роб-биотехнологов, специалистов по данным, материаловедов.	32	В стадии формирования: политика lifelong learning, совершенствование создаются с учетом новых форм занятости

Источник: разработано автором.

Так, начало фабричной системе положило появление механических прядильных машин в 1760–1770-х годах. Класс промышленных рабочих сформировался только к первой половине XIX века, а престижной профессия инженера стала после 1860-х. Первые программисты стали появляться в 1940–1950-е годы, первые микропроцессоры и ПК появились в 70-80-х годах, а массовым IT-образование стало лишь в 1990–2000-х. Таким образом, временной лаг ответной реакции системы образования как важнейшей составляющей системы воспроизводства человеческого потенциала составил 40–50 лет. Вызовы общественного развития, возникающие в ходе первой фазы мегацикла, преодолеваются лишь к третьей фазе (каждая фаза составляет порядка 30 лет).

Система воспроизводства человеческого потенциала также развивается циклически в рамках технологического мегацикла. Рождение уклада и промышленная фаза наступают благодаря индивидуальным талантам и прорывным открытиям изобретателей-одиночек или инженеров-практиков. Этот период характеризуется перенасыщением рынка труда людей с одинаковым уровнем знаний и навыков, которые не соответствуют вызовам новой эпохи. На этом фоне ярко выделяются люди с элитарным, узкоспециализированным техническим образованием, которое они, вероятнее всего, получали вне традиционной формальной системы. В этот период профессия инженера становится наиболее оплачиваемой, так как эта фаза трансформирует производственную структуру. Социальная политика как инструмент социальной адаптации не соответствует возникающим вызовам, а кадровый дефицит компенсируется высокой зарплатой для востребованных специалистов.

Постепенное накопление знаний и навыков ведет к ответной реакции всех адаптивных систем: появляются новые стандарты охраны труда, растет массовость образования с новыми стандартами и учебными планами, становится важным умение встраиваться в существующую систему. Формируется устойчивая система воспроизводства человеческого потенциала, растет массовость технических специалистов (от которых уже не требуется та креативность и уровень разработок, а, напротив, нужно умение работать слаженно, как винтик большой системы), наступает период международной свободной торговли в мировой экономике за счет второй, транспортной, фазы мегацикла.

Развитие информационно-коммуникационных технологий на третьей фазе мегацикла формирует новые потребности в структуре человеческого потенциала: растет значимость управленческих специальностей. На этой фазе отмечается обесценивание массовых навыков и появление социального расслоения. Система воспроизводства начинает отставать от технологического развития, продолжая формировать «устаревающий» человеческий потенциал. Создаются условия для прорыва нового технологического мегацикла и новой производственной фазы.

Механизмы социальной адаптации и продолжительность рабочего времени

Система социальной адаптации к технологическому развитию эволюционировала в ходе исторического развития, представляя все более сложную систему институтов. Фаза дефицита (рис. 1) провоцирует хаотичное реагирование на вызовы: появляются новые профессии при отсутствии системы их подготовки, медицина сталкивается с новыми видами заболеваний от возникающих видов труда и занятости, инфраструктура

не отвечает новым потребностям. Постепенно появляются краткосрочные программы обучения и переобучения, обычно вне традиционной системы образования. Развиваются новые виды инструментов труда и формы занятости.

Происходит переход к устойчивой реакции всех социально-значимых систем: приходит фаза институциональной адаптации. Система образования обновляется (реформа учебных планов, создание новых специальностей, массовое внедрение новых инструментов, обновление образовательных стандартов). Система здравоохранения постепенно смещается от скорого реагирования к профилактике заболеваний, появляются новые стандарты охраны труда. Социальная политика формируется на основе обновленных моделей рыночного взаимодействия. Постепенно достигается баланс между спросом на новые навыки и услуги и возможностями систем. Фаза формирования обновленного человеческого потенциала создает иллюзию постоянства и стабильности рыночных взаимодействий, однако именно на данной фазе копится институциональная инертность, которая впоследствии приведет к кризису и новому технологическому толчку.

Важной характеристикой развития человеческого потенциала в ходе технологического прогресса служит продолжительность рабочего времени, которая в развитых странах сокращалась на каждой из фаз мегацикла. Однако сегодня мы скорее фиксируем ее стабилизацию, а не сокращение. Так, в странах со средним уровнем дохода работники обрабатывающей промышленности и сферы рыночных услуг в среднем работают около 50 часов в неделю, что значительно больше, чем работники сельского хозяйства [9]. Снижение количества отработанных часов мужчинами в странах со средним и высоким уровнем дохода обусловлено сокращением количества отработанных часов на одного работника и компенсируется увеличением участия женщин в рабочей силе [2]. Эти два фактора в полной мере компенсировали друг друга во многих странах, что привело к долгосрочной стабильности рабочего времени.

Вопрос сокращения рабочего дня возникает в первую очередь из-за проблемы падения темпов роста производительности труда, которая наблюдается в ходе транспортной фазы мегацикла (с 2,2% в период с 1997 по 2009 год до 0,6% в период с 2009 по 2023 год) [4]. Сокращение рабочего времени – это инструмент сохранения стоимости человеческого труда через поддержание занятости и покупательной способности, на который указывал Кейнс. В эссе «Экономические возможности для наших внуков» он предсказывал, что рост производительности решит «экономическую проблему» и высвободит время для досуга, сократив рабочую неделю до 15 часов [5].

Государство играет важную роль в ходе социальной адаптации. Так, увеличение социальных расходов на 1% ВВП связано с сокращением рабочего времени на 2-3% [9]. Последние исследования показывают, что налоги на оплату труда имеют сильную отрицательную корреляцию с количеством отработанных часов в трудоспособном возрасте как в международных сравнениях, так и в отношении сверхурочной работы внутри стран. На сегодняшний день пилотные проекты по четырехдневной рабочей неделе [7], проведенные в Исландии, Великобритания, Португалия, Япония, указывают, что следующий виток сокращения рабочего времени возможен, но не как универсальный закон, а скорее как социальный выбор, обусловленный осознанием ценности человеческого потенциала страны.

Заключение

Система воспроизводства человеческого потенциала, во многом движимая технологическим развитием, имеет циклическую структуру, порождаемую фазами мегацикла. Каждая фаза - промышленная, транспортная и инфокоммуникационная – меняет структуру человеческого потенциала в стране: от доминирования инженерно-технических специалистов до управленческих специальностей. Цикличность развития технологий приводит в соответствующее движение не только человеческий потенциал, но и государственные институты, которые способствуют общественному развитию. Таким образом, человеческий потенциал страны в конечном счете зависит не от суммы индивидуальных качеств (человеческого капитала), а от способности системы воспроизводства человеческого потенциала, включающей системы образования, здравоохранения, науки, производственных сил функционировать согласованно.

Список литературы

1. *Ang J. B., Madsen J. B., Islam M. R.* The effects of human capital composition on technological convergence // *Journal of Macroeconomics*. – 2011. – Т. 33. – №. 3. – С. 465-476.
2. *Gethin A., Saez E.* Global working hours. – National Bureau of Economic Research, 2025. – №. w34217.
3. *Hanushek, Eric A., and Ludger Woessmann.* The Economics of International Differences in Educational Achievement. In Eric A. Hanushek, Stephen Machin, and Ludger Woessmann, editor: *Handbooks in Economics*, Vol. 3, The Netherlands: North-Holland, 2011, pp. 89-200
4. *Hanushek, Eric A., and Ludger Woessmann.* The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth. The MIT Press, 2015. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/j.ctt17kk9kq>. Accessed 25 Mar. 2025.
5. *Keynes J. M.* Economic Possibilities for our Grandchildren // *Essays in Persuasion*. N.Y.: W. W. Norton & Co, 1963. P. 358–373.
6. *Maas S.* Product Quality Improvement and US Manufacturing Productivity. NBER. The Digest. December 2025. Available at https://www.nber.org/sites/default/files/2025-12/dec25_2.pdf
7. *O'Connor, J., & Lindzon, J.* (2026). Do More in Four: Why It's Time for a Shorter Workweek. Harvard Business Press.
8. *Shao, B., & Wang, H.* (2025). Digital Economy, Industrial Structure Advancement and Human Capital Accumulation. *Finance Research Letters*, 107727.
9. Variation in Working Hours Across Countries and Over Time. NBER. The Digest. December 2025. Available at https://www.nber.org/sites/default/files/2025-12/dec25_2.pdf
10. *Wen, X., Meng, F. & Liu, Y.* Analysis of the evolution of the marginal effect of human capital structure in the process of industrial structure evolution. *Humanit Soc Sci Commun* 12, 1652 (2025). <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05896-4>
11. *Толкачев С.А., Тепляков А.Ю.* (2022). Технологические и регуляторные циклы в мирохозяйственном развитии: историко-экономическая ретроспектива. *Terra Economicus* 20(3), 72-86. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-72-86
12. *Шумская, Е. И.* Критика неоклассических предпосылок современной экономической политики в контексте реализации человеческого потенциала / Е. И. Шумская // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 94. – С. 145-158. – DOI 10.24412/2070-1381-2022-94-145-158. – EDN OVHJAI.

13. Шумская, Е. И. Концепция человеческого потенциала: в поисках теоретической основы для современной экономической политики / Е. И. Шумская // Экономическое возрождение России. – 2025. – № 1(83). – С. 163-172. – DOI 10.37930/1990-9780-2025-1-83-163-172. – EDN LGYWUQ.

References

1. Ang J. B., Madsen J. B., Islam M. R. (2011) The Effects of Human Capital Composition on Technological Convergence. *Journal of Macroeconomics*, 3 (33), pp. 465-476.
2. Gethin A., Saez E. (2025) Global Working Hours. National Bureau of Economic Research, w34217.
3. Hanushek E. A., Woessmann L. (2011) The Economics of International Differences in Educational Achievement. In: *Handbooks in Economics*. Vol. 3; E. A. Hanushek, S. Machin, L. Woessmann (Eds.). The Netherlands: North-Holland, pp. 89-200.
4. Hanushek E. A., Woessmann L. (2015) *The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth*. The MIT Press. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt17kk9kq>. (Access date: 25.03.2025)
5. Keynes J. M. (1963) *Economic Possibilities for Our Grandchildren*. *Essays in Persuasion*. New York: W. W. Norton & Co, pp. 358-373.
6. Maas S. (2025) Product Quality Improvement and US Manufacturing Productivity. NBER. *The Digest*. URL: https://www.nber.org/sites/default/files/2025-12/dec25_2.pdf
7. O'Connor J., Lindzon J. (2026) *Do More in Four: Why It's Time for a Shorter Workweek*. Harvard Business Press.
8. Shao B., Wang H. (2025) Digital Economy, Industrial Structure Advancement and Human Capital Accumulation. *Finance Research Letters*, 107727.
9. n. a. (2025) Variation in Working Hours Across Countries and Over Time. NBER. *The Digest*. URL: https://www.nber.org/sites/default/files/2025-12/dec25_2.pdf
10. Wen X., Meng F., Liu Y. (2025) Analysis of the Evolution of the Marginal Effect of Human Capital Structure in the Process of Industrial Structure Evolution. *Humanities & Social Sciences Communications*, 12, 1652. DOI: 10.1057/s41599-025-05896-4
11. Tolkachev S., Teplyakov A. (2022) Tekhnologicheskkiye i regulyatornyye tsikly v mirokhozaystvennom razvitii: istoriko-ekonomicheskaya retrospektiva [Technological and Regulatory Cycles in World Economic Development: Historical and Economic Retrospective]. *Terra Economicus*. 20(3), 72–86 (in Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-72-86
12. Shumskaya I. E. (2022) Kritika neoklassicheskikh predposylok sovremennoy ekonomicheskoy politiki v kontekste realizatsii chelovecheskogo potentsiala [Critique of Neoclassical Premises of Modern Economic Policy in the Context of Human Potential Realization]. *Public Administration*, 94, pp. 145-158. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-94-145-158.
13. Shumskaya I. E. (2025) Kontseptsiya chelovecheskogo potentsiala: v poiskakh teoreticheskoy osnovy dlya sovremennoy ekonomicheskoy politiki [The Concept of Human Potential: In Search of a Theoretical Basis for Modern Economic Policy]. *Economic Revival of Russia*, 1(83), pp. 163-172. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-163-172.

E. I. Shumskaya². Reproduction of Human Potential: Chasing the Technological Wave. Education has always been the foundation of the scientific understanding of human potential. Science has become a productive force over time through the integration of its results into the production, and is seen as a key component in realizing the creative component of human potential at the current stage of technological development. At the same time, the importance of a country's industrial development for its long-term economic growth is currently confirmed in a number of studies. The combination of these factors fundamentally changes the understanding of the human potential reproduction, which should include not only a static assessment of the current state through education, healthcare, science, and industry, but also a dynamic one: through its correlation with the phases of technological development. Understanding that each phase creates a repeating cycle of challenges and responses in the human potential reproduction system provides a scientific basis for implementing a public policy that is more relevant to the times and less disruptive to society.

It is assumed that the various components of a country's human potential are formed during the changing phases of a technological megacycle (lasting 100-120 years). Depending on the phase – production, transportation, or communications – there is a cyclical development of highly and widely sought-after skills, education systems, healthcare, and social adaptation mechanisms. Each phase of the cycle lasts approximately 30 years, and the response time of the reproduction system is 40-50 years. The challenges of social development that arise during the first phase of the megacycle are overcome only by the third phase.

It is shown that the state plays an important role in social adaptation, including through social institutions and the reduction of labor volume during the transition of megacycle phases. Currently, reducing working hours is purely a social choice, although this necessity in the course of technological development was already justified by J. M. Keynes.

The conclusion demonstrates that a country's human potential is ultimately formed not by the sum of individual qualities (human capital), but directly depends on the ability of the human potential reproduction system to function harmoniously.

Keywords: human capital, reproduction of human potential, technological megacycle, technological paradigm, technological wave, social adaptation, working hours.

² Ekaterina I. Shumskaya, Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky pr., 125167, Moscow, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: shumskayaei@mail.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-153-175

А. Н. Литвиненко¹, Л. А. Гузикова²

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена проблемам и противоречиям в сфере противодействия кибермошенничеству в условиях цифровой экономики. Обсуждаются проблемы формирования понятийного аппарата, используемого для описания и характеристики киберпреступлений, проблемы координации действий субъектов противодействия киберпреступности, проблемы оценки эффективности действий по предотвращению, выявлению и раскрытию кибермошенничества. Даны экономические оценки ущерба от кибермошенничества. Предлагаются пути решения выявленных проблем и преодоления противоречий. Обоснована целесообразность экономического подхода к борьбе с киберпреступностью и направления его применения.

Ключевые слова: цифровизация экономики, цифровая преступность, киберпреступность, кибермошенничество, противодействие кибермошенничеству, межведомственная координация.

УДК 336.7; 343.72

Развитие технологий открывает перед экономикой и обществом новые возможности для роста благосостояния, удовлетворения потребностей и раскрытия созидательного потенциала общества и отдельных лиц. Однако широкое распространение и доступность технологий сопряжены с риском, что технологические достижения могут быть поставлены на службу не только прогрессу и позитивно-созидательным целям общества, но и негативно-деструктивным для него и его составляющих криминальным целям асоциальных и антисоциальных лиц, преступных групп, враждебных организаций и структур. Цифровизация экономики не только предоставила многочисленные новые возможности для роста эффективности производства, создания новых видов товаров и услуг, повышения качества социального взаимодействия, но и породила мощную волну противоправной активности, изменившую общую картину преступности в мире и в России, в частности, и оказывающую значительное влияние на экономику и общество.

Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) базируются на цифровом представлении информации в сочетании с сетевым характером ее формирования, распространения и использования. Пропорции, в которых указанные два свой-

¹ *Литвиненко Александр Николаевич*, профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД (198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1), д-р экон. наук, e-mail: lanfk@mail.ru

² *Гузикова Людмила Александровна*, профессор Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), д-р экон. наук, e-mail: guzikova_la@spbstu.ru

ства сочетаются между собой, могут быть различными в разных сферах. В качестве примеров «предельных» ситуаций можно рассматривать автономно работающее цифровое устройство, в частности компьютер, или сетевое взаимодействие, выстраиваемое через «магические письма», распространяемые без использования цифровых устройств.

По своей природе цифровые технологии ориентированы на применение в больших масштабах: цепочка обработки данных способна эффективно работать, если при переходе от одного этапа к другому не требуется изменять форму представления информации, а сеть, связывающая субъекты, работающие с данными, имеет тем большую ценность, чем большее число участников в нее включено и, благодаря этому, потенциально достижимо. Вместе с тем достаточно очевидно, что универсальный способ физического представления данных делает их удобным объектом для криминальных действий, а сформированная сеть облегчает преступникам коммуникацию с потенциальными жертвами.

Сахабутдинова А.С. и Корчагин А.Г. пишут, что «развивая и формируя цифровое общество, цифровые технологии характеризуются существенными положительными и отрицательными изменениями, которые происходят в обществе и процессы введения которых не только формируют новые правила, но и имеют в себе достаточно большой потенциал криминологических рисков» [1].

Агентство Cybersecurity Ventures, систематически освещающее глобальную киберэкономику, включая вопросы кибербезопасности, в 2020 году опубликовало прогноз, в соответствии с которым в течение следующих пяти лет ожидался рост глобальных издержек от киберпреступлений на 15% в год, в результате чего в 2025 году они должны были составить 10,5 трлн долларов. Это представляет собой крупнейший в истории переток экономического богатства, ставит под угрозу стимулы для инноваций и инвестиций, в разы превышает ущерб, наносимый стихийными бедствиями за год, и превышает по уровню прибыли всю мировую наркоторговлю³. По образному выражению главного редактора журнала Cybercrime Magazine С.Моргана «Если бы киберпреступность представляла собой страну, то с размером экономики, равным 6 трлн долларов, что соответствует ущербу от киберпреступности в 2021 году, она стала бы третьей по величине экономикой мира после США и Китая»⁴.

Указывая на то, что с развитием общества растет и его цифровая составляющая, а информационные сети становятся неотъемлемой частью социальной жизни, Сидорова Е.З. и Усов Е.Г. делают вывод об актуальности исследования цифровой преступности [2]. Для того, чтобы «в дальнейшем выявить и изучить криминологические особенности цифрового преступника и его жертвы с целью разработки эффективных мер противодействия таким преступлениям» [2], необходимо исследовать цифровую преступность объективно, всесторонне и целенаправленно.

В последнее десятилетие киберпреступность находится в фокусе научных исследований. Рост числа работ, зарегистрированных на портале e-library, содержащих слово «киберпреступность» в названии, ключевых словах или аннотации отражен на рис. 1. Проблемы киберпреступности рассматриваются в мультидисциплинарном поле, включающем правовые, экономические, социологические и психологические аспекты, однако

³ Steve Morgan., 2020. Cybercrime to Cost the World \$10.5 Trillion Annually by 2025. <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damages-6-trillion-by-2021/>

⁴ Ibid.

говорить о системном понимании явления и формировании системного подхода к его изучению пока преждевременно.

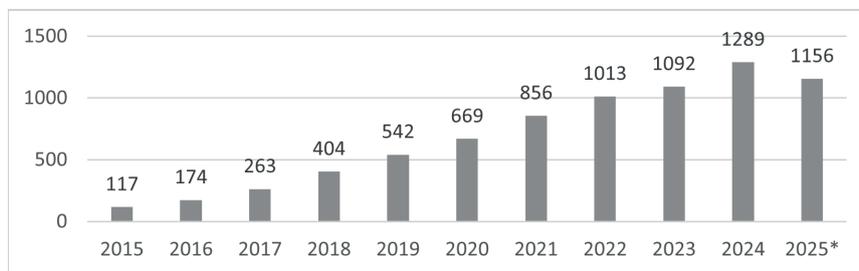

Рис. 1. Динамика числа опубликованных работ, посвященных киберпреступности

* – состояние на 10.12.2025 (Источник: составлено авторами по данным сайта Научной электронной библиотеки eLibrary.ru⁵)

Киберпреступность – это актуальная и обостряющаяся проблема во всем мире. Киберпреступления становятся все более распространенными и изощренными и имеют более серьезные экономические последствия, чем многие традиционные преступления. К наиболее массовым видам киберпреступлений относятся такие как взлом компьютерных систем, кража личных данных и различные формы финансового мошенничества. Несмотря на рост числа и негативных последствий киберпреступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), «эффективных мер и законодательства для их предотвращения или борьбы с ними крайне мало» [3].

Настоящая статья имеет целью выявление проблем и противоречий, осложняющих противодействие наиболее распространенному виду киберпреступлений, направленных на похищение денежных средств физических лиц, – кибермошенничеству – в России.

Авторами были рассмотрены и проанализированы следующие проблемы, усложняющие борьбу с киберпреступностью:

- проблемы, связанные с формированием понятийного аппарата, используемого для описания и характеристики киберпреступлений, отсутствие которого затрудняет разработку классификации киберпреступлений, отражающей различия как в методах и инструментах их совершения, так и в методах и инструментах противодействия;

- проблемы, связанные с практическим отсутствием межведомственной координации в противодействии киберпреступности, в частности кибермошенничеству, жертвами которого становятся физические лица;

- проблемы, связанные с рамочными условиями, в которых действуют государственные органы и организации, и другие субъекты противодействия киберпреступности, и с пониманием населением своих интересов.

Анализ проведен на основе публикаций, посвященных противодействию киберпреступности, и количественных данных о кибермошенничестве в России.

⁵ <https://elibrary.ru/defaultx.asp>

Основные результаты

Цифровая преступность многообразна, поэтому для исследования необходимо четко определить это явление, очертить его границы, выделить атрибутивные характеристики, на основе которых возможны типологизация и классификация его частных проявлений и ситуаций, в которых эти проявления имеют место.

В настоящее время в научном обороте используется большое число терминов, относящихся к преступлениям, совершаемым с использованием цифровых ИКТ. К числу таких терминов, наряду с термином цифровая преступность, относятся «киберпреступность», «интернет-преступность», «преступность в сфере информационно-коммуникационных технологий», «информпреступность, и т.д. В работах [4; 5], например, приводится ряд терминов, конкретизирующих технические и технологические особенности действий преступников. В статистике Министерства внутренних дел (МВД) РФ выделяется группа «Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации» с разбиением в соответствии с отдельными видами преступлений, предусмотренных разными статьями Уголовного Кодекса (УК) РФ.

Разные авторы отдают предпочтение разным обобщающим терминам. Сахабутдинова А.С. и Корчагин А.Г. пишут, что «совокупность общественно-опасных деяний, совершенных в информационно-коммуникационной среде с использованием цифровой информации и информационных технологий» следует называть цифровой преступностью [1]. Квятковский К.С. отмечает, что «киберпреступления остаются самым широким понятием из представленных, охватывая не только преступления, связанные с использованием компьютерных технологий и сетей, но и деяния, осуществляемые другими средствами доступа к киберпространству» [6].

Ст. 2 Модельного закона о противодействии киберпреступности (далее – Модельный закон) определяет киберпреступление как «преступление, совершенное в киберпространстве»⁶.

В свою очередь, термин «киберпространство» получил применение для описания среды «взаимодействия индивидов и групп посредством электронных сетей, соединенных средствами информационно-коммуникационных технологий» [7], причем киберпространство часто отождествляется с интернет-пространством как с вполне определенным видом электронной сети. Добринская Д.Е. пишет, что «киберпространство, или по-другому цифровая среда, – это пространство функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать чрезвычайно сложные системы взаимодействий агентов с целью получения информации, обмена и управления ею, а также осуществления коммуникаций в условиях множества различных сетей» [7].

По нашему мнению, следует согласиться с Сидоровой Е.З. и Усовым Е.Г., которые отождествляют понятия цифровая преступность и киберпреступность и при этом выражают мнение, что «вопрос о классификации киберпреступлений носит практикоориентированный характер, поскольку от этого зачастую зависит комплекс реализуемых превентивных мероприятий» [2]. Последнее представляется абсолютно верным в связи

⁶ Модельный закон «О противодействии киберпреступности» (принят на пятьдесят пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 55-20 от 14 апреля 2023 г.)) <https://base.garant.ru/411235105/>

с тем, что «цифровизация глобальной экономики и российского общества кардинально изменили криминальный ландшафт, масштабы, структуру и качественные характеристики преступности» [8].

Авторы [9] указывают, что многообразие киберпреступлений и вариантов их совершения, быстрая видоизменяемость и сложность используемых преступниками средств и техник затрудняют разделение киберпреступлений на отдельные категории, однако без решения этой задачи на основе выявления существенных атрибутов киберпреступлений и основных вариантов их изменения задачи выявления и противодействия киберпреступности значительно усложняются.

Ст. 2 Модельного закона содержит широкий, но не исчерпывающий перечень деяний, относимых к киберпреступлениям⁷:

- 1) неправомерный доступ к цифровой информации;
- 2) неправомерное завладение цифровой информацией;
- 3) неправомерное воздействие на цифровую информацию;
- 4) нарушение функционирования информационно-коммуникационных сетей;
- 5) создание, использование и распространение вредоносных программ;
- 6) неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру;
- 7) несанкционированный доступ к персональным данным с использованием ИКТ;
- 8) неправомерные производство, импорт, продажа или предоставление паролей, кодов доступа или иных аналогичных данных;
- 9) предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели;
- 10) неправомерное изменение идентификационного кода абонентского устройства подвижной радиотелефонной связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства;
- 11) хищение имущества с использованием ИКТ;
- 12) вымогательство с использованием ИКТ;
- 13) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, с использованием ИКТ;
- 14) изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенные с использованием ИКТ;
- 15) склонение к самоубийству или доведение до его совершения с использованием ИКТ;
- 16) создание и использование цифровой информации для введения пользователя в заблуждение;
- 17) подстрекательство к подрывной или вооруженной деятельности с использованием ИКТ;
- 18) преступления террористической направленности с использованием ИКТ;
- 19) преступления экстремистской направленности с использованием ИКТ;
- 20) хулиганство с использованием ИКТ;
- 21) преступления, связанные с распространением наркотических средств и психотропных веществ, совершенные с использованием ИКТ;

⁷ Ibid.

22) преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, совершенные с использованием ИКТ;

23) реабилитация нацизма, оправдание геноцида или преступлений против мира и человечности с использованием ИКТ;

24) нарушение авторских и смежных прав с использованием ИКТ;

25) иные преступления, совершенные в киберпространстве.

Анализ приведенного перечня подтверждает высказанное в [1] мнение, что «цифровые преступления часто имеют факультативный характер, совершаясь наряду с иными общественно-опасными деяниями. Это объясняется тем, что цифровые преступники, пользуясь цифровой информацией в качестве средства совершения преступления, «превращают» её в предмет другого преступления, например, хищение персональных данных для последующего вымогательства» [1].

С точки зрения конечной направленности Сидорова Е.З и Усов Е.Г. выделяют четыре группы цифровых преступных посягательств [2]:

1) преступные посягательства, направленные на хищение имущества граждан и организаций;

2) общественно опасные деяния в сфере компьютерной информации;

3) незаконное изготовление и распространением порнографической продукции, материалов и предметов, в том числе с несовершеннолетними, посредством сети Интернет;

4) дистанционное распространение наркотических средств, психотропных и сильнодействующих или ядовитых веществ.

Мордвинов К.В. и Удавихина У.А. указывают на такие особенности киберпреступлений, отличающие их от традиционных преступлений, как транснациональность, анонимность и мгновенное распространение информации [10]. Транснациональность подразумевает возможность нахождения места совершения преступления на значительном отдалении от места нанесения ущерба, вплоть до принадлежности этих мест к разным юрисдикциям. По нашему мнению, данную особенность более точно можно обозначить как дистанционный характер преступлений. Анонимность снижает риски киберпреступников и создает возможности для ухода от ответственности. Мгновенное распространение информации среди большого числа пользователей с минимальными затратами обуславливает особую опасность киберпреступности [11].

Следует отметить, что в перечень киберпреступлений, предусмотренных Модельным законом, включены деяния, не квалифицируемые явным образом в качестве преступлений уголовным законодательством Российской Федерации, и напротив, некоторые деяния, определяемые УК РФ как преступления, не упоминаются явно в перечне Модельного закона. К числу последних относится мошенничество, притом, что в российской практике большинство киберпреступлений, непосредственно направленных на физических лиц, квалифицируются как мошенничество.

По мнению Капинус О.С. «современная криминологическая реальность требует смены векторов уголовной политики, трансформации базовых уголовно-правовых положений и институтов, уточнения существующих уголовно-правовых запретов и криминализации новых общественно опасных деяний, т.е. полномасштабной реформы уголовного права» [8].

Денежные средства всегда были и продолжают оставаться активом, наиболее привлекательным для криминалитета в качестве объекта незаконного присвоения, способы которого могут быть различными. В настоящее время «общество сталкивается с возрастающей угрозой кибермошенничества, которое может затронуть любого человека, независимо от его личных характеристик и социального статуса» [12] – возраста, пола, образования, социального статуса, дохода, местности проживания. Авторы [13] пишут, что «кибермошенничество проникает в повседневную жизнь населения в виде различного рода атак, приводящих к возникновению финансовых потерь и хищению персональных данных» [13].

Давыдов В.О. и Тишутина И.В., рассматривая киберпреступность с криминалистической точки зрения, отмечают, что «элементами привлекательности для преступников, помимо отсутствия непосредственного контакта с потерпевшим, выступают: высокий уровень прибыли, краткосрочность контакта и неограниченное их количество, низкая активность потерпевших по взаимодействию с правоохранительными органами в силу стыда, нежелания обнаружить собственную вину, неграмотность и внушаемость» [14].

В табл. 1 приведены статистические данные о преступлениях в киберпространстве за 2024 год. По сравнению с 2023 годом снижение, иногда значительное в процентном отношении, произошло главным образом по малочисленным категориям. Видно, что по всем категориям преступлений наибольший вклад в выявление вносят органы внутренних дел. Необходимо отметить, что за 10 месяцев 2025 года МВД впервые зафиксировало снижение количества киберпреступлений: всего было предотвращено 27 млн мошеннических операций, что на 9,5% меньше, чем за аналогичный период предыдущего года⁸.

Таблица 1

Статистика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, 2024 год (Источник: [15])

Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	Зарегистрировано (в отчетном периоде)		В том числе, выявленных сотрудниками		
	Всего	+/- в %	следственных органов Следственного комитета РФ	органов внутренних дел	органов Федеральной службы безопасности
Всего преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	765365	13,1	2862	755094	4890
из них тяжких и особо тяжких	369267	7,8	1847	363375	3060

⁸ РИА Новости. МВД предотвратило более 27 миллионов мошеннических операций в 2025 году. 8.12.2025. <https://ria.ru/20251218/moshenniki-2063055665.html>

Окончание таблицы 1

Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	Зарегистрировано (в отчетном периоде)		В том числе, выявленных сотрудниками		
	Всего	+/- в %	следственных органов Следственного комитета РФ	органов внутренних дел	органов Федеральной службы безопасности
в том числе совершенных с использованием или применением: расчетных (пластиковых) карт	115469	-13,1	339	114734	242
компьютерной техники	42347	16,4	225	40357	1197
программных средств	13461	10,6	82	13023	251
фиктивных электронных платежей	615	-61,8	4	536	63
сети «Интернет»	649064	23,2	2273	640897	4035
средств мобильной связи	346035	14,3	560	344070	980
в том числе кража ст. 158 УК РФ	105937	-11,1	454	105330	27
мошенничества ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ	380344	6,8	222	379445	278
из них мошенничества ст. 159 УК РФ	379762	7,5	213	378887	267
мошенничества с использованием электронных средств платежа ст. 159.3 УК РФ	273	-88,9	6	261	2
мошенничества в сфере компьютерной информации ст. 159.6 УК РФ	309	-25,9	3	297	9

По официальной статистике сегодня, каждое третье преступление в стране совершается в цифровой среде, причем около 80% из них составляют дистанционные хищения. По данным Банка России в 2024 году мошенники похитили с банковских счетов 27,5 млрд руб., причем основной объем денежных средств был украден со счетов физических лиц – это 26,9 млрд руб.⁹

Унукович А.С. объясняет повышенную виктимность граждан, во-первых, тем, что они имеют значительно меньше ресурсов для защиты от преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, чем имеют в своем распоряжении киберпреступники, а во-вторых, тем, что, несмотря на заинтересованность в собственной защите от киберпреступлений, они часто не готовы «тратить денежные средства на приобретение, например, лицензионной антивирусной продукции, ограничиваясь использованием пиратской, не поддерживаемой официальным производителем» [16].

⁹ ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 году. <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516>

Формы дистанционного мошенничества приобретают всё большую изощрённость и масштабность (рис. 2). Ущерб, наносимый такими преступлениями (рис. 3), принимает огромные размеры, что негативно сказывается на стабильности финансовой сферы и снижает уровень доверия к финансовым институтам и оказываемым ими электронным услугам.

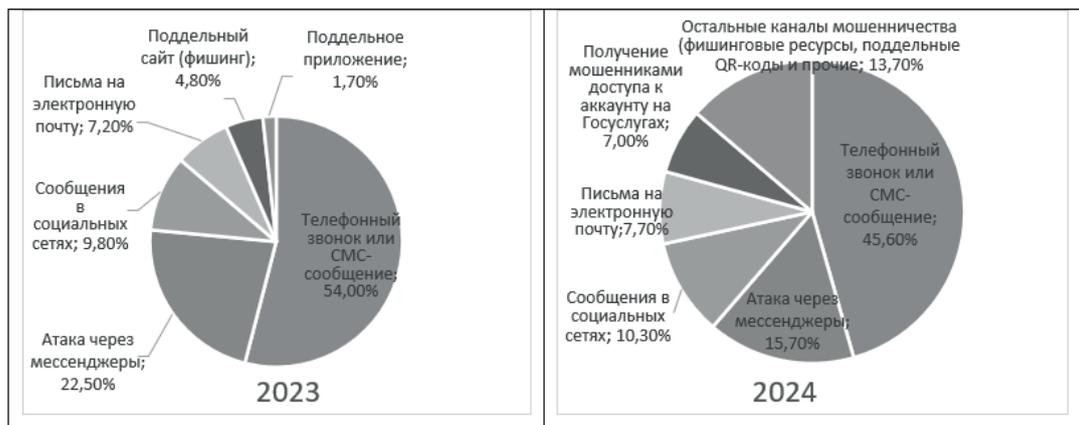

Рис. 2. Структура каналов общения кибермошенников с потенциальными жертвами

Источник: построено авторами по данным Банка России^{10,11}

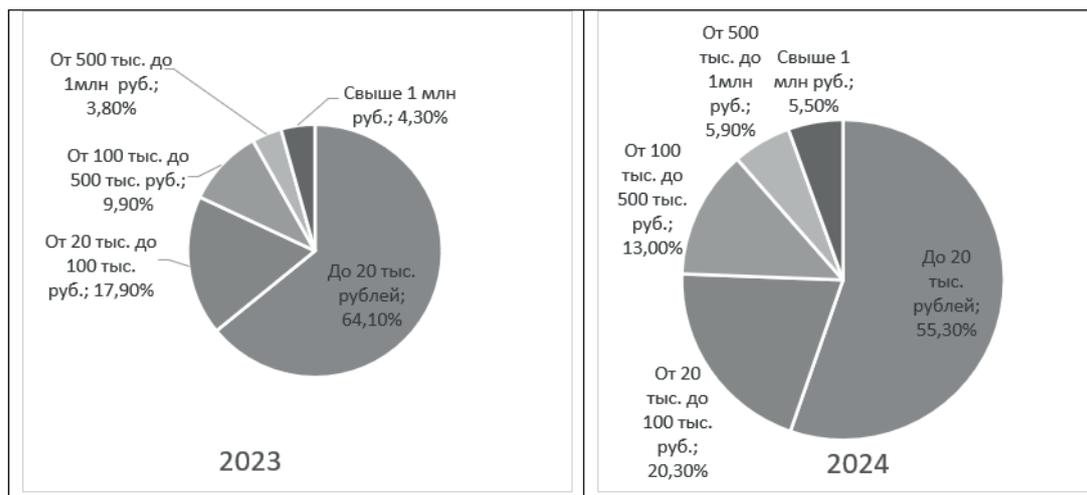

Рис. 3. Структура ущерба от кибермошенничества в отношении граждан

Источник: построено авторами по данным Банка России^{12,13}

¹⁰ Банк России, 2024. Кибермошенничество: портрет пострадавшего. https://www.cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2023/

¹¹ Банк России, 2025. Кибермошенничество: портрет пострадавшего. https://www.cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/

¹² Банк России, 2024. Кибермошенничество: портрет пострадавшего. https://www.cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2023/

¹³ Банк России, 2025. Кибермошенничество: портрет пострадавшего. https://www.cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/

Шевко Н.Р. и Лукина М.А. отмечают, что «официальные статистические данные свидетельствуют о широком распространении данного вида преступности не только на территории России, но и в мире» [17] и указывают на стремительный рост материального ущерба от кибермошенничества и низкий уровень раскрываемости киберпреступлений.

В зависимости от роли – активной или пассивной, которую сам потерпевший играет в совершаемом преступлении, Братусин А.Р. и Власенко Е.Е. предлагают подразделять все виды мошенничества «на «техногенные мошенничества» – от жертвы преступления ничего не зависит; и «человекогенные мошенничества» – если человек сам предпринимает ошибочные действия, приводящие к потере его денег» [18].

Шевко Н.Р. и Лукина М.А. формулируют основную задачу борьбы с кибермошенничеством на современном этапе как «эффективное и оперативное противостояние преступности, к каким бы способам и методам не прибегали злоумышленники» [17]. Поскольку «противодействие кибермошенничеству представляет собой важное для страны и требующее постоянного к себе внимания направление работы» [19], необходим комплексный охват эффективными мерами противодействия пространства, в котором совершается кибермошенничество, для чего следует, по нашему мнению, выделить следующие компоненты киберпространства:

1) физическую – совокупность технических средств, устройств, оборудования, носителей информации и иных материальных компонентов киберпространства;

2) информационную – программы и данные, форматы представления информации, стандарты, протоколы и процедуры обработки и передачи информации;

3) социальную – взаимодействия между людьми, обусловленные их совместной деятельностью и/или общностью интересов, предусматривающие обмен информацией.

Перечисленные компоненты определяют среду противостояния киберпреступников и их жертв, а также киберпреступников и правоохранительных органов. Для успешного противодействия кибермошенничеству необходимо обеспечить преимущество по меньшей мере в одном из аспектов при паритете в остальных. Вопросы соответствия технического оснащения и программно-информационного обеспечения правоохранительных органов вызовам, исходящим от быстро прогрессирующей в этих отношениях киберпреступности, требуют специального анализа, а имеющиеся проблемы – скорейшего решения.

Согласно Глобальному индексу кибербезопасности¹⁴ сильными сторонами России в сфере обеспечения кибербезопасности и противодействия киберпреступности являются принимаемые правовые и организационные меры, а также меры по развитию потенциала, однако технические меры и меры сотрудничества являются более слабыми и требуют дальнейшего развития.

В мировой практике известны случаи, когда заметный прогресс в борьбе с киберпреступностью достигался после перехода на сторону правоохранительных органов представителей преступных групп, например, К.Митника, который после осуждения и отбытия наказания за многочисленные компьютерные преступления стал консультантом по компьютерной безопасности одной из крупных компаний, или К.Поулсена, проделавшего аналогичный путь¹⁵.

¹⁴ Global Cybersecurity Index 2024. 5th Edition. https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/hdb/d-hdb-gci.01-2024-pdf-e.pdf

¹⁵ Mitnick Security: Kevin Mitnick from the World Most Wanted to Its Most Trusted. <https://www.mitnicksecurity.com/about-kevin-mitnick>

В Руководстве по киберустойчивости инфраструктуры финансовых рынков Банка международных расчетов¹⁶ представлена динамическая модель обеспечения киберустойчивости, предложенная Банком международных расчетов (Bank of International Settlements, BIS). Внутренний контур модели предполагает циклическое выполнение действий (рис. 4), а внешний контур задает постоянно выполняющиеся процессы – тестирование, повышение ситуационной осведомленности, обучение и развитие.

Рис. 4. Внутренний контур модели повышения киберустойчивости

Источник: построено авторами на основе Руководства по киберустойчивости инфраструктуры финансовых рынков Банка международных расчетов¹⁷

Во внутреннем контуре выполняются:

- идентификация рисков и угроз, причем не только как быстрое обнаружение новых схем и приемов мошенников, но и проактивное предвидение будущих рисков и угроз, базирующееся на выявлении потенциальных уязвимостей;
- защита, т.е. устранение уязвимостей, которые уже были обнаружены киберпреступниками и выявленных в проактивном режиме идентификации;
- обнаружение фактов совершения преступлений;
- восстановление, ограничение масштаба ущерба и/или его компенсация.

Имеется ряд системных факторов, усложняющих противодействие государственных органов киберпреступности в целом и кибермошенничеству в частности (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, усложняющие борьбу с киберпреступностью

1. Гибкость vs бюрократия	
Мошенники действуют как стартапы:	Государство реагирует медленно:
Быстро тестируют новые схемы, адаптируются к изменениям, используют agile-подход.	Принятие законов требует времени (обсуждения, чтения, согласования).
Не связаны законами, процедурами и бюджетными ограничениями	Внедрение новых защитных механизмов (например, в банковской сфере) часто отстаёт на месяцы или годы.

¹⁶ Bank for International Settlements, OICU-IOSCO. Committee on Payments and Market Infrastructures. Board of the International Organization of Securities Commissions. Guidance on cyber resilience for financial market infrastructures, 2016. <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/ioscopd535.pdf>

¹⁷ Ibid.

2. Технологическое превосходство мошенников	
Мошенники первыми осваивают новые технологии:	Государственные системы защиты устаревают до внедрения:
Используют ИИ для генерации фейковых звонков (deepfake), автоматизируют фишинг через ботов.	Пока разрабатывается новый стандарт безопасности, мошенники уже нашли способ его обойти
Эксплуатируют уязвимости быстрее, чем их успевают закрыть (например, уязвимость нулевого дня).	
3. Глобальность vs национальные ограничения	
Мошенники работают трансгранично:	Государство ограничено юрисдикцией:
Используют зарубежные сервера, VPN, криптовалюты для отмывания денег.	Законы РФ не действуют за границей, а международное сотрудничество (например, экстрадиция) часто затруднено.
Даже если РФ блокирует один канал (например, определённый мессенджер), они мгновенно переключаются на другой.	
4. Человеческий фактор – слабое звено	
Мошенники играют на психологии, а не взламывают код:	Государство не успевает обучать население:
Социальная инженерия (например, звонок «из банка») эффективнее технических хакерских атак.	Даже если появляются образовательные программы, многие пользователи остаются все равно беспечными, думая о том, что их это не коснется.
Люди по-прежнему доверяют, кликают на ссылки и верят в «бесплатные подарки».	

Источник: [21].

На наш взгляд, к числу факторов первой группы следует добавить дефицит скоординированного взаимодействия между субъектами предупреждения киберпреступности, в частности межведомственного взаимодействия между государственными правоохранительными органами.

В зависимости от предназначения и целей деятельности субъектов предупреждения киберпреступности Сидорова Е.З. и Усов Е.Г. разделяют их на специализированные и неспециализированные, относя к специализированным правоохранительные и силовые ведомства Российской Федерации, включая Федеральную службу безопасности, Службу внешней разведки, Министерство обороны, Росгвардию, МВД, Федеральную службу охраны, а к неспециализированным – государственные и общественные органы, организации, объединения и общественные институты, вносящие вклад в деятельность по предупреждению киберпреступности, хотя это не является для них основным видом деятельности и целью их создания [5]. К субъектам второго рода в [5] отнесены органы государственной власти и местного самоуправления, образовательные организации, институт семьи, средства массовой информации, отдельные граждане и в целом общество.

По нашему мнению, к неспециализированным субъектам, заинтересованным в противодействии кибермошенничеству в отношении граждан, следует относить финансовые институты, включая Банк России и все субъекты экономической деятельности, так как в случае, когда их клиенты и/или сотрудники становятся объектами атак кибермошенников, их деятельности угрожают дезорганизация, прямые или косвенные финансовые потери и репутационный ущерб.

В числе неспециализированных субъектов следует выделить Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор, РКН) как государственный орган, отвечающий за физический уровень взаимодействия, и операторов связи.

Описанная выше модель повышения киберустойчивости должна работать в циклическом режиме на всех уровнях системы кибербезопасности – индивидуальном, уровне предприятий и организаций, уровне финансовых институтов, уровне государства, – и у всех без исключения субъектов предупреждения киберпреступности. Однако для того, чтобы данная модель работала эффективно, она должна получать «информационную подпитку» за счет обмена информацией как в пределах каждого уровня, так и между смежными уровнями.

Сегодня эффективность мер по противодействию дистанционному мошенничеству существенно ограничивается отсутствием единой системы координации между ключевыми субъектами, такими как финансовые организации, правоохранительные органы и регуляторные институты. Фрагментированность взаимодействия приводит к задержкам в обмене оперативной информацией, что создает условия для модификации мошеннических схем и ухода преступников от ответственности. Оптимизация данного аспекта требует разработки централизованной платформы, обеспечивающей оперативный мониторинг, анализ и обмен данными между всеми заинтересованными сторонами.

Рассматривая межведомственное взаимодействие в борьбе с киберпреступностью с позиций оперативно-розыскной деятельности, Яровиков А.С. приходит к выводу, что «нужны определенные изменения как правовой основы, так и организации взаимодействия между правоохранительными органами» [22] и полагает, что «информационное взаимодействие различных правоохранительных органов объективно необходимо для успешной и эффективной реализации стоящих перед ними задач и полностью отвечает Стратегии информационного развития государства» [22].

Несмотря на то, что потенциальные жертвы кибермошенничества заинтересованы в обеспечении безопасности своих денежных средств, их права и удобства вступают в противоречия с мерами, которые предлагаются и предпринимаются для защиты их интересов финансовыми институтами, регулирующими и правоохранительными органами. Имеются также противоречия между предусмотренными законодательством и нормативно-правовыми актами требованиями и процедурами и необходимостью оперативного выявления мошеннических действия и скорейшего раскрытия преступлений. К числу указанных противоречий можно отнести следующие:

1) Противоречие между безопасностью и удобством (табл. 3).

Хисамова З.И. и Бегитов И.Р. отмечают, что «правильное поведение человека в цифровом пространстве (равно как и в реальном) способствует предотвращению распространения различных угроз в виртуальном мире (как и в физической среде)» [23]

и считают, что соблюдение информационной безопасности должно обеспечиваться на основе повышения киберграмотности и поддержания на должном уровне цифровой гигиены [23].

На практике же соображения цифровой гигиены достаточно часто уступают стремлению упростить процедуры доступа к данным вплоть до полной отмены дополнительных уровней защиты ради комфортного использования сервисов и приложений. Такое поведение облегчает мошенникам доступ к данным и повышает риски мошеннических действий с реальным причинением ущерба.

Таблица 3

Баланс между безопасностью и удобством пользователей

Аспект	Усиление безопасности	Повышение удобства
Методы	Многоэтапная проверка, биометрия, CAPTCHA	Минимальные проверки, упрощённый вход
Преимущества	Защита от мошенничества, повышение надёжности	Быстрый и простой доступ, комфорт клиента
Недостатки	Сложность, возможное отторжение со стороны пользователей	Увеличение уязвимости, отключение защитных механизмов
Итог	Снижение числа мошеннических случаев	Повышение рисков инцидентов и репутационных потерь

Источник: составлено авторами.

2) Противоречие между защитой персональных данных и необходимостью анализа для выявления мошенничества (табл. 4).

Таблица 4

Конфликт между защитой данных и необходимостью их анализа для борьбы с мошенничеством

Параметр	Анализ данных для безопасности	Требования к защите данных
Цель	Обнаружение мошенничества, снижение финансовых потерь	Сохранение конфиденциальности, соблюдение законодательства
Инструменты	Большие данные, алгоритмы машинного обучения	Шифрование, анонимизация, ограничение доступа
Ограничения	Регуляторные требования, ограничения по объёму данных	Запрет на избыточный сбор, согласие клиента
Итог	Более эффективный мониторинг и реагирование	Минимизация рисков нарушения прав и штрафов

Источник: составлено авторами

Для выявления и предотвращения мошеннических схем финансовые организации и регулирующие органы нуждаются в глубоком анализе больших массивов информации

о клиентах и операциях. Современные методы, такие как машинное обучение и аналитика поведения, требуют обработки значительного объёма персональных данных. Однако законодательство в области защиты данных – например, Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR) – строго ограничивает сбор, хранение и использование информации, защищая права клиентов на конфиденциальность. Это создаёт серьёзное противоречие: эффективность превентивных мер по борьбе с мошенничеством зависит от доступности данных, но их использование ограничено для сохранения приватности. Решение данного конфликта возможно через внедрение технологий анонимизации, минимизации собираемых данных и прозрачных процедур обработки. Отмечается важность внедрения современных технологий, протоколов и процедур всеми субъектами противодействия кибермошенничеству, включая операторов связи, обеспечивающих физический уровень передачи данных [24].

3) Противоречие между необходимостью оперативной блокировки мошеннических операций и соблюдением правовых норм (табл. 5).

Таблица 5

Противоречие между скоростью блокировки мошенников и соблюдением законности

Критерий	Быстрая блокировка	Соблюдение правовых процедур
Цель	Быстрое предотвращение ущерба	Законное доказательство и преследование
Метод	Автоматические системы мониторинга и блокировки	Тщательное расследование, сбор доказательств
Риски	Ложные срабатывания, ухудшение клиентского опыта	Задержки в реагировании, возможные потери
Итог	Снижение финансовых рисков с вероятностью ошибок	Законность действий с риском упущений

Источник: составлено авторами.

Для минимизации ущерба от дистанционных мошеннических действий важна максимально быстрая блокировка подозрительных транзакций. Это позволяет значительно снизить финансовые потери, однако ускоренные меры нередко приводят к ошибочным блокировкам, что вызывает недовольство клиентов и увеличивает количество жалоб. При этом правовые процедуры требуют аккуратного сбора доказательств, времени на расследование и соблюдения регламентов, что затягивает процесс преследования преступников. В то же время мошенники действуют мгновенно, что создаёт острую дилемму: как совместить необходимость быстрого реагирования и законность действий. Решение лежит в комплексном использовании автоматизированных систем с последующим экспертным анализом и контролем. Как указывают Давыдов В.О. и Тишутина И.В., «эффективность выявления, раскрытия и расследования дистанционного мошенничества во многом зависит от возможностей правоохранительных органов по грамотному обнаружению, изъятию, исследованию цифровых следов» [25].

К числу факторов, осложняющих решение проблемы кибермошенничества, и подтверждающих актуальность обеспечения межведомственного взаимодействия, можно отнести и существенное расхождение данных о масштабах киберпреступности. В табл. 6 приведены данные МВД и Банка России относительно объема средств, похищенных мошенниками у населения. Для характеристики расхождения в данных были рассчитаны индексы несоответствия, как отношения значений показателей, сообщаемых МВД к показателям, публикуемым Банком России. Можно заметить, что данные МВД об объемах похищенных у населения средств систематически кратно превышают данные Банка России, что может косвенно характеризовать объем средств населения, хранимых вне банковской системы. Показатели темпов прироста объемов похищенных средств также существенно различаются, а потому не позволяют создать единую картину динамики явления. Кузина С.И., Пухалова М.О. и Цыкора А.В. считают, что латентны преступления с наименьшим ущербом, но вместе с тем полагают, что «если мы посчитаем комплексный ущерб от мошенничеств небольшой тяжести в сумме, то официальная статистика увеличится еще в несколько раз» [15].

Таблица 6

Расхождение в оценках объема средств, похищенных у граждан

Показатель	Год				
	2020	2021	2022	2023	2024
Объем похищенных средств по данным МВД, млрд руб.	90	100	120	160	200
Темп прироста, %		11,11	20,00	33,33	25,00
Объем похищенных средств по данным Банка России, млрд руб.	9,8	13,6	14,2	15,8	27,5
Темп прироста, %		38,78	4,41	11,27	74,05
Индекс несоответствия объемов	9,18	7,35	8,45	10,13	7,27
Индекс несоответствия темпов прироста		0,29	4,53	2,96	0,34

Источник: рассчитано авторами по данным Сбера¹⁸

Условная оценка средневзвешенного объема «удачной» мошеннической операции может служить характеристикой «эффективности» мошеннических действий. Приведенные в табл. 7 значения этого показателя были рассчитаны следующим образом: для оценки средней величины ущерба в первых четырех диапазонах взято среднее граничных значений, а для последнего диапазона в качестве средней величины ущерба принято значение 2 млн руб., далее с использованием долей, приходящихся на каждую группу ущерба в общем числе преступлений, было рассчитано средневзвешенное значение. Можно заметить, что при принятых допущениях средневзвешенная условная сумма ущерба выросла в 2024 году по сравнению с предшествующим годом более чем на 25%, что отражает смещение структуры ущерба в сторону больших значений.

¹⁸ Сбер: Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан. https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/analiz-sistemy_vyvoda_denezhnyh_sredstv

Показатель «эффективности» мошеннических действий

Диапазон ущерба	Доля в общем числе преступлений, %		Условная величина ущерба, руб.	Условная оценка ущерба, руб.	
	2023	2024		2023	2024
До 20 тыс. рублей	64,10	55,30	10000	6410	5530
От 20 тыс. до 100 тыс. руб.	17,90	20,30	60000	10740	12180
От 100 тыс. до 500 тыс. руб.	9,90	13,00	300000	29700	39000
От 500 тыс. до 1 млн руб.	3,80	5,90	750000	28500	44250
Свыше 1 млн руб.	4,30	5,50	2000000	86000	110000
Средневзвешенная условная оценка ущерба, руб.				161350	210960

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России^{19,20}

Азбиева У.Р., Мамаева А.А., Кувшинова Ю.А. считают, что «полностью искоренить кибермошенничество невозможно», и прогнозируют, что «оно будет эволюционировать вместе с технологиями» [21], однако они полагают, что масштабы кибермошенничества можно снизить. Снизить степень экономической и социальной опасности кибермошенничества можно за счет тотального характера противодействия, поддержания на современном уровне технико-технологического и кадрового обеспечения ключевых субъектов противодействия и проактивных действий в рамках модели повышения киберустойчивости.

Выводы

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов.

Динамика киберпреступности как она отражается в количестве фиксируемых преступлений и ущербе от них показывает, что в настоящее время в технологическом соревновании государство и общество оказываются в роль догоняющего как в аппаратно-программной сфере, так и в накоплении опыта социально-психологических манипуляций.

Использование цифровых ИКТ при совершении преступлений имущественной направленности имеет под собой как экономические, так и социальные основы, которые недостаточно освещены в теории, но имеют неоспоримое практическое значение, а потому требуют изучения с учетом развития технико-технологических возможностей киберпространства, геополитической динамики, социальных трендов и государственной политики.

¹⁹ Банк России, 2024. Кибермошенничество: портрет пострадавшего. https://www.cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2023/

²⁰ Банк России, 2025. Кибермошенничество: портрет пострадавшего. https://www.cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/

Выявление существенных атрибутов киберпреступлений и основанная на его результатах классификация позволят создать систему сбора информации о киберпреступлениях и применять при их предотвращении, выявлении и расследовании статистические методы, технологии больших данных и искусственного интеллекта.

В условиях рыночной экономики физические лица владеют большей частью располагаемого капитала, в том числе в денежной форме, и должны становиться его поставщиками в экономику через инвестиционные механизмы. Покушения кибермошенников на денежные средства населения подрывают экономическую стабильность и выводят эти средства в нелегальный оборот, в частности могут переводить их во враждебные зарубежные структуры, что в конечном счете разрушает экономическую безопасность страны.

Физические лица становятся объектом манипулирования со стороны кибермошенников, а потому снижение уязвимости граждан к кибермошенничеству за счет повышения цифровой грамотности является важнейшей задачей. С социальной точки зрения следует принимать во внимание, что меры, принимаемые финансовыми организациями и правоохранительными органами, направленные на защиту имущественных интересов граждан, не должны восприниматься как ограничение их прав и свобод, для чего необходима масштабная разъяснительная работа.

Меры, принимаемые для выявления и профилактики киберпреступности, должны быть направлены на организацию системного противодействия киберпреступности и иметь комплексный характер. Такие меры должны всесторонне оцениваться с экономических позиций, что подразумевает, с одной стороны, обеспечение эффективности затрат на борьбу с киберпреступностью в сопоставлении с ее результатами, а с другой стороны – создание условий, при которых киберпреступления станут экономически невыгодны преступникам.

Существует ряд противоречий между интересами и возможностями специализированных субъектов противодействия киберпреступности, осуществляющих борьбу с киберпреступностью как основной вид деятельности, и неспециализированных субъектов, которые, будучи заинтересованными в устранении киберпреступности, не готовы предпринимать для этого серьезные меры, совершать затраты, отказываться от удобств и привычных подходов.

Среди факторов, ограничивающих возможности государственных органов в борьбе с киберпреступностью, имеются такие, которые представляются трудноустраняемыми, в частности низкая скорость законодательного реагирования и проблемы взаимодействия между юрисдикциями. Развитие технических возможностей противодействия киберпреступности должно иметь проактивную направленность.

В рамках противодействия кибермошенничеству необходимо наладить как межведомственное взаимодействие между специализированными субъектами противодействия киберпреступности, так и взаимодействие между этими субъектами и ключевыми неспециализированными субъектами, прежде всего Банком России, коммерческими банками, Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, операторами связи, которые, действуя в рамках своих полномочий должны принимать меры по предотвращению актов кибермошенничества и минимизации ущерба в ситуациях, когда предотвратить киберпреступления не удалось.

Направления дальнейших исследований

Данная статья является первой в цикле работ, задуманных авторами с целью раскрытия проблем и противоречий киберпреступности с позиций ее влияния на экономику и социальную среду.

В дальнейшем предполагается исследовать социально-экономические предпосылки киберпреступности, экономическую мотивацию киберпреступности и меры по устранению экономических стимулов преступной деятельности в киберпространстве, территориальный аспект киберпреступности в увязке с региональными социально-экономическими показателями.

Список литературы

1. Сахабутдинова, А.С. Цифровая преступность: причины, виды, тенденции преступности, личность преступника, меры противодействия / А.С. Сахабутдинова, А.Г. Корчагин // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 8(224). – С. 25-28.
2. Сидорова, Е.З. Цифровая преступность: понятие, криминологическая характеристика, предупреждение (часть 1) / Е.З. Сидорова, Е.Г. Усов // *Сибирский юридический вестник*. – 2024. – № 2 (105). – С. 89-93.
3. Lee, S.-H. Understanding cybercrime from a criminal's perspective: Why and how suspects commit cybercrimes? / S.-H. Lee, I. Kang, H.-W. Kim // *Technology in Society*. – 2023. – Volume 75. – 102361.
4. Ищук, Я.Г. Цифровая криминология: учеб. пособие. / Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольянинов – М.: Акад. управления МВД РФ. – 2021. – 244 с
5. Сидорова, Е.З. Цифровая преступность: понятие, криминологическая характеристика, предупреждение (часть 2) / Е.З. Сидорова, Е.Г. Усов // *Сибирский юридический вестник*. – 2024. – № 3 (106). – С. 81-87.
6. Квятковский, К.С. Преступления в сфере компьютерной информации, компьютерные преступления и киберпреступность: соотношение понятий / К.С. Квятковский // *Молодой ученый*. – 2022. – № 42. – С. 108–112.
7. Добринская, Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни / Д.Е. Добринская // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. – 2018. – Т. 24. № 1. – С. 52-70.
8. Капинус, О.С. Цифровизация преступности и уголовное право // *Baikal Research Journal*. – 2022. – Т. 13, № 1.
9. Гурьянова, В.Р. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий: отдельные аспекты. Учебное пособие / В.Р. Гурьянова, Г.А. Тугузбаев, А.С. Ишмеева, М.А. Рахматуллин, И.Р. Диваева, Р.И. Пейзак, Р.Р. Абдраязпов, Э.Д. Нугаева, З.И. Харисова, С.Р. Низаева, А.Р. Лонцакова – Уфа. – 2023. – 48 с.
10. Мордвинов, К.В. Киберпреступность в современной России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью / К.В. Мордвинов, У.А. Удавихина // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. – 2022. – №1(11). – С. 83-88.
11. Соломонова, В.В. Киберпреступность в современной России: масштабы и последствия / В.В. Соломонова // *Территория науки*. – 2025. – № 4. – С. 49-52.
12. Самойличенко, Е.Е. Социальный портрет жертвы мошенничества, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий, в современной России /

Е.Е. Самойличенко, М.О. Дятлева, Е.А. Цыкина // Society and Security Insights. – 2024. – Т. 7. № 4. – С. 157-171.

13. Крутова, Н.А. Защита от кибермошенничества и возможности обеспечения национальной безопасности современной России / Н.А. Крутова, А.Н. Крутов, Ю.И. Минина, Д.А. Крутова // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2025. – № 1. – С. 7-16.

14. Давыдов, В.О. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В.О. Давыдов, И.В. Тишутина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2(14). – С. 81-91.

15. Кузина, С.И. Мошенничество в цифровом пространстве и его особенности / С.И. Кузина, М.О. Пухкалова, А.В. Цыкора // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 2. – С. 112-124.

16. Унукович, А.С. Меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении граждан / А.С. Унукович // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29. № 2(89). – С. 98-102.

17. Шевко, Н.Р. Кибермошенничество: новые методы, старые цели / Н.Р. Шевко, М.А. Лукина // Виктимология. – 2025. – Т. 12. № 2. – С. 250-259.

18. Братусин, А.Р. О проблемах, характерных индивидуально-типологических особенностях и поведенческих паттернах личности типичных жертв финансового мошенничества / А.Р. Братусин, Е. Е. Власенко // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64/4. – С. 292-295.

19. Алексеева, А.П. Современные способы совершения кибермошенничеств и основные пути противодействия им / А.П. Алексеева, О.И. Белокобыльская // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1(79). – С. 78-84.

20. Косарев, А.С. Проблемные вопросы раскрытия мошеннических действий, совершенных с использованием информационных телекоммуникационных технологий / А.С. Косарев, М.А. Саянко // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2022. – № 3. – С. 42-46.

21. Азбиева, У.Р. Цифровая грамотность и кибермошенничество: новые вызовы для российской экономики знаний / У.Р. Азбиева, А.А. Мамаева, Ю.А. Кувшинова // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2025. – № 2 (58). – С. 341-350.

22. Яровиков, А.С. Проблемы ведомственного взаимодействия правоохранительных органов в сфере информационного поиска при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / А.С. Яровиков // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 1-2. – С. 210-215.

23. Хисамова, З.И. Цифровая преступность в условиях пандемии: основные тренды / З.И. Хисамова, И.Р. Бегишев // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 185-198.

24. Зароденков, Н.С. Особенности цифрового мошенничества в России / Н.С. Зароденков // В сборнике: 19. Konferenz Wissenschaft und Bildung: in- und ausländische Erfahrung. Conference Proceedings. Gelsenkirchen. – 2025. – С. 73-78.

25. Давыдов, В.О. Цифровые следы в расследовании дистанционного мошенничества / В.О. Давыдов, И.В. Тишутина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 20-27.

References

1. Sakhabutdinova A. S., Korchagin A. G. (2023) Tsifrovaya prestupnost': prichiny, vidy, tendentsii prestupnosti, lichnost' prestupnika, mery protivodeystviya [Digital Crime: Causes, Types, Crime Trends, Criminal's Identity, Countermeasures]. *Agrarian and Land Law*, 8 (224), pp. 25-28.
2. Sidorova E. Z., Usov E. G. (2024) Tsifrovaya prestupnost': ponyatiye, kriminologicheskaya kharakteristika, preduprezhdeniye (chast' 1) [Digital Crime: Concept, Criminological Characteristics, Prevention (Part 1)]. *Siberian Legal Bulletin*, 2 (105), pp. 89-93.
3. Lee S.-H., Kang I., Kim H.-W. (2023) Understanding Cybercrime from a Criminal's Perspective: Why and How Do Suspects Commit Cybercrimes? *Technology in Society*, 75, 102361.
4. Ishchuk Y. G., Pinkevich T. V., Smolyaninov E. S. (2021) Tsifrovaya kriminologiya: uchebnoye posobiye [Digital Criminology: Study Guide]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 244 p.
5. Sidorova E. Z., Usov E. G. (2024) Tsifrovaya prestupnost': ponyatiye, kriminologicheskaya kharakteristika, preduprezhdeniye (chast' 2) [Digital Crime: Concept, Criminological Characteristics, Prevention (Part 2)]. *Siberian Law Bulletin*, 3 (106), pp. 81-87.
6. Kvyatkovsky K. S. (2022) Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii, komp'yuternyye prestupleniya i kiberprestupnost': sootnosheniye ponyatiy [Crimes in the Field of Computer Information, Computer Crimes, and Cybercrime: Relationship Between Concepts]. *Young Scientist*, 42, pp. 108-112.
7. Dobrinskaya D. E. (2018) Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoy zhizni [Cyberspace: Territory of Modern Life]. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, (1) 24, pp. 52-70.
8. Kapinus O. S. (2022) Tsifrovizatsiya prestupnosti i ugolovnoye pravo [Digitalization of Crime and Criminal Law]. *Baikal Research Journal*, (1) 13.
9. Guryanova V. R., Tuguzbaev G. A., Ishmeeva A. S., Rakhmatullin M. A., Divaeva I. R., Peyzak R. I., Abdrazyapov R. R., Nugaeva E. D., Kharisova Z. I., Nizaeva S. R., Lonshechakova A. R. (2023) Protivodeystviye prestupleniyam, sovershayemym s ispol'zovaniyem sovremennykh informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy: otdel'nyye aspekty. Uchebnoye posobiye [Counteracting Crimes Committed with the Use of Modern Information and Telecommunication Technologies: Certain Aspects. Study Guide]. Ufa. 48 p.
10. Mordvinov K. V., Udavikhina U. A. (2022) Kiberprestupnost' v sovremennoy Rossii: aktual'nyye vyzovy i uspeshnyye praktiki bor'by s kiberprestupnost'yu [Cybercrime in Modern Russia: Current Challenges and Successful Practices in the Fight Against Cybercrime]. *Theoretical and Applied Jurisprudence*, 1 (11), pp. 83-88.
11. Solomonova V. V. (2025) Kiberprestupnost' v sovremennoy Rossii: masshtaby i posledstviya [Cybercrime in Modern Russia: Scale and Consequences]. *Territory of Science*, 4, pp. 49-52.
12. Samoilichenko E. E., Dyatleva M. O., Tsykina E. A. (2024) Sotsial'nyy portret zhertvy moshennichestva, sovershennogo s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy, v sovremennoy Rossii [Social Portrait of a Victim of Fraud Committed Using Information and Communication Technologies in Modern Russia] *Society and Security Insights*, 4 (7), pp. 157-171.
13. Krutova N. A., Krutov A. N., Minina Y. I., Krutova D. A. (2025) Zashchita ot kibermoshennichestva i vozmozhnosti obespecheniya natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii [Protection Against Cyber Fraud and the Possibility of Ensuring National Security of Modern Russia]. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 1, pp. 7-16.
14. Davydov V. O., Tishutina I. V. (2020) Ob aktual'nykh problemakh kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya moshennichestv, sovershennykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [On Current Issues of Forensic Support for the

Detection and Investigation of Fraud Committed Using Information and Telecommunication Technologies]. *Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2 (14), pp. 81-91.

15. Kuzina S. I., Pukhkalova M. O., Tsykora A. V. (2025) Moshennichestvo v tsifrovom prostranstve i yego osobennosti [Fraud in the Digital Space and Its Features]. *North Caucasian Legal Bulletin*, 2, pp. 112-124.

16. Unukovich A. S. (2023) Mery preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy v otnoshenii grazhdan [Measures to Prevent Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies against Citizens]. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 29, 2 (89), pp. 98-102.

17. Shevko N. R., Lukina M. A. (2025) Kibermoshennichestvo: novyye metody, staryye tseli [Cyberfraud: New Methods, Same Goals]. *Victimology*, 2 (12), pp. 250-259.

18. Bratusin A. R., Vlasenko E. E. (2019) O problemakh, kharakternykh individual'no-tipologicheskikh osobennostyakh i povedencheskikh patternakh lichnosti tipichnykh zhertv finansovogo moshennichestva [On the Problems, Characteristic Individual-Typological Features and Behavioral Patterns of the Personality of Typical Victims of Financial Fraud]. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 64/4, pp. 292-295.

19. Alekseeva A. P., Belokobylskaya O. I. (2025) Sovremennyye sposoby soversheniya kibermoshennichestv i osnovnyye puti protivodeystviya im [Modern Methods of Committing Cyberfraud and the Main Ways to Counteract Them]. *Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1 (79), pp. 78-84.

20. Kosarev A. S., Saenko M. A. (2022) Problemnyye voprosy raskrytiya moshennicheskikh deystviy, sovershennykh s ispol'zovaniyem informatsionnykh telekommunikatsionnykh tekhnologiy [Problematic issues of detecting fraudulent actions committed using information telecommunication technologies]. *Problems of Law Enforcement Activity*, 3, pp. 42-46.

21. Azbieva U. R., Mamaeva A. A., Kuvshinova Y. A. (2025) Tsifrovaya gramotnost' i kibermoshennichestvo: novyye vyzovy dlya rossiyskoy ekonomiki znaniy [Digital Literacy and Cyber Fraud: New Challenges for the Russian Knowledge Economy]. *Bulletin of the National Institute of Business*, 2 (58), pp. 341-350.

22. Yarovikov A. S. (2021) Problemy vedomstvennogo vzaimodeystviya pravookhranitel'nykh organov v sfere informatsionnogo poiska pri osushchestvlenii operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Problems of Departmental Interaction of Law Enforcement Agencies in the Field of Information Search During Operational-Search Activities]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 1-2, pp. 210-215.

23. Khisamova Z. I., Begishev I. R. (2022) Tsifrovaya prestupnost' v usloviyakh pandemii: osnovnyye trendy [Digital Crime in a Pandemic: Main Trends]. *All-Russian Criminological Journal*, 2 (16), pp. 185-198.

24. Zarodenkov N. S. (2025) Osobennosti tsifrovogo moshennichestva v Rossii [Features of Digital Fraud in Russia]. In the collection: 19. *Konferenz Wissenschaft und Bildung: In- und Ausländische Erfahrung. Conference Proceedings. Gelsenkirchen*, pp. 73-78.

25. Davydov V. O., Tishutina I. V. (2020) Tsifrovyye sledy v rassledovanii distantsionnogo moshennichestva [Digital Traces in the Investigation of Remote Fraud]. *Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 3, pp. 20-27.

A. N. Litvinenko²¹, L. A. Guzikova²². Problems and Contradictions of the System for Counter-acting Cyber Fraud in the Context of Economy Digitalization. The article examines the challenges and contradictions in combating cyber fraud in the digital economy. It discusses the development of a conceptual framework for describing and characterizing cybercrime, the challenges of coordinating the actions of cybercrime countermeasures, and assessing the effectiveness of efforts to prevent, detect, and uncover cyber fraud. Economic estimates of the damage caused by cyber fraud are provided. Solutions to respond challenges and to overcome contradictions are proposed. The feasibility of an economic approach to combating cybercrime and its possible applications are substantiated.

Keywords: digitalization of the economy, digital crime, cybercrime, cyber fraud, counteracting cyber fraud, interdepartmental coordination

²¹ *Aleksandr N. Litvinenko*, Professor, Department of Economic Security, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs (1 Letchika Pilyutova ul., St. Petersburg, 198206, Russia), Doctor of Economics, e-mail: lanfk@mail.ru.

²² *Liudmila A. Guzikova*, Professor, Higher School of Engineering and Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Politekhnikeskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia), Doctor of Economics, e-mail: guzikova_la@spbstu.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-176-200

Л. В. Бабич¹, И. А. Секушина²

ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДАХ РОССИИ³

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска новых путей развития малых и средних городов в условиях парадигмального сдвига от традиционной экономики к ноономике. В современных реалиях материальное производство, основанное на механизированном труде, перестает быть драйвером роста, ценность создается знаниями и инновациями, а креативный сектор становится ключевым ресурсом развития населенных пунктов, позволяющим диверсифицировать их экономику, сохранить культурную идентичность и улучшить качество городской среды. Цель работы – выявить специфику и уровень развития креативных индустрий в малых и средних городах, определить системные барьеры и перспективные направления расширения их потенциала. Объектом исследования выступили малые и средние города Новосибирской, Ивановской и Вологодской областей. Теоретическую основу исследования составили концепция ноономии, работы в области экономики креативных индустрий и теория «креативного города». В качестве информационной базы использовались данные Росстата, сервиса проверки контрагентов List-org, сайта «Яндекс. Карты», документы стратегического планирования. Методологический аппарат включал монографический, содержательный и сравнительный анализ, а также комплекс общенаучных методов. Установлено, что даже в регионах-лидерах по развитию креативных индустрий (Новосибирская и Ивановская области) большинство организаций данного сектора экономики сконцентрированы в крупных городах. В Ивановской области лишь около 12% предприятий расположены в малых и средних городах, а в Новосибирской области – лишь 5%. Выявлено, что нахождение в зоне влияния крупного города или в составе агломерации создаёт ключевые предпосылки для роста креативных индустрий в малых и средних городах. Значимым фактором также выступает институциональная среда, включающая комплекс нормативно-правовых актов и действующие институты, задающие вектор развития креативной экономики и обеспечивающие планомерную ноотрансформацию городов. Проведенный SWOT-анализ позволил идентифицировать внутренние сильные стороны и системные ограничения для роста креативных индустрий в малых и средних городах России.

Ключевые слова: концепция ноономии, креативные индустрии, малые и средние города, креативная экономика, диверсификация экономики, Новосибирская область, Ивановская область, Вологодская область.

УДК 330.352

¹ *Любовь Васильевна Бабич*, первый заместитель директора Вологодского научного центра РАН (160014, РФ, Вологда, ул. Горького, д. 56а), канд. экон. наук, e-mail: lvbabich@volnc.ru

² *Ирина Анатольевна Секушина*, заместитель заведующего Научно-образовательным центром, старший научный сотрудник ФГБУН Вологодский научный центр РАН (160014, РФ, Вологда, ул. Горького, д. 56а), канд. экон. наук., e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

³ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для Вологодского научного центра Российской академии наук по теме FMGZ-2025-0013: «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Современное общество стоит на пороге принципиального парадигмального сдвига. Исчерпывает себя модель, основанная на индустриальном производстве и позднекапиталистических отношениях, где доминируют рынок, частная собственность и прибыль. Ускорение научно-технического прогресса лишь обостряет ее внутренние противоречия, приводя к нарастающему системному кризису в технологической, социальной и институциональной сферах. На смену этой системе приходит интеллектуально-креативная парадигма, являющаяся ядром ноономики – экономики будущего, основанной на знании и творчестве [2]. В данном контексте креативные индустрии перестают быть периферийным сектором услуг и становятся ключевым проводником и материальным воплощением новой экономической модели, поскольку именно они напрямую производят ту самую интеллектуальную и смысловую ценность, на которой строится ноономика.

В условиях современных геополитических вызовов и социально-экономических преобразований развитие креативных индустрий приобретает особую значимость для России. Прежде всего, это связано с необходимостью диверсификации экономики и снижения зависимости от сырьевых рынков. Креативные индустрии становятся новым драйвером экономического роста, формируя экспортный потенциал в сфере интеллектуальной собственности и создавая альтернативные источники дохода для государства. В настоящее время в России креативный сектор растет в 4 раза быстрее, чем экономика страны в целом. При этом вклад креативных индустрий в ВВП составляет 4,1%.⁴

Важнейшим аспектом развития креативных индустрий является их вклад в технологическое совершенствование страны. Они стимулируют появление отечественных программных продуктов, способствуют развитию цифровых технологий и формированию инновационных решений в различных сферах.

Развитие креативных индустрий также оказывает непосредственное влияние на повышение качества образования, формирование новых компетенций, развитие творческого мышления и создание инновационной среды. В современных реалиях развитие креативных индустрий становится не просто желательным, а необходимым элементом стратегии социально-экономического развития государства, направленной на обеспечение устойчивости и конкурентоспособности национальной экономики, создание новых возможностей для роста и развития, а также укрепления позиций страны на международной арене.

Креативные индустрии становятся одним из ключевых факторов развития городских территорий. В индустриальном обществе города, как правило, формировались «вокруг завода», что впоследствии привело к возникновению проблемы их монопрофильности [3]. В постиндустриальную эпоху основу городской экономики уже составляют нематериальные активы, человеческий капитал и сфера услуг, а не физическое производство товаров. Города становятся центрами генерации новых идей и креативные индустрии в данном контексте выступают не просто как один из секторов постиндустриальной экономики, а как эволюционный драйвер и инструмент «мягкой силы», особенно в контексте перехода к ноономике как экономике будущего, где основным

⁴ Креативная экономика России сегодня. Аналитический доклад Центра стратегических разработок. 2025. 48 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf?ysclid=mj728nyaz7620370086 (дата обращения: 5.12.2025 г.)

производственным ресурсом, продуктом и капиталом являются идеи и знания. В парадигме ноономики город трансформируется из пассивной среды обитания в динамичное пространство, где непрерывно создаются новые смыслы, формируя креативную основу для общества нового типа – нообщества [1].

В России в настоящее время на государственном уровне вопросам развития креативного сектора экономики уделяется заметное внимание. С 2021 года началось формирование организационной и правовой базы для развития креативной экономики, а также запуск первых специализированных мер поддержки федерального масштаба. В том же году распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года⁵, а также разработан план по ее реализации⁶. В 2023 году при Агентстве стратегических инициатив (АСИ) начал работу Центр развития креативной экономики⁷.

В мае 2024 года вышел Указ Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который включил в число приоритетов увеличение доли креативных (творческих) индустрий в экономике. В августе того же года был принят Федеральный закон № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», установивший ключевые направления государственной поддержки этого сектора экономики.

На региональном уровне в России уже предпринимаются конкретные шаги по развитию креативной экономики: внедряются программы поддержки, формируются специализированные институты, реализуются пилотные проекты в наиболее значимых творческих индустриях.

Важно отметить, что особую актуальность развитие креативного сектора экономики приобретает в контексте развития малых и средних городов как самой многочисленной категории городских поселений [4]. Данные населенные пункты, часто зависимые от одного-двух крупных предприятий, получают возможность развития новых хозяйственных отраслей. Креативные индустрии создают точки роста, не требующие значительных начальных инвестиций и больших производственных мощностей, что особенно важно в условиях экономической нестабильности.

Социокультурное развитие территорий также становится более динамичным благодаря креативным индустриям. Они способствуют обновлению городской среды, созданию новых общественных пространств и формированию локальной идентичности. Местные традиции и культурное наследие получают новое дыхание, обретая современные формы выражения. Также развитие креативных индустрий может способствовать решению проблемы оттока молодежи из небольших населенных пунктов за счет создания

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года».

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2022 № 2290-р (ред. от 26.01.2024) «О Плане мероприятий по реализации в 2022–2025 годах Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года».

⁷ Официальный сайт Центра развития креативной экономики АСИ. URL: <https://asi.ru/creative/> (дата обращения: 18.11.2025 г.)

новых возможностей для самореализации молодых специалистов, что позволит им оставаться в родных городах и развивать свой потенциал на местах.

Вместе с тем, на наш взгляд, в настоящее время актуальной научной проблемой остаётся отсутствие целостной теории и инструментов развития креативных индустрий, учитывающих специфику малого или среднего города как особого типа социально-экономического и пространственного образования. Заполнение этого пробела имеет не только академическую ценность, но и прямое прикладное значение для формирования эффективной региональной политики в рамках нового законодательства, направленной на реальное оживление и устойчивое развитие нестоличных территорий России.

С учетом вышесказанного *целью настоящей работы является исследование особенностей и уровня развития креативных индустрий в малых и средних городах, выявление факторов и перспективных направлений расширения их потенциала.* Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

- исследование теоретических основ развития креативных индустрий в городской среде;
- оценка текущего состояния и уровня развития креативных индустрий в малых и средних городах России (на материалах трех модельных субъектов РФ);
- анализ институциональной среды развития креативных индустрий в малых и средних городах;
- выявление сильных и слабых сторон развития креативных индустрий в малых и средних городах, а также определение перспективных направлений их внедрения в экономику муниципалитетов.

Новизна исследования заключается в оценке уровня развития креативных индустрий в малых и средних городах, диагностике институционального поля их формирования, выявлении специфических факторов и стратегических направлений расширения их потенциала.

Теоретические основы исследования

В научной литературе отсутствует единое мнение в отношении таких понятий, как «креативные индустрии» или «креативный сектор экономики». Соответственно, в состав креативных индустрий могут включаться разные отрасли экономики в зависимости от применяемого подхода. В целом к ним относятся те виды экономической деятельности, которые связаны с созданием, продвижением и реализацией креативного продукта. Хотя единого определения нет, в научном сообществе сложился условный мейнстрим – набор отраслей, которые большинство ученых и экспертов относят к ядру креативных индустрий. В их число входят следующие виды экономической деятельности:

- реклама и маркетинг;
- дизайн;
- архитектура;
- изобразительное и исполнительское искусство;
- кино и телевидение;
- музыка;

- издательское дело и литература;
- видеоигры и интерактивное программное обеспечение;
- разработка программного обеспечения;
- мода;
- музеи, галереи, библиотеки.

Иногда к категории креативных индустрий также относят гастрономию и кулинарное искусство, ремесла и народно-художественные промыслы, ивент-индустрию (проведение фестивалей, выставок и т.п.).

Обращаясь к тематике развития креативных индустрий, необходимо выделить несколько фундаментальных работ, которые составляют основу современного понимания роли креативного сектора в городском развитии. Прежде всего это труды Ричарда Флориды, в которых представлена теория креативного класса и креативной экономики [5], а также сформулирован принцип «трех Т» (технологии, талант, толерантность), выступающий базой для креативного экономического развития региона или города. Эта теория стала основой создания «креативных городов» по всему миру, хотя и неоднократно подвергалась жесткой критике [6, 7].

В исследованиях Чарльза Лэндри [8] предлагается концепция «креативного города» как системы, где творческое мышление может применяться к решению городских проблем. Аллен Скотт [9] рассматривает концепцию креативных городов в контексте «новой экономики» и дает содержательный анализ креативных индустрий как естественного продукта агломерации, акцентируя внимание на важности и большом значении уникальной промышленной и культурной базы каждого города.

В отличие от зарубежной литературы, где вопросы развития городского креативного сектора исследуются на протяжении длительного времени, в работах российских учёных эта тематика появилась в научной повестке относительно недавно. При этом заметная часть научных статей посвящена изучению зарубежных практик. В частности, в работе Костко Н.А. [10] представлен обзор европейского опыта реализации концепции креативного города, при этом акцент сделан на исследование социальных аспектов и условий развития населенных пунктов. Автор отмечает, что фундаментом реализации концепции «креативного города» является человеческий капитал и, соответственно, приоритетное значение приобретает качественное образование, создающее основу для формирования креативного класса и успешной интеграции его продуктов в социальную среду [10].

Байкова Э.Р. также рассматривает зарубежный опыт развития креативных индустрий, включая анализ инструментов поддержки креативного сектора [11]. Интерес представляют выделенные автором модели развития креативных индустрий: американская, скандинавская, европейская и азиатская. В качестве проблем, с которыми сталкиваются креативные индустрии за рубежом обозначены дефицит квалифицированных кадров, обусловленный недостаточным уровнем творческого образования и слабым освоением современных технологий, а также недостаток финансирования программ обучения и развития профессиональных компетенций работников креативной сферы [11].

Вместе с тем, на наш взгляд, важно понимать, что модели, разработанные на основе кейсов крупнейших западных городских агломераций, часто оказываются неприменимы или требуют серьезной адаптации в отношении городов глобального Юга или постсо-

циалистических стран. В данном контексте научный интерес представляет изучение опыта развития креативных индустрий в российских регионах.

Так, внимания заслуживает исследование Центра стратегических разработок, в котором представлен анализ тенденций развития креативных индустрий в российских регионах, а также осуществлен обзор существующих видов поддержки и успешных региональных практик⁸. В работе Сысоевой О.В. и Васина А.В. дана оценка современного состояния креативных индустрий и предложен комплекс стратегических решений в целях стимулирования дальнейшего продвижения креативных индустрий в российских регионах [12].

Среди научных работ, посвященных изучению опыта отдельных регионов, можно выделить исследование Климовой И.В. и Семерковой Л.Н. [13], в котором на примере региональных центров Поволжского федерального округа анализируется взаимосвязь между устойчивым развитием города и количеством организаций креативных индустрий, уровнем занятости населения в креативном секторе и вкладом организаций креативных индустрий в валовый муниципальный продукт.

Маленко И.С. рассматривает опыт Новгородской области в развитии креативных индустрий. Конечно, в основном внимание сфокусировано лишь на региональном центре – Великом Новгороде, вместе с тем автор приводит пример и малого города Старая Русса, в котором ежегодно проводится Фестиваль костюма и народных промыслов «САРАФАН» [14].

Полуянова О.Г. анализирует опыт развития креативных индустрий в Пермском крае и отмечает, что в регионе созданы благоприятные условия не только для развития местной культуры, но и создания инновационной экономики. Однако автор отмечает, что определяющее значение в этом процессе играют местные элиты, действиями которых закладываются основы креативной городской среды [15].

Ю.Н. Гамбеева и В.М. Смей в своем исследовании на примере Севастополя дают оценку вклада креативных индустрий в экономику города. Исследователи подчёркивают первостепенную роль инфраструктурного обеспечения в становлении креативных индустрий. Успешное развитие данной сферы невозможно без формирования специализированных площадок – креативных кластеров и бизнес-инкубаторов, которые становятся катализаторами роста. Важнейшим условием прогресса выступает концентрация представителей креативного класса на определённой территории. Именно поэтому создание особой среды и соответствующей инфраструктуры становится необходимым условием для эффективного развития креативных индустрий [16].

Масштабные работы по изучению развития креативных индустрий в России проводятся специалистами Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала. При этом в фокусе внимания ученых находятся не только субъекты РФ, но города. Так в работе⁹ проведена оценка размера креативного сектора в 197 российских городах, а также определены их креативные специализации. Специалисты выделили две основные группы креативных индустрий: локальные и бизнес-индустрии. Первая группа представ-

⁸ Меры поддержки креативной экономики // Сайт Центра стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/meru-podderzhki-kreativnoy-ekonomiki/>

⁹ Креативные специализации российских городов // Научный дайджест. Спецвыпуск № 1. 2022. URL: <https://isek.hse.ru/mirror/pubs/share/565708222.pdf?ysclid=mj72uxutdi277288156> (дата обращения 30.11.2025 г.)

лена практически во всех рассмотренных городах, в нее входят издательское дело, музеи, библиотеки и архивы, народные промыслы и ремёсла, художественное творчество, кино и анимация. Бизнес-индустрии преимущественно сосредоточены в крупных и крупнейших городах страны. Именно они играют ключевую роль в экономическом развитии всего креативного сектора и выступают его движущей силой. Вместе с тем авторы рассматривали только населенные пункты с численностью населения более 100 тыс. человек, т.е. малые и средние города остались за рамками исследования.

Проблематика креативной реиндустриализации городов «второго эшелона» нашла отражение в исследовании Тургель И.Д. и Антоновой И.С. [17]. Авторы справедливо отмечают, что в современной отечественной литературе более широко представлен региональный уровень исследований, что обусловлено более высокой доступностью статистических данных на уровне региона и страны. В отношении городских населенных пунктов внимание исследователей сфокусировано главным образом на крупных городских агломерациях и городах с численностью населения, превышающей 100 тыс. чел.

В целом, можно заключить, что длительное время сохранялась выраженная тенденция в академических исследованиях, заключающаяся в фокусировании внимания на развитии креативных индустрий преимущественно в крупных городах. Во-первых, это было обусловлено тем, что данные населенные пункты концентрируют на своей территории творческих профессионалов, компании, инвесторов, учебные заведения и инфраструктуру, соответственно, изучать явления и процессы проще, когда они собраны в одном месте. Во-вторых, вклад креативных индустрий в экономику и социальную сферу в мегаполисах более значителен и легче поддается количественной оценке. В-третьих, во многом это было обусловлено сложностью проведения исследований на материалах небольших населенных пунктов, поскольку в малых городах или сельских территориях креативные индустрии часто носят неформальный или гибридный характер (совмещение с туризмом, ремеслами, сельским хозяйством), их границы размыты, что затрудняет сбор стандартизированных данных.

Однако уже в настоящее время намечаются определенные сдвиги в научном сообществе: исследователи начинают активно изучать креативные индустрии в нестоличных и периферийных территориях, в том числе в малых городах, признавая их важность для сбалансированного развития и сохранения культурного разнообразия [18,19,20].

В частности, Шабунова А.А. и Рычихина Н.С. развитие креативных индустрий рассматривают как элемент инновационной стратегии реструктуризации производственно-хозяйственной деятельности малых городов, наряду с созданием технопарков, формированием туристических кластеров и мерами по поддержке предпринимательства [21]. Андрейченко Н.Н. исследует как креативные индустрии способствуют диверсификации экономики малых монопрофильных городов. Рассматривая кейс моногорода Выкса, автор обосновывает тезис о том, что позиционирование культуры в качестве ключевого ресурса развития инициирует волну социокультурных изменений, создающих благоприятные условия для оживления экономической деятельности [22].

Таким образом, в современной глобальной экономике, основанной на знаниях и инновациях, креативные индустрии утвердились как мощный драйвер устойчивого развития, формирования человеческого капитала и повышения качества жизни. При этом длительное время внимание ученых было сфокусировано на мегаполисах – точках

концентрации финансовых, культурных и кадровых ресурсов. Однако в последнее десятилетие нарастает осознание стратегического потенциала креативного сектора для развития малых и средних городов России, которые сталкиваются с комплексом вызовов: миграционным оттоком населения, монопрофильностью экономики, сокращением социальной инфраструктуры.

Методы и информационная база исследования

Объектом исследования выступили малые и средние города трех субъектов РФ: Новосибирской, Ивановской и Вологодской областей. Выбор данных регионов обусловлен тем, что Новосибирская (3-е место) и Ивановская области (6-е место) занимают лидирующие позиции в Рейтинге креативных регионов России за 2024 год (далее – Рейтинг) [23]. При этом их хозяйственная специализация существенно различается, что обусловлено географическими, историческими и экономическими факторами. Новосибирская область характеризуется диверсифицированной экономикой с акцентом на высокотехнологичные и индустриальные отрасли (машиностроение, металлообработка, химическая промышленность, информационные технологии, биотехнологии и т.д.), тогда как Ивановская область специализируется преимущественно на текстильной промышленности, хотя и развивает также машиностроение и новые направления в лёгкой промышленности. В целях проведения сравнительного анализа в качестве объекта исследования была выбрана также Вологодская область, которая занимает в Рейтинге лишь 48-е место, и представляет собой промышленно-аграрный регион с доминированием чёрной металлургии и химии, а также значимой долей лесопромышленного комплекса и устойчивым АПК.

На первом этапе исследования был проведен анализ количества организаций, зарегистрированных в малых и средних городах и функционирующих в креативном секторе экономики. Основой для отнесения вида экономической деятельности к категории креативных индустрий послужила методология, предложенная исследователями НИУ ВШЭ. Авторами предложена укрупненная классификационная группировка «Креативный сектор в регионах России», включающая 12 блоков креативных индустрий и 4 блока, сопутствующих им видов деятельности [23].

Информационной базой послужили данные сервиса проверки контрагентов List-org (<https://www.list-org.com>), на основе которых была сформирована база предприятий, функционирующих в малых и средних городах и относящихся согласно ОКВЭД к креативным индустриям.

Вместе с тем важно обратить внимание на важный нюанс. Код основного вида деятельности по ОКВЭД не всегда отражает реальную специализацию предприятия, т.е. по факту организаций в сфере креативного сектора экономики может оказаться меньше (или больше). В частности, в г. Бердске в категорию КИ «Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия» попали шесть гаражно-строительных кооперативов, поскольку основной ВЭД у них обозначен «Деятельность в области фотографии». Признавая данное ограничение методологии, мы тем не менее применяем её в настоящей работе, однако для углублённого анализа развития креативных индустрий в малых и средних городах данное ограничение требует особого внимания.

Также в рамках исследования, был рассмотрен фактор территориальной близости малых и средних городов к крупным городам – административным центрам регионов. В данном случае в качестве информационной базы использовались данные сервиса Яндекс.Карты о расстоянии между населенными пунктами по автомобильным дорогам.

На втором этапе исследования был проведен анализ институциональной среды развития креативных индустрий в малых и средних городах, рассматриваемых субъектов РФ. Рассмотрены стратегии социально-экономического развития регионов на предмет наличия в них акцентов на развитии креативных индустрий, в том числе в небольших населенных пунктах. Помимо этого, в исследовании рассмотрены нормативно-правовые документы субъектов РФ, ориентированные на поддержку креативных индустрий, а также существующие институты, обеспечивающие их развитие.

На заключительном этапе исследования был проведен SWOT-анализ потенциала развития креативных индустрий в малых и средних городах. Выявлены особенности и факторы формирования креативного сектора в данных населенных пунктах, а также предложен ряд направлений его дальнейшего развития.

Результаты исследования и обсуждение

По состоянию на ноябрь 2025 года всего в *Новосибирской области* функционирует около 7,5 тысяч организаций креативного сектора (табл. 1). При этом подавляющее большинство из них расположено в областном центре – г. Новосибирск (6110 ед., 82%). На долю малых и средних городов региона приходилось лишь чуть более 5% организаций данной сферы. В разрезе видов креативных индустрий лидером является «Мода»: в данном секторе экономики функционируют 94 организации, примерно половина из которых локализована в г. Бердск.

Также в малых и средних городах функционируют организации таких креативных индустрий как «Программное обеспечение и видеоигры» (48 ед.), «Культурное наследие, отдых и развлечения» (45 ед.) и «Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия» (43 ед.). Организации, ведущие свою деятельность по направлениям «Дизайн» и «Ювелирное дело» в малых и средних городах региона отсутствуют. Среди сопутствующих видов деятельности наиболее широко представлены организации в сфере «Оборудование и материалы» – 47 ед. В целом к городам-лидерам в части развития креативных индустрий, помимо Бердска, в котором функционирует 201 организация данного сектора, можно отнести Искитим (52 ед.), Обь (21 ед.), Карасук (18 ед.), Куйбышев (17 ед.).

Следует отметить, что заметное влияние на уровень развития креативных индустрий в малых и средних городах региона играет фактор территориальной близости к крупнейшему городу области – Новосибирску. Так, наибольшее количество организаций креативного сектора расположено в городах, входящих в состав Новосибирской агломерации – Бердске, Искитиме и Оби.

Таблица 1

Количество организаций креативного сектора, функционирующих в городах Новосибирской области

Город	Чис-ть населения, тыс. чел. (2024 г.)	Расстояние от адм. центра, км	Креативные индустрии												Сопутствующие виды деятельности					ВСЕГО КИ	
			Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия	Кино, сериалы, анимация	ПО и видеопры	Книжное дело, медиа, СМИ	Реклама и пиар	НХПР	Культурное наследие, отль и развлекчния	Дизайн	Архитектура и урбаннстика	Мода	Ювелирное дело	Гастрономия	ВСЕГО по основным КИ	Оборудоване и материалы	Дизайн-интегсивные производств	Специализированное образование	Организация выставок и мероприятий		Всего по вепомот КИ
Новосибирская область	2789,5	-	480	80	1527	674	670	28	508	59	418	1786	35	142	6407	507	454	6	79	1046	7453
Новосибирск	1633,9	-	220	50	1359	577	607	25	327	51	376	1496	35	114	5237	431	374	4	64	873	6110
Бердск*	102,8	38	21	2	31	11	9	0	14	0	9	54	0	2	153	29	19	0	0	48	201
Искитим	56,7	58	5	1	5	5	1	0	8	0	2	16	0	1	44	6	2	0	0	8	52
Куйбышев	41,5	330	1	0	3	2	2	0	5	0	1	2	0	0	16	1	0	0	0	1	17
Обь	30,9	18	2	0	3	0	1	1	1	0	0	8	0	1	17	3	1	0	0	4	21
Барабинск	27,5	320	2	0	1	4	0	0	3	0	0	3	0	0	13	0	0	0	0	0	13
Карасук	24,7	390	2	0	0	4	0	0	2	0	3	2	0	1	14	3	0	0	1	4	18
Татарск	23,4	480	2	0	1	2	0	0	2	0	0	3	0	0	10	1	0	0	0	1	11
Тогучин	20,4	110	2	0	1	1	2	0	1	0	0	1	0	0	8	2	0	0	0	2	10
Черепаново	20	108	2	0	1	3	0	0	2	0	0	1	0	0	9	2	0	0	1	3	12
Болотное	15,4	134	1	0	0	2	0	0	2	0	0	3	0	1	9	0	0	0	0	0	9
Кулдино	14,9	460	1	0	1	2	0	0	2	0	0	0	0	1	7	0	0	0	0	0	7
Чулым	10,9	141	1	0	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0	4	0	1	0	0	1	5
Каргат	8,2	185	1	0	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	4	0	0	0	0	0	4
Всего в МСГ	397,3	-	43	3	48	37	15	1	45	0	15	94	0	7	308	47	23	0	2	72	380
Новосибирск доля, %	58,6	-	45,8	62,5	89,0	85,6	90,6	89,3	64,4	86,4	90,0	83,8	100,0	80,3	81,7	85,0	82,4	66,7	81,0	83,5	82,0
МСГ доля, %	14,2	-	9,0	3,8	3,1	5,5	2,2	3,6	8,9	0,0	3,6	5,3	0,0	4,9	4,8	9,3	5,1	0,0	2,5	6,9	5,1

Источник: составлено авторами по данным сервиса проверки контрагентов List-org (<https://www.list-org.com>). Дата обращения: 14.11.2025 г.
*в рамках настоящего исследования г. Бердск отнесен к категории «малых и средних городов» поскольку до 2013 г. численность населения была менее 100 тыс. чел., в 2013-2020 гг. наблюдался рост показателя и затем последующее снижение в 2021–2025 гг.

В *Ивановской области* (табл. 2) также лидером по количеству организаций креативного сектора является региональный центр – г. Иваново (2409 организаций или 71,8% от общего количества в регионе). В малых и средних городах функционирует 396 организаций данной сферы (11,8% от регионального значения показателя) – 280 предприятий креативных индустрий и 116 сопутствующих видов деятельности. При этом лидером среди видов экономической деятельности, также как и в Новосибирской области, является «Мода» – 120 организаций. По направлению «Культурное наследие, отдых и развлечения» в малых и средних городах функционируют 36 организаций, «Книжное дело, медиа, СМИ» – 32 ед., «Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия» – 30 ед.

Интересно отметить, что несмотря на небольшое абсолютное значение количества организаций по видам деятельности «Дизайн» и «Гастрономия» почти треть из них зарегистрирована в малых и средних городах. Среди рассматриваемых населенных пунктов лидерами по количеству организаций креативного сектора являются г. Шуя (105 ед.) и г. Кинешма (87 ед.).

Фактор территориальной близости к региональному центру в части развития креативного сектора в Ивановской области проявлен не так сильно по сравнению с Новосибирской. С одной стороны, в г. Шуя, который расположен в 33 км от Иваново, действует 105 организаций в сфере креативных индустрий. С другой стороны, г. Кинешма, также занимающий лидирующие позиции, находится в 105 км от областного центра. В г. Кохма, находящемся в 15 км, расположено только 11 организаций креативного сектора, или в г. Фурманов, расположенном в 35 км, и вовсе действует лишь 3 таких организации.

Вологодская область заметно уступает Новосибирской (7,5 тыс. ед.) и Ивановской областям (3,4 тыс. ед.) по количеству организаций креативного сектора (табл. 3). В совокупности в регионе функционирует порядка 1,7 тыс. предприятий данного направления, при этом лишь 119 из них в малых городах. Наиболее широко представлены организации по виду деятельности «Культурное наследие, отдых и развлечения» (37 ед.), а также «Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия» (21 ед.). Менее популярны такие направления деятельности как «Реклама и пиар», «Дизайн» и «Ювелирное дело» (по 1 организации каждого вида). Сопутствующие виды деятельности креативного сектора в малых городах области также представлены в ограниченном количестве – всего 14 организаций.

В разрезе городов лидером является Великий Устюг (23 организации) и Сокол (20 организаций), что во многом обусловлено тем, что это более крупные по численности населения и количеству предприятий населенные пункты. В отношении г. Сокол вероятно оказывает влияние и фактор территориальной близости к областному центру – город расположен всего в 39 км от Вологды. Третье место разделили исторические города Устюжна и Кириллов. При этом последний является лидером среди малых городов региона по количеству организаций, функционирующих по направлению «Культурное наследие, отдых и развлечения».

Таблица 2

Количество организаций креативного сектора, функционирующих в городах Ивановской области

Город	Чис-ть населения, тыс. чел. (2024 г.)	Расстояние от адм. центра, км	Креативные индустрии												Сопутствующие виды деятельности					ВСЕГО КИ	
			Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия	Кино, сериалы, анимация	ПО и видеотры	Книжное дело, медиа, СМИ	Реклама и паар	НХПир	Культурное наследие, отдых и развлечения	Дизайн	Архитектура и урбанистика	Мода	Ювелирное дело	Гастрономия	ВСЕГО по основным КИ	Оборудование и материалы	Дизайн-интенсивные производства	Специализированные образованные	Организация выставок и мероприятий		Всего по вепомот КИ
Ивановская область	905,9		143	14	284	175	126	19	148	13	108	1280	23	33	2366	880	99	2	8	989	3355
Иваново	358,4	0	43	11	230	127	100	3	40	9	97	977	18	21	1676	656	68	2	7	733	2409
Клепешма	74,8	105	5	1	6	7	5	0	6	0	3	25	0	6	64	18	5	0	0	23	87
Шуя	53,3	33	6	0	9	3	1	2	10	0	1	31	0	2	65	34	6	0	0	40	105
Тейково	30,5	36	3	0	0	4	0	0	3	1	0	15	1	0	27	5	0	0	0	5	32
Кохма	30,2	15	0	0	0	1	0	0	0	1	0	9	0	0	11	0	0	0	0	0	11
Вичуга	29,6	75	3	0	3	3	1	0	4	0	0	8	0	0	22	10	2	0	0	12	34
Фурманов	28,9	35	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	3	0	0	0	0	0	3
Родники	23,6	55	2	0	3	3	0	0	1	0	0	9	0	0	18	12	2	0	0	14	32
Приволжск	14,1	51	1	0	0	4	0	0	1	1	0	11	4	0	22	2	1	0	0	3	25
Южа	12,5	100	2	0	0	1	1	0	1	0	0	2	0	0	7	6	0	0	0	6	13
Комсомольск	8,4	60	1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	4	3	0	0	0	3	7
Заволжск	8,4	112	1	0	1	0	0	0	1	0	0	2	0	0	5	1	0	0	0	1	6
Наволоки	7,8	112	1	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	4	6	0	0	0	6	10
Юрьевец	7,4	165	0	1	1	2	1	0	2	0	0	0	0	0	7	0	0	0	0	0	7
Пучеж	6,6	164	1	0	0	1	0	2	2	0	0	2	0	0	8	1	0	0	0	1	9
Гаврилов Посад	5,1	86	2	0	0	1	0	0	2	0	0	2	0	0	7	1	0	0	0	1	8
Плес	1,8	69	2	0	0	1	0	0	2	0	0	0	0	1	6	0	0	0	1	1	7
МСГ всего	343,1	-	30	2	23	32	9	4	36	4	5	120	5	10	280	99	16	0	1	116	396
Доля Иваново	39,6	-	30,1	78,6	81,0	72,6	79,4	15,8	27,0	69,2	89,8	76,3	78,3	63,6	70,8	74,5	68,7	100,0	87,5	74,1	71,8
Доля МСГ	37,9	-	21,0	14,3	8,1	18,3	7,1	21,1	24,3	30,8	4,6	9,4	21,7	30,3	11,8	11,3	16,2	0,0	12,5	11,7	11,8

Источник: составлено авторами по данным сервиса проверки контрагентов List-org (<https://www.list-org.com>). Дата обращения: 14.11.2025 г.

Таблица 3

Количество организаций креативного сектора, функционирующих в городах Вологодской области

Город	Численность населения, тыс. чел. (2024 г.)	Расстояние от адм. центра, км	Креативные индустрии												Сопутствующие виды деятельности					ВСЕГО КИ	
			Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия	Кино, сериалы, анимация	ПО и видеоконтент	Книжное дело, медиа, СМИ	Реклама и пиар	НХП/ИР	Культурное наследие, отелей и развлекательные	Дизайн	Архитектура и урбанистика	Мода	Ювелирное дело	Гастрономия	ВСЕГО по основным КИ	Оборудование и материалы	Дизайн-интенсивные производства	Специализированное образование	Организация выставок и мероприятий		Всего по веткам КИ
Вологодская область	1121,3	-	165	24	231	187	167	17	208	13	112	299	6	38	1467	80	117	2	10	209	1676
Вологда	311,9	-	53	14	129	89	107	11	75	8	79	163	1	16	745	52	69	0	6	127	872
Череповец	298,8	137	33	7	85	58	49	2	44	2	26	81	4	15	406	22	22	0	2	46	452
Сокол	33,9	39	3	1	0	3	0	0	3	0	2	2	0	0	14	0	5	0	1	6	20
Великий Устюг	27,9	450	2	1	2	3	0	3	4	0	1	4	0	1	21	1	1	0	0	2	23
Грязовец	14,2	47	1	0	1	1	0	0	2	0	0	3	1	0	9	0	0	1	0	1	10
Бабаево	11,7	294	2	0	0	1	0	0	3	0	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	6
Вытегра	10,2	320	3	0	0	1	0	0	3	0	0	0	0	1	8	0	1	0	0	1	9
Тотьма	8,6	209	0	0	0	2	1	0	2	1	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	6
Харовск	8,3	110	2	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	4	0	0	0	0	0	4
Белозерск	8,1	171	3	0	0	1	0	0	4	0	0	1	0	0	9	0	0	0	0	0	9
Никольск	7,6	410	2	0	0	1	0	0	2	0	0	1	0	0	6	0	0	0	0	0	6
Устюжна	7,6	245	0	0	0	1	0	0	4	0	0	2	0	1	8	0	3	0	0	3	11
Кириллов	7,1	128	1	1	0	1	0	0	7	0	0	1	0	0	11	0	0	0	0	0	11
Красавино	5,4	470	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	2	1	0	0	0	1	3
Кадников	3,9	43	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
Всего МСГ	154,5	-	21	3	3	15	1	3	37	1	3	14	1	3	105	2	10	1	1	14	119
Доля ВЧ	54,5	-	52,1	87,5	92,6	78,6	93,4	76,5	57,2	76,9	93,8	81,6	83,3	81,6	78,5	92,5	77,8	0,0	80,0	82,8	79,0
Доля МСГ	13,8	-	12,7	12,5	1,3	8,0	0,6	17,6	17,8	7,7	2,7	4,7	16,7	7,9	7,2	2,5	8,5	50,0	10,0	6,7	7,1

Источник: составлено авторами по данным сервиса проверки контрагентов List-org (<https://www.list-org.com>). Дата обращения: 14.11.2025 г.

Институциональная среда развития креативных индустрий в малых и средних городах

В широком смысле под институциональной средой развития КИ, на наш взгляд, следует понимать систему формальных и неформальных правил, действующих организаций и применяемых практик, которые создают условия для возникновения и роста креативного бизнеса.

Стратегия социально-экономического развития региона является ключевым документом стратегического планирования развития субъектов РФ на долгосрочную перспективу. Логично предположить, что перспективы развития данного сектора экономики должны быть отражены в этом документе.

В рамках настоящего исследования нами был проведен содержательный анализ Стратегий социально-экономического развития трех рассматриваемых регионов. Внимание было сфокусировано на следующих аспектах: 1) выявлена ли в документе проблематика развития малых и средних городов; 2) присутствует ли акцент на развитии креативных индустрий в регионе в целом, и какая роль в данной области отводится малым и средним городам. Кроме того, в рамках исследования были рассмотрены и другие принятые в субъектах РФ нормативно-правовые акты, направленные на развитие креативных индустрий, а также функционирующие институты поддержки данного направления.

В Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года¹⁰ в явном виде вопросы развития малых и средних городов не нашли своего отражения. Вместе с тем, в документе четко обозначена проблема несбалансированности территориального развития региона и высокой концентрации хозяйственной активности в Новосибирской агломерации при относительно слабом развитии остальных территорий. Города Бердск, Искитим и Обь обозначены как населенные пункты, входящие в состав Новосибирской агломерации, соответственно их дальнейшие перспективы рассматриваются в контексте ее развития как единого территориального образования. Также в Стратегии обозначено наличие формирующейся Барабинско-Куйбышевская агломерации, ядрами которой являются города Барабинск и Куйбышев.

В части развития креативного сектора в документе данному вопросу уделяется достаточно много внимания. В Стратегии обозначено, что сфера культуры должна стать ключевым направлением развития креативной индустрии региона, одной из основ экономики знаний. Интеграция цифровых и медиатехнологий в культурную сферу создаст условия для равного доступа населения Новосибирской области к культурным благам, эстетическому просвещению и формированию культурных компетенций. Реализация данной стратегии позволит закрепить за регионом статус ведущего культурного центра азиатской части России. В качестве приоритетных направлений развития креативного сектора обозначены исполнительские искусства (театр, опера, балет, академическая музыка); визуальные искусства и арт-кино; гастрольно-фестивальная деятельность; событийный и семейный культурный туризм; творческие индустрии; музейное дело; профессиональное и дополнительное художественное образование; сохранение этнокультурного наследия и объектов культурно-исторической ценности.

Важнейшим документом стратегического планирования развития креативного сектора экономики является «Концепция развития креативных индустрий в Новосибир-

¹⁰ Постановление Правительства Новосибирской области от 19.03.2019 № 105-п «О стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года»

ской области»¹¹. В документе обозначены преимущества, которыми обладает область для развития креативных индустрий. В частности, к ним отнесены наличие большого количества объектов культуры и искусства, имеющих значение не только для региона, но и для Сибири (Новосибирский государственный академический театр оперы и балета, Новосибирская государственная филармония и т.д.); развитый сектор научных исследований (Сибирское отделение РАН, научно-технологический парк Новосибирского Академгородка, Научно-технологический парк в сфере биотехнологий в наукограде Кольцово и т.д.); высокоразвитая система общего, среднего профессионального, высшего и дополнительного образования; высокий уровень предпринимательской активности; высокий уровень развития цифровых технологий и сервисов.

В качестве ключевых направлений развития креативной экономики в концепции обозначены создание креативных кластеров, арт-резиденций, центров коллективного пользования для развития креативных индустрий; развитие кадрового потенциала креативных индустрий; реализация системообразующих проектов.

Одним из таких проектов является Центр креативных индустрий¹² (ГБУК НСО «ЦКИ»), созданный Правительством и Министерством культуры Новосибирской области. Организация реализует комплексную поддержку креативных индустрий по четырём основным направлениям:

1. Информационная: доступ к новостям, грантам, ресурсам и партнёрам через портал «Фокус».
2. Культурно-просветительская: вовлечение в проекты и организация мероприятий.
3. Сообщество: нетворкинг, обмен опытом, совместные проекты и консультации для предпринимателей.
4. Инфраструктурная: предоставление площадок для мероприятий, таких как кинозал «Синема».

На практике поддержка включает индивидуальный подбор событий и экспертных консультаций по монетизации творчества, проведению мастер-классов и поиску коллабораций. Вместе с тем, хотя деятельность Центра креативных индустрий направлена на всю Новосибирскую область, внимание главным образом сфокусировано на г. Новосибирске.

Центры «Мой бизнес» также в настоящее время могут рассматриваться как важнейший инфраструктурный элемент поддержки малого и среднего предпринимательства в креативном секторе экономики. В Новосибирской области открыта только одна организация – в г. Новосибирске. Однако, следует отметить, что основная деятельность центра предусматривает и проведение мероприятий, направленных на развитие креативных индустрий. К примеру, в 2023 году была реализована акселерационная программа для предпринимателей в сфере креативных индустрий, в ходе которой участники ознакомились с полным циклом создания модного бренда¹³.

¹¹ Постановление Правительства Новосибирской области от 08 июня 2021 г. № 212-п «Об утверждении Концепции развития креативных индустрий в Новосибирской области».

¹² Официальный сайт ГБУК Новосибирской области «Центр креативных индустрий». URL: <https://creative-nso.ru/> (Дата обращения: 1.12.2025 г.)

¹³ Акселерационная программа для предпринимателей в сфере креативных индустрий // Сайт «Мой бизнес. Новосибирская область». URL: <https://mbnso.ru/projects/obuchayushchie-programmy/akseleratsionnaya-programma-dlya-predprinimateley-v-sfere-kreativnykh-industriy/?ysclid=mipxt8sm6x755710958> (дата обращения: 18.11.2025 г.)

В целом, можно заключить, что институциональная среда для развития креативных индустрий в Новосибирской области характеризуется сравнительно высоким уровнем развития. Вместе с тем, акцент ставится прежде всего на развитии креативного сектора в Новосибирске, особого внимания малым и средним городам не уделяется, что возможно и является причиной того, что в них расположены лишь 5% организаций креативного сектора.

В стратегии социально-экономического развития *Ивановской области*¹⁴ проблематика развития малых и средних городов также четко не выражена. В качестве перспективных направлений развития данных населенных пунктов рассматривается их включение в туристско-рекреационный кластер «Малые города Ивановской области», деятельность которого обеспечит формирование конкурентоспособного туристского продукта с длительным сроком пребывания и вовлечения в туристский оборот исторических и культурных достопримечательностей области.

Относительно планов по развитию креативного сектора экономики можно заключить, что в документе данному направлению уделяется много внимания. В качестве одной из стратегических целей развития экономического потенциала региона обозначено создание и продвижение собственных брендов предприятий легкой промышленности области, а также формирование крупнейшего в ЦФО промышленного кластера, ядром которого будет текстильное и швейное производство. Также отметим, что в Стратегии ставится акцент на развитии такого направления креативных индустрий как производство компьютеров и электронных изделий.

Развитие и сохранение народных художественных промыслов также закреплено в стратегии Ивановской области как важнейшее направление. Для достижения этой цели в Стратегии запланирован целый комплекс мероприятий: развитие и поддержка мест традиционного бытования промыслов, содействие их возрождению, а также создание условий для развития сбытовой сети через салоны-магазины в музеях региона. Важным направлением является включение традиционных центров промыслов в туристические маршруты и поддержка участия предприятий в культурных событиях, ярмарках и фестивалях регионального и всероссийского уровня. Планируется популяризация промыслов через информационные материалы, тематические фильмы и выставочные проекты, а также создание Центров креативных индустрий в местах развития народных художественных промыслов.

В перспективе органы государственной власти Ивановской области планируют разработку и принятие регионального закона о развитии креативных индустрий, при этом подчеркивается особая роль малых городов как территорий с высоким потенциалом для роста творческих отраслей экономики¹⁵.

Центры «Мой бизнес» в регионе открыты не только в г. Иваново, но и в городах Кинешма и Шуя. Одним из направлений деятельности организации является поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в креативном секторе. К примеру, в 2025 году была проведена конференция для представителей бизнеса на тему «Реализация

¹⁴ Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года»

¹⁵ В Ивановской области обсудили развитие креативных индустрий в малых городах. Сайт IvanovoNews. <https://www.ivanovonews.ru/news/1369435/> (дата обращения: 18.11.2025 г.)

проектов в сфере креативных индустрий. Мода, как перспективное направление российской экономики»¹⁶.

В стратегии социально-экономического развития *Вологодской области*¹⁷ вопросы развития малых городов практически не отражены, однако тематика развития креативных индустрий рассматривается. Акцент ставится на развитии традиционных народных художественных промыслов, поскольку область занимает 4-е место в России по объёму их производства. Регион сохраняет более 10 традиционных видов, включая всемирно известные бренды: «Вологодское кружево», «Северная чернь», а также берестяные промыслы, эмали, ткачество и другие.

В Вологодской области функционирует только один центр «Мой бизнес» – в г. Вологде. Однако, на наш взгляд, одной из сильных сторон деятельности организации в сфере поддержки и развития креативных индустрий в регионе является наличие структурного подразделения «Центра народно-художественных промыслов», деятельность которого направлена на поддержку субъектов предпринимательства в сфере народных художественных промыслов, ремесленной деятельности, сельского и экологического туризма¹⁸.

В Вологодской области открыто 3 школы креативных индустрий: в Вологде и Череповце – на базе Центра дополнительного образования детей и Череповецкого областного училища искусств и художественных ремесел имени В.В. Верещагина, а также в малом городе Красавино Великоустюгского муниципального округа. При этом в 2026 году планируется открытие еще одной Школы креативных индустрий на базе Бабаевской детской школы искусств в г. Бабаево¹⁹.

На следующем этапе исследования в целях комплексного рассмотрения специфических условий, в которых формируется креативная экономика малых и средних городов России был проведен SWOT-анализ. Его задачей являлось выявление не только внутренних конкурентных преимуществ и системных барьеров на локальном уровне, но и прогнозирование влияния внешних макротрендов – от цифровизации и новой волны субурбанизации до изменений в государственной культурной и региональной политике.

Резюмируя, можно заключить, что значительный потенциал для роста креативного сектора в России сосредоточен в малых и средних городах, особенно в таких направлениях, как народные художественные промыслы, туризм, а также в сфере популяризации культурно-исторического наследия. Успешное развитие креативных индустрий в данных

¹⁶ «Реализация проектов в сфере креативных индустрий. Мода, как перспективное направление российской экономики» // Сайт администрации городского округа Вичуга. URL: https://vichuga37.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_146.html?ysclid=mipzknwc8x964192075 (дата обращения: 18.11.2025 г.)

¹⁷ Постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920 «О стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года».

¹⁸ Центр народно-художественных промыслов // Сайт «Мой бизнес. Вологодская область». URL: <https://mb35.ru/podrazdeleniya-rts-pp/tsentr-narodno-khudozhestvennykh-promyslov-remeslennoy-deyatelnosti-selskogo-i-ekologicheskogo-turiz1/> (дата обращения: 18.11.2025 г.)

¹⁹ Еще одна Школа креативных индустрий откроется в Вологодской области в 2026 году // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/eshche_odna_shkola_kreativnykh_industriy_otkroetsya_v_vologodskoy_oblasti_v_2026_godu/ (дата обращения: 18.11.2025 г.)

населенных пунктах может стать драйвером их социально-экономического роста, способствовать удержанию талантливой молодежи и формированию комфортной городской среды.

Таблица 4

SWOT-анализ развития креативных индустрий в малых и средних городах России

Сильные стороны (Strengths):	Слабые стороны (Weaknesses):
<p>1. Локальная идентичность малых и средних городов: наличие аутентичной истории, традиционных ремесел, фольклора, архитектуры и природных ландшафтов, которые выступают источником для развития творческой деятельности.</p> <p>2. Низкая стоимость операционных издержек по сравнению с крупными городами, что снижает порог входа компаний креативного сектора экономики на локальные рынки.</p> <p>3. Компактность местного сообщества, которая позволяет оперативно налаживать доверительные связи между бизнес-средой, населением, органами власти и представителями креативного сектора.</p> <p>4. Чистая природа как фактор улучшения качества жизни креативного класса и роста привлекательности города для релокантов из крупных городов, что актуально с учетом моды на «цифровой детокс» и работу в природной среде.</p>	<p>1. Ограниченный рынок сбыта, низкая платежеспособность спроса местного населения, консервативные потребительские привычки, что ограничивает возможности для монетизации креативных продуктов и услуг.</p> <p>2. Дефицит высококвалифицированных кадров, отток амбициозной и творческой молодежи в крупные города и агломерации для получения образования и построения карьеры.</p> <p>3. Недостаточное развитие транспортной сети и дефицит инфраструктуры для развития креативных отраслей экономики: нехватка коворкингов, выставочных пространств, мастерских, репетиционных баз.</p> <p>4. Незрелость институтов развития, грантовых программ, краудфандинговых платформ, ориентированных именно на креативные индустрии.</p>
Возможности (Opportunities):	Угрозы (Threats):
<p>1. Участие в федеральном проекте «Придуманно в России» и/или иных грантовых проектах и программах, предусматривающих инфраструктурную поддержку для креативных предпринимателей.</p> <p>2. Цифровизация и развитие форм удаленной занятости позволяет создавать продукт в малых и средних городах и продавать его по всей России и миру (IT, дизайн, анимация, музыка, онлайн-образование).</p> <p>3. Интеграция творческой деятельности с традиционными отраслями экономики, применение креативных технологий для повышения конкурентоспособности местных промышленных производств (промдизайн), сельского хозяйства (агротуризм, эко-брендинг), туризма (создание событий, сувениров, гидов).</p> <p>4. Развитие культурного и образовательного туризма за счет создания на базе креативных индустрий новых точек притяжения (фестивали, резиденции, музеи современного искусства, гастрономические проекты), формирующих турпоток.</p> <p>5. Оживление городских общественных пространств за счет развития креативных индустрий, ревитализация неиспользуемых промышленных территорий.</p>	<p>1. Сохранение фокуса внимания в федеральных программах и проектах на развитии креативного сектора в городских агломерациях и крупных городах, что затруднит выход проектов из малых и средних городов на федеральный уровень.</p> <p>2. Сокращение бюджетного финансирования на культуру и реализацию креативных проектов как «неприоритетную» статью расходов в условиях экономической нестабильности.</p> <p>3. Бюрократические барьеры, сложности с легализацией нестандартных видов деятельности, получением разрешений на использование помещений, высокие налоги для самозанятых в творческой сфере.</p> <p>4. Консерватизм местного сообщества, включая представителей власти и бизнеса; непонимание ценности современной культуры, неприятие авангардных форм творчества и недооценка экономического потенциала креативного сектора с их стороны.</p>

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, в настоящее время креативные индустрии наибольшее распространение получили в крупных городах. Исследование опыта даже регионов-лидеров в данной сфере – Новосибирской и Ивановской областей, продемонстрировало, что большая доля организаций креативного сектора сосредоточены в административных центрах – Новосибирске и Иваново. В большинстве малых и средних городов развитие креативных индустрий находится в зачаточном состоянии. В Ивановской области лишь около 12% организаций креативного сектора расположены в малых и средних городах, а в Новосибирской области и того меньше – 5%.

Вместе с тем, следует отметить, что одним из ключевых факторов, способных катализировать развитие креативных индустрий в малых и средних городах, выступает территориальная близость к крупному городу (вхождение в состав агломерации). Положительное влияние оказывает доступ к рынкам сбыта или аудитории, поскольку сам креативный продукт (дизайн, музыка, цифровой контент, предметы искусства) может быть создан в небольшом населенном пункте, а продан или представлен в крупном городе.

Помимо этого, крупный город открывает возможности участия в мероприятиях, обмена знаниями, использования специализированной инфраструктуры агломерации (студии звукозаписи, выставочные залы, типографии и т.д.) для представителей бизнеса небольших городов без необходимости переезда.

Малые и средние города в данном случае сохраняют такие свои конкурентные преимущества, как низкая стоимость жизни (аренда, жилье), близость к природе и размеренный темп жизни, но при этом имеют доступ к благам крупного города. Это в свою очередь выступает весомым аргументом для привлечения и удержания креативных специалистов, которые могут работать удаленно.

Вместе с тем важно понимать, что близость к крупному городу несет в себе определенные риски. Лучшие кадры и самые амбициозные проекты могут «перетекать» в крупный город, рассматривая небольшие населенные пункты лишь как временную стартовую площадку. Малому городу сложно конкурировать с насыщенной культурной повесткой мегаполиса. Кроме того, рост цен на недвижимость и услуги из-за повышенного спроса со стороны приезжих могут вытеснить коренных жителей и саму креативную среду.

Во-вторых, если близость к крупному городу выступает внешним стимулом, то внутренним фундаментом, без которого креативные индустрии в малых и средних городах не смогут устойчиво развиваться, является развитая институциональная среда. Исследование показало, что в Новосибирской области – регионе-лидере по развитию креативных индустрий утверждена «Концепция развития креативных индустрий в Новосибирской области», а также создан Центр креативных индустрий. В Ивановской области проблематике развития креативного сектора уделяется пристальное внимание в Стратегии социально-экономического развития региона, а также прорабатывается вопрос о принятии регионального закона о развитии креативных индустрий. В Воло-

годской области – регионе, занимающем средние позиции в Рейтинге креативных регионов России, нельзя сказать, что данные вопросы игнорируются властями, однако в документах стратегического планирования они представлены фрагментарно, нет четкого видения развития креативного сектора в экономике региона.

В целом можно заключить, что в парадигме ноономики малые и средние города могут рассматриваться не как отсталые периферийные территории, а как альтернативные площадки для развития креативного сектора экономики страны. При этом, как справедливо отмечает профессор С.Д. Бодрунов, одним из ключевых процессов урбанистической ноотрансформации является институциональная адаптация – переход от иерархических форм управления городом к гибким сетевым моделям и цифровым платформам. Это в свою очередь требует законодательных корректировок, стимулирующих взаимодействие по модели «Государство-Бизнес-Наука», которое дополняет традиционную цепочку «Производство-Наука-Образование». Данные изменения будут способствовать формированию правовой и организационной среды, в которой креативные проекты могут свободно рождаться и масштабироваться, а сам город становится открытой площадкой для реализации нооинициатив [3].

В качестве направлений развития креативных индустрий в малых и средних городах России, на наш взгляд, можно предложить следующие.

1. Развитие локальной идентичности малых и средних городов. Креативные индустрии должны быть укоренены в местном контексте: истории, ремеслах, народных промыслах, природном ландшафте и т.д. Совместно с представителями администрации и представителями существующих культурных институций необходимо определить приоритетные направления развития креативных индустрий и уникальный символ города.

2. Поддержка развития креативных индустрий «сверху». Необходимо признание со стороны органов региональной власти и местного самоуправления креативных индустрий как приоритета и драйвера экономического развития города. Данное направление должно быть отражено в документах стратегического планирования развития муниципального образования, также возможно создание специализированного структурного подразделения или введение должности специалиста по развитию креативного сектора в городской администрации. В качестве мер правовой и финансовой поддержки можно предложить такие инструменты как льготная аренда муниципальных помещений (заброшенных заводов, домов культуры и т.п.) под креативные кластеры, мастерские, коворкинги; предоставление на конкурсной основе грантов и субсидий на запуск проектов в креативном секторе экономики; упрощенные процедуры согласования для уличного искусства.

3. Развитие креативных индустрий «снизу» за счет вовлечения местного сообщества. По данным ВЦИОМ в России лишь 2% жителей малых и средних городов хорошо знакомы с понятием «креативные индустрии», а более 70% вообще никогда про них не слышали. Вместе с тем, если людям объяснить, какие виды деятельности включает данная сфера, то 88% жителей отмечают, что для страны важно их развитие²⁰. В отличие от стратегий «сверху», здесь нет готовых предписаний и навязанных форматов. Отправной точкой может стать работа с местным культурным кодом, живая исследовательская

²⁰ Россия – креативная наша держава! // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-kreativnaja-nasha-derzhava?ysclid=mj041xfvln335020591>

практика: совместные этнографические экспедиции по сбору семейных историй, фото-архивов и ремесленных техник; переосмысление индустриального наследия заброшенного завода через современное искусство; внимание к местным диалектам, природным ландшафтам и т.п. Важнейшую роль играют такие события как уличные выставки или литературные чтения в библиотеке, организованные горизонтальными инициативными группами.

4. Развитие системы образования в сфере креативных индустрий. В данном случае главный вызов – остановить утечку талантов, давая молодежи не только навыки, но и уверенность, что реализовать их можно здесь и сейчас, не покидая родной город. Для этого образование должно стать мостом между личным творчеством и конкретными потребностями территории, между локальной идентичностью и глобальными трендами. Фундаментом такой системы становится обновление формального образования через проектный подход. Школы и колледжи могут внедрять в учебные процессы реальные кейсы от местного бизнеса и учреждений: разработку фирменного стиля для городского фестиваля, создание анимационного ролика о местном музее, проектирование комфортной городской среды.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в углублении научных представлений о том, как развиваются креативные индустрии в малых и средних городах. В ходе работы были выявлены ключевые факторы, сдерживающие и стимулирующие рост креативного сектора в периферийных регионах. Данные результаты не только расширяют теоретическую базу, но и могут послужить фундаментом для разработки конкретных управленческих решений и программ поддержки креативных индустрий на локальном уровне.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Знание, творчество, креативные технологии и знаниеёмкость современной индустрии / С. Д. Бодрунов, А. Фриман, Е. А. Ткаченко, Н. Д. Дмитриев, А. А. Золотарёв // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика : сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2025. – Т. IX. – С. 381-403.
2. Бодрунов, С. Д. Ноономика как парадигма глобального развития / С. Д. Бодрунов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 13-33. – DOI: 10.37930/2782 618X 2025 4 2 13 33.
3. Бодрунов, С. Д. От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально креативного аспекта (ноо) трансформации общества) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2025. – № 1(83). – С. 5-31. – DOI: 10.37930/1990 9780 2025 1 83 5 31.
4. Ускова, Т. В. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов / Т. В. Ускова, И. А. Секушина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – № 1(14). – С. 56-70. – DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5.
5. Florida, R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life / R. Florida // Canadian Public Policy – Analyse de Politiques. – 2003. – Vol. 29. – P. 378.
6. Peck, J. Struggling with the Creative Class / J. Peck // International Journal of Urban and Regional Research. – 2005. – Vol. 29, No. 4. – P. 740-770. – URL: (дата обращения: не указана).

7. *Storper, M.* Rethinking human capital, creativity and urban growth / M. Storper, A. J. Scott // *Journal of Economic Geography*. – 2009. – Vol. 9, No. 2. – P. 147-167. – URL: (дата обращения: не указана).
8. *Landry, C.* The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators / C. Landry // *Community Development Journal*. – 2001. – DOI: 10.1093/CDJ/36.2.165.
9. *Scott, A.* Creative Cities: Conceptual Issues and Policy Questions / A. Scott // *Journal of Urban Affairs*. – 2006. – Vol. 28. – P. 1–17. – DOI: 10.1111/j.0735 2166.2006.00256.x.
10. *Костко, Н. А.* Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта / Н. А. Костко // *Siberian Socium*. – 2021. – Т. 5, № 3(17). – С. 52–68. – DOI: 10.21684/2587 8484 2021 5 3 52 68.
11. *Байкова, Э. Р.* Опыт развития креативных индустрий за рубежом / Э. Р. Байкова // *Экономика и управление: научно практический журнал*. – 2022. – № 1(163). – С. 11–17. – DOI: 10.34773/EU.2022.1.2.
12. *Сысоева, О. В.* Анализ современного состояния креативных индустрий / О. В. Сысоева, А. В. Васина // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. – 2024. – № 4(44). – С. 78–90.
13. *Климова, И. В.* Креативные индустрии и устойчивое развитие региональных центров Приволжского федерального округа: сонаправленность векторов развития / И. В. Климова, Л. Н. Семеркова // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. – 2023. – № 7(225). – С. 59–71. – DOI: 10.46554/1993 0453 2023 7 225 59 71.
14. *Маленко, И. С.* Креативные индустрии. Опыт Новгородской области / И. С. Маленко // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика*. – 2020. – № 4(46). – С. 24–28.
15. *Полуянова, О. Г.* Креативные индустрии как фактор региональной модернизации / О. Г. Полуянова // *Современный город: власть, управление, экономика*. – 2021. – Т. 1. – С. 119–125. – DOI: 10.15593/65.049 66/2021.15.
16. *Гамбеева, Ю. Н.* Роль креативных индустрий в социально экономическом развитии территории / Ю. Н. Гамбеева, В. М. Смей // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2021. – № 6(452). – С. 89–96. – DOI: 10.47475/1994 2796 2021 10610.
17. *Тургель, И. Д.* Креативная реиндустриализация городов «второго эшелона» в условиях цифровой трансформации: исследование инструментами SciVal / И. Д. Тургель, И. С. Антонова // *Экономика региона*. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 629–650. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2023 3 3.
18. *Duxbury, N.* Developing and Revitalizing Rural Communities through Arts and Culture / N. Duxbury, H. Campbell // *Small Cities Imprint*. – 2011. – Vol. 3. – P. 111–122.
19. *Eglite, Ž.* Creative people, industries and places in small cities and rural areas / Ž. Eglite // *Culture Crossroads*. – 2022. – Vol. 21, No. 1. – P. 7–20.
20. *Tjarve, B.* Creative industries in small cities: contributions to sustainability / B. Tjarve, Z. Eglite, I. Kunda // *22nd International Scientific Conference «Economic Science for Rural Development 2021»*. – 2021. – No. 55: Sustainable Bioeconomy, Integrated and Sustainable Regional Development, Rural Development and Entrepreneurship, Circular Economy: Climate Change, Environmental Aspects, Cooperation, Supply Chains, Efficiency. – P. 15. – DOI: 10.22616/ESRD.2021.55.015.
21. *Шабунова, А. А.* Реструктуризация производственно хозяйственной деятельности малых городов / А. А. Шабунова, Н. С. Рычихина // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. – 2023. – № 3(57). – С. 70–77. – DOI: 10.6060/ivesofin.2023573.655.
22. *Андрейченко, Н. Н.* Креативные индустрии как стимул социально-экономического развития малых городов / Н. Н. Андрейченко // *Мир русскоговорящих стран*. – 2024. – № 3(21). – С. 133–152. – DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-133.

23. Рейтинг креативных регионов России: 2024 / Л. М. Гохберг, В. О. Боос, К. Н. Боякова, Е. С. Куценко и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ИСИЭЗ ВШЭ), 2025. – 198 с.

References

1. Bodrunov S. D., Freeman A., Tkachenko E. A., Dmitriev N. D., Zolotarev A. A. (2025) Znaniye, tvorchestvo, kreativnyye tekhnologii i znaniyemkost sovremennoy industrii [Knowledge, Creativity, Creative Technologies and Knowledge Intensity of Modern Industry]. In: *New Industrial Society: Origins, Reality, Future. Noonomy*; Bodrunov S. D. (Ed.). Vol. 9. Saint Petersburg: S. Y. Witte INID, pp. 381–403.
2. Bodrunov S. D. (2025) Noonomika kak paradigma globalnogo razvitiya [Noonomy as a Paradigm of Global Development]. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, 4 (2), pp. 13–33. DOI: 10.37930/2782 618X 2025 4 2 13 33.
3. Bodrunov S. D. (2025) Ot ekonomiki – k noonomike (tezisy k voprosu o strategirovanii intellektualno kreativnogo aspekta (noo) transformatsii obshchestva) [From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of Strategic Planning of the Intellectual and Creative Aspect (Noo) of Societal Transformation)]. *Economic Revival of Russia*, 1 (83), pp. 5–31. DOI: 10.37930/1990 9780 2025 1 83 5 31.
4. Uskova T. V., Sekushina I. A. (2021) Strategicheskiye priority razvitiya malyykh i srednikh gorodov [Strategic Priorities for the Development of Small and Medium-Sized Cities]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1 (14), pp. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5.
5. Florida R. (2003) The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. *Canadian Public Policy/Analyse de Politiques*, 29, p. 378
6. Peck J. (2005) Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*, 29 (4), pp. 740–770.
7. Storper M., Scott A. J. (2009) Rethinking Human Capital, Creativity and Urban Growth. *Journal of Economic Geography*, 9 (2), pp. 147–167.
8. Landry C. (2001) The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. *Community Development Journal*. DOI: 10.1093/CDJ/36.2.165.
9. Scott A. (2006) Creative Cities: Conceptual Issues and Policy Questions. *Journal of Urban Affairs*, 28 (1), pp. 1–17. DOI: 10.1111/j.0735 2166.2006.00256.x.
10. Kostko N. A. (2021) Modeli realizatsii kontseptsii «kreativnyy gorod»: analiz yevropeyskogo opyta [Models for Implementing the “Creative City” Concept: Analysis of European Experience]. *Siberian Socium*, 5 (3), pp. 52–68. DOI: 10.21684/2587 8484 2021 5 3 52 68.
11. Baykova E. R. (2022) Opyt razvitiya kreativnykh industriy za rubezhom [Experience in Developing Creative Industries Abroad]. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 1 (163), pp. 11–17. DOI: 10.34773/EU.2022.1.2.
12. Sysoeva O. V., Vasina A. V. (2024) Analiz sovremennogo sostoyaniya kreativnykh industriy [Analysis of the Current State of Creative Industries]. *Current Issues of Economics and Management*, 4 (44), pp. 78–90.
13. Klimova I. V., Semerkova L. N. (2023) Kreativnyye industrii i ustoychivoye razvitiye regionalnykh tsentrov Privolzhskogo federalnogo okruga: sonapravlennost vektorov razvitiya [Creative Industries and Sustainable Development of Regional Centers of the Volga Federal District: Co-Direction of Development Vectors]. *Bulletin of Samara State University of Economics*, 7 (225), pp. 59–71. DOI: 10.46554/1993 0453 2023 7 225 59 71.
14. Malenko I. S. (2020) Kreativnyye industrii. Opyt Novgorodskoy oblasti [Creative Industries. Experience of the Novgorod Oblast]. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Economics*, 4 (46), pp. 24–28.

15. Poluyanova O. G. (2021) Kreativnyye industrii kak faktor regionalnoy modernizatsii [Creative Industries as a Factor of Regional Modernization]. *Modern City: Power, Management, Economy*, 1, pp. 119–125. DOI: 10.15593/65.049 66/2021.15.
16. Gambeeva Y. N., Smey V. M. (2021) Rol kreativnykh industriy v sotsialno-ekonomicheskom razvitiy territorii [The Role of Creative Industries in the Socio-Economic Development of a Territory]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6 (452), pp. 89–96. DOI: 10.47475/1994 2796 2021 10610.
17. Turgel I. D., Antonova I. S. (2023) Kreativnaya reindustrializatsiya gorodov «vtorogo eshelona» v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: issledovaniye instrumentami SciVal [Creative Reindustrialization of “Second-Tier” Cities in the Context of Digital Transformation: A Study Using SciVal Tools]. *Economy of Region*, 19 (3), pp. 629–650. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023 3 3.
18. Duxbury N., Campbell H. (2011) *Developing and Revitalizing Rural Communities Through Arts and Culture*. Small Cities Imprint, 3, pp. 111–122.
19. Eglite Z. (2022) Creative People, Industries and Places in Small Cities and Rural Areas. *Culture Crossroads*, 21 (1), pp. 7–20.
20. Tjarve B., Eglite Z., Kunda I. (2021) Creative Industries in Small Cities: Contributions to Sustainability. In: 22nd International Scientific Conference “Economic Science for Rural Development 2021”. No. 55: Sustainable Bioeconomy, Integrated and Sustainable Regional Development, Rural Development and Entrepreneurship, Circular Economy: Climate Change, Environmental Aspects, Cooperation, Supply Chains, Efficiency, pp. 15–25. DOI: 10.22616/ESRD.2021.55.015.
21. Shabunova A. A., Rychikhina N. S. (2023) Restrukturizatsiya proizvodstvenno-khozyaystvennoy deyatel'nosti mal'kh gorodov [Restructuring of the Production and Economic Activities of Small Cities]. *News of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance and Production Management*, 3 (57), pp. 70–77. DOI: 10.6060/ivecofin.2023573.655.
22. Andreichenko N. N. (2024) Kreativnyye industrii kak stimul sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya mal'kh gorodov [Creative Industries as a Stimulus for the Socio-Economic Development of Small Cities]. *World of Russian-Speaking Countries*, 3 (21), pp. 133–152. DOI: 10.20323/2658 7866 2024 3 21 133.
23. Gokhberg L. M., Boos V. O., Boyakova K. N., Kutsenko E. S. et al. (2025) Reyting kreativnykh regionov Rossii: 2024 [Rating of Creative Regions of Russia: 2024]. Gokhberg L. M., Kutsenko E. S. (Eds.). Moscow: National Research University Higher School of Economics (NRU HSE). 198 p.

L. V. Babich²¹, I. A. Sekushina²². Features and Factors of the Development of Creative Industries in Small and Medium-Sized Cities in Russia. The relevance of this study stems from the need to find new development paths for small and medium-sized cities amid the paradigm shift from traditional economics to noonomy. In today’s reality, material production based on mechanized labor is no longer a driver of growth; value is created through knowledge and innovation, and the creative sector is becoming a key resource for the development of communities, enabling economic diversification, preserving cultural identity, and improving the quality of the urban environment. The aim of this study is to identify the specifics and state of development of creative industries in small and medi-

²¹ *Lyubov V. Babich*, First Deputy Director of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky ul., Vologda, 160014, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences, e-mail: lvbabich@volnc.ru

²² *Irina A. Sekushina*, Deputy Head of the Scientific and Educational Center, Senior Researcher of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky ul., Vologda, 160014, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences, e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

um-sized cities, identify systemic barriers, as well as promising areas for expanding their potential. The study is focused on small and medium-sized cities in the Novosibirsk, Ivanovo, and Vologda Oblasts. The theoretical basis for this study is the concept of noonomy, research on the economics of creative industries, and the concept of the «creative city». Data from Rosstat, the List-org counterparty verification service, Yandex. Maps, and strategic planning documents were used as the information base. The methodological framework included monographic, substantive, and comparative analyses, as well as a range of general scientific methods. The authors reveal that even in regions leading in creative industry development (Novosibirsk and Ivanovo Oblasts), the majority of organizations in this sector are concentrated in large cities. In the Ivanovo Oblast, only about 12% of enterprises are located in small and medium-sized cities, while in the Novosibirsk Oblast, the figure is only 5%. It was concluded that being located within the influence zone of a large city or within an agglomeration creates key prerequisites for the growth of creative industries in small and medium-sized cities. The institutional environment, including a set of regulatory and legal acts and existing institutions that set the direction for the development of the creative economy and ensure the systematic nootransformation of cities, also plays a significant role. A SWOT analysis identified the internal strengths and systemic constraints to the growth of creative industries in small and medium-sized cities in Russia.

Keywords: noonomy concept, creative industries, small and medium-sized cities, creative economy, economic diversification, Novosibirsk Oblast, Ivanovo Oblast, Vologda Oblast.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы пересылаются авторами в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах (фамилия, имя, отчество; учёная степень; должность; организация, которую представляет автор, и её адрес (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail);

2) название статьи;

3) аннотацию (150–200 слов);

4) ключевые слова (5–8 слов);

5) текст статьи;

6) библиографический список.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах;

2) название статьи;

3) аннотацию;

4) ключевые слова;

5) транслитерацию библиографического списка (references) с переводом названий источников и изданий (сборников, журналов и т. п.) на английский язык.

Требования к оформлению рукописи

Объём статьи – 25 000...45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2,5 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – *Times New Roman*.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись.

Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. **Нормативно-правовые документы, статистические материалы и работы без указания фамилий авторов в список источников не включаются** (при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску).

Список источников желательно составлять в алфавитном порядке: сначала – русскоязычные, затем – англоязычные. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи, при этом в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья, например: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. *Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русский язык.*

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Неопубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удалённого доступа (из интернета) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведённые в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором самостоятельно. Рекомендуется использовать систему на сайте <https://translit.net/>

Требования и примеры оформления транслитерации литературы представлены на сайте журнала «Экономическое возрождение России».

**Рукописи, не соответствующие данным требованиям,
возвращаются авторам!**

Плата за публикацию статей не взимается.

Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Приём статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16.
Тел./факс: +7 (812) 313-82-71, e-mail: evr@inir.ru

Для заметок

Для заметок